

С.Е. Расседин

*Милоградская культура,
ареал, хронология, этнос*

Институт истории
Национальной академии наук Беларуси

С.Е. Расседин

*Милоградская культура,
ареал, хронология, этнос*

Минск

ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»

2005

УДК 904(476+477)+947.6+947.7
Р 244

Рецензенты:

Вергей В.С., канд. истор. наук,
Медведев А.М., канд. истор. наук

Рассадин С.Е.

Р 244 Милоградская культура: ареал, хронология, этнос – Минск: ГНУ “Институт истории НАН Беларуси”, 2005. – 106 с., ил. - Библиография в конце

ISBN 985-6769-02-7

Монография посвящена основным проблемам исследования милоградской культуры, которая в начале эпохи железа занимала южный ареал нынешней Беларуси и северную часть Украины.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 904(476+477)+947.6+947.7

Охраняется Законом об авторском праве

ISBN 985-6769-02-7

© Составление, оформление - С.Е. Рассадин
© Оформление - ГНУ “Институт истории
НАН Беларуси”
© Обложка - З.С. Мантуш

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из основных задач археологии является выявление истоков культуры народов Европы, к которым относится также и белорусский. Решая эту задачу, нельзя оставить без внимания древности начала эпохи железа. Так, значительную часть современной этнической территории белорусов, а также украинцев, охватывает ареал милоградской или милоградско-подгорцевской культуры. К настоящему времени известно свыше двухсот её памятников на огромном (около 90 тыс. кв. км) пространстве в южной части лесной и лесостепной зонах (восток совр. Брестской, Гомельская, Киевская, Житомирская, Ровенская, юг Минской и Могилёвской, северо-запад Черниговской областей).

Подойдем к милоградской культуре как к целостному, самобытному историко-археологическому явлению и попытаемся рассмотреть её в качестве определённой системы. Это, видимо, должно приблизить выявление основных закономерностей и существенных подробностей процесса эволюции этой культуры. Уже в названии нашей монографии обозначены намеченные задачи, которые в развернутом виде сформулируем так:

1. Выявление признаков, определяющих палеоэтнографический облик культуры милоградского населения, определение критериев милоградской атрибуции.

2. Установление надёжных основ абсолютной и относительной хронологии культуры, периодизация её развития, их датировка и синхронизация с общепринятыми для востока Европы в начале эпохи железа.

3. Выявление динамики развития и дифференциации милоградского ареала, анализ археологических и других данных о переселениях «милоградцев».

4. Выявление возможностей этнической атрибуции милоградского населения.

В такой же последовательности эти сюжеты рассматриваются в тексте работы. Таким образом, каждая её глава посвящена одной из актуальных проблем изучения милоградской культуры.

По-новому освещены узловые моменты милоградской проблематики. Предыдущие исследования выполнены на локальном материале, и поэтому мы попытаемся учесть и интерпретировать всю доступную информацию из всего милоградского ареала. По-видимому, своевременность применения именно таких подходов диктуется логикой истории изучения мило-

градских древностей. Последнюю традиционно понимали преимущественно как историю накопления фактических данных. Однако содержание ее, видимо, шире и включает также историю теоретических изысканий по милоградской проблематике.

В истории исследования милоградских древностей представлены, на наш взгляд, уже пять периодов: 1873–1912 гг., 1924–37, 1947–67, 1967–конец 80-х, и наконец, текущий. Эта периодизация в основной её части совпадает с общими схемами истории отечественной археологии (Вяргей, 1992; Генинг, 1982; Пряхин, 1986, с. 20, 108; Формозов, 1961, с. 68). Поправки делаются с учетом, во-первых, того, что в 1913–1923 гг. и в 1938–1946 гг. никаких полевых исследований на милоградских памятниках не велось, а также совершенно не публиковались материалы, имеющие хоть какое-то отношение к милоградской культуре. Во-вторых, после черныбыльской катастрофы, разразившейся практически в самом центре милоградского ареала, образовалась огромная зона отчуждения, недоступная для археологических исследований. Милоградский ареал вскоре оказался разделённым пополам государственной границей между независимыми Беларусью и Украиной, а их экономическое состояние не только не способствовало дальнейшему развёртыванию археологических исследований, но даже и поддержанию их масштабов хотя бы на прежнем уровне.

Итак, первый период исследования древностей, именуемых сейчас милоградскими, приходится на конец позапрошлого – начало прошлого века. Этому периоду были присущи недостатки, свойственные тогдашней российской археологии в целом. И.Г. Шовкоплясом отмечалось, например, чрезмерное увлечение раскопками курганов в ущерб исследованию поселений (Шовкопляс, 1969, с. XIII–XIV). Надо сказать, что негативные последствия такого подхода осознавались уже тогда (Спицын, 1918, с. 93). В частности, пример Киевщины демонстрирует, как роскошь и вивентарей скифских курганов безнадежно затеялись скромные материалы подгорцевских поселений. Последних в «Археологической карте Киевской губернии» мы вообще не найдём, а в «Древностях Приднепровья» фигурируют лишь наиболее эффективные образцы подгорцевских бронз (Айтонович, 1895; Ханенко, Ханенко, 1901, с. 21, табл. X: 267, 268; Ханенко, Ханеико, 1907, с. 15, 28, табл. XVIII: 309).

Представляется однако, что отношение, в частности, довоенных белорусских археологов к итогам трудов своих непосредственных предшественников было иногда чересчур скептическим. Например, вряд ли можно считать справедливым утверждение, что в досоветскую эпоху на Припяти, за исключением курганных раскопок В.З. Завитневича, никаких археологических работ не велось, а в восточной Белоруссии вообще не было научно исследовано ни одно городище (Ляўданскі, 1930, с. 216; 1932, с. 81). Ведь известно, что в бассейне Припяти еще в 1890–1900 гг. были открыты замечательные памятники разных эпох (Антонович, 1895, с. 21–23; Якимович, 1904, с. 162–172; Беляшевский, 1905, с. 15–17, рис. 1, 2; Романов, 1889, с. 65–75). Среди них могильники близ Гапонович и Залесья, которые позднее были отнесены к милоградской культуре (Мельниковская, 1967, с. 51, 70, рис. 29). В 1905 г. Е.Р. Романовым на двух городищах Могилёвщины – Буйничском и Палагеевском – производились даже раскопки, правда, небольшие, «пробные». Кроме того, этот исследователь на пространстве бывшей Могилевской губернии обследовал более полсотни других «городков доисторических». «Городки» Е.Р. Романов отличал от «замковищ» и «городовищ» – памятников феодальной эпохи, и правильно интерпретировал их в качестве древнейших укрепленных поселений родовых общин. Подробные данные об этих «городках», в том числе, например, о расположенном близ Любен, давшем в последствии яркую милоградскую серию, Е.Р. Романов собирался включить в «Археологическую карту Могилевской губернии», издать которую, к сожалению, ему так и не удалось (Рассадин, 1986а, с. 98–107). Справедливо утверждение А.А. Формозова, что вовсе не тогдашние археологи открыли курганы и городища в России, потому что народ знал о них искони (Формозов, 1961, с. 109). Однако, это вряд ли умаляет значение, в частности, сбора о них точных научных сведений согласно составленной Д.Я. Самоквасовым инструкции, выполненной в 1873 г. (Труды..., 1878, с. XIX–XXI).

Этот год, по-видимому, можно условно считать началом научного изучения милоградских древностей. Правда, из пяти губерний, на территории которых они распространялись, «Сведения 1873 года» были изданы только по трём – Могилевской, Подольской и Черниговской – причем по последней они весьма отрывочны, и ни один из определенных теперь как милоградские памятники в них даже не упомянут (Сведения 1873 года... Могилевская губерния, 1903, с. 3–60; Сведения 1873 года... Черниговская губерния, 1903, с. 92–95). Зато в «Сведениях» по Подольской имеются описания известных милоградских могильников Мизякова и Куриловки (Сведения 1873 года... Подольская губерния, 1896, с. 254, 259). Данные о курганах близ Народичей и Заборолы приведены В.Б. Антоновичем. Кроме того, в его «Археологической карте Вольнской губернии» фигурирует ряд пунктов, где впоследствии были открыты милоградские поселения (Антонович,

1901, с. 15, 23, 44, 94, 102). Но только картографированием и разведочными работами изучение милоградских древностей в первом, досоветском периоде всё же не ограничивалось. Вспомним о раскопках 1893–1895 гг., произведенных С.С. Гамченко на р. Тетерева, близ Псища и Крошина. Их результаты не теряют научного значения до сего дня (Петров, 1963, с. 35–36, рис. 10).

Возобновление С.С. Гамченко работ на древнейших курганных могильниках вблизи Житомирщины в 1924 г., когда им было раскопано 12 насыпей, знаменовало начало второго периода исследования милоградских памятников. В следующем году на той же Житомирщине И.Ф. Левицким изучались еще более ранние курганы Нароличского II (младшего) могильника (Левицкий, 1925, с. 13, 46–63; 1931, с. 231–232, рис. 39). В 30-х гг. польские археологи Я. Гофман и Т. Сулимирский исследовали еще семь курганов близ Заборолы на Ровенщине (Sulimirski, 1968, р. 166–167). В 1937 г. И.М. Самойловский начал исследование могильника в Корчеватом, на котором удалось обнаружить также несколько труположений, сопровождавшихся милоградской керамикой (Самойловский, 1959, с. 68).

Но не могильники, а поселения, прежде всего укрепленные, принадлежащие к самой многочисленной категории памятников милоградской культуры, стали основными объектами раскопочных работ во втором периоде её изучения. Поворот к исследованию поселений был очевидным шагом вперед. Он во многом и обусловил гораздо большие успехи в изучении раннего железа, достигнутые первыми советскими археологами по сравнению с результатами их дореволюционных коллег, трудившихся в той же области. В 1925–1929 гг. раскопки велись на шести городищах, на которых впоследствии были выявлены милоградские материалы – Асаревичском, Ивановском, Любенском, Млыновском, Чечерском и Шепотовичском; в 1936 г. исследовалось седьмое – Ворновское (Даўгяла, 1927, с. 363–364; Юшчанка, 1930, с. 513; Дубінскі, 1928, с. 277–278; 1930, с. 511; Козловська, 1930, с. 47–48; Каваленя, 1936). Параллельно с этими раскопками, скромными по масштабам, или «пробными», как у Е.Р. Романова, тогда велись и широкие разведочные работы. В разные годы на среднем и верхнем Днепре и в Полесье были открыты новые и обследованы известные ранее памятники с милоградскими материалами: городища Зборовское, Кистенёвское, Косельское, Лучинское, Рогачёвское, Щатковское, селища в Козинцах, Подгорцах, Рудяках и Хильчицах (Каваленя, 1930, с. 141; Коршак, 1930, с. 57–61; Ляўданскі, 1932б, с. 232, 235; Сербаў, 1926, с. 19; Тарасенка, 1932, с. 238). Практикуются сплошные обследования бассейнов рек. В 1924–1928 гг. К.М. Поликарпович обследовал памятники каменного – бронзового веков по обоим берегам Сожа; попутно он осмотрел несколько городищ – Ворновское, Луначарское, оба Присненских, Скитковское, Шепотовичское, а также могильник милоградской культуры в ур. Замостевье близ д. Присно

(Палікарповіч, 1928, с. 171, 178, 182, 191, 234; 1930, с. 406 – 407, 463 – 464). Затем последовала серия таких же сквозных разведок. Их маршруты были проложены по берегам рек, изобилующих милоградскими древностями – Брагинке и нижней Случи (1929 г.), и нижней Птичи (1930 г.), средней и нижней Припяти (1932 г.), опять по Сожу (1936 г.) (Юшчанка, 1930а, с. 241 – 242; Дубінскі, 1930, с. 510 – 511; Рынейскі, 1932, с. 97; Ляўданскі, 1932а, с. 81; Каваленя, 1936). Тогда одной только Припяти, согласно А.Н. Лявданскому, было открыто по десятку городищ и селищ, а также несколько грунтовых могильников с трупосожжениями. Публикации результатов разведок, содержащие точные планы городищ и рисунки находок из них выгодно отличались от досоветских (см., например: Каваленя, Шутаў, 1930, с. 348, 360, табл. IV: 17, табл. X: 1, 49). Часто милоградская принадлежность изданных тогда материалов сейчас вполне очевидна. Кроме того, в тот период вводятся в научный оборот и вещи из музейных запасников. Так, В.Е. Козловской был опубликован важный комплекс украшений, – найденных близ Подгорцев в 1915 г. (Козловська, 1927, с. 3–8, табл. 1, 2). Уделялось внимание и картографированию. С.А. Дубинский ссылался, что им ещё в 1927 г. был составлен рукописный варнаит археологической карты (каменный век, городища, курганы, памятники быта) Могилёвского округа (Дубінскі, 1933, с. 88). Считается, что карта погибла, но это не совсем верно, так как один лист её (без легенды) был издан Д.И. Давгялой в том же 1927 г. в качестве образца для краеведов (Даўгяла, 1927а, с. 53). В этой карте фигурируют и некоторые милоградские городища, например, Яновское. Если следовать применявшемуся В.Ф. Генингом членению истории советской археологической науки и выделять в довоенном периоде второй этап изучения милоградских древностей, который приходится на 1930-е гг., то в качестве его отличительной черты надо будет назвать повышенное внимание к разработке теоретических вопросов при снижении интенсивности полевых изысканий. Впрочем, и на предшествующем этапе, в 1920-е гг., предпринимались попытки дать историческую интерпретацию известным тогда фактам. К примеру, безусловный интерес представляет, на наш взгляд, предположение В.Е. Данилевича о присутствии на Киевщине в скифское время оседлых жителей не скифской принадлежности. Он считал, что здешние городища принадлежали скифам, а местное не скифское население «обитало вне валов этих таборов» (Данилевич, 1925, с. 95). Догадка В.Е. Данилевича вполне подтвердилась с обнаружением на правобережье среднего Днепра неукрепленных поселений «подгорцевцев» рядом с укрепленными, принадлежавшими исключительно местным лесостепным ски-

фам*. Упомянем также о последовавшей несколько позднее попытке «привязать» Геродотовы сведения о реках и племенах Скифии к географии Белорусского Полесья. Правда, эта попытка вряд ли может считаться сколько-нибудь удачной: Князь-озеро = лесное озеро в земле будинов, р. Горынь = Оар, и т. д. (Мікіцінскі і др., 1928, с. 28). В 1930-е гг., благодаря результатам их полевых изысканий на предыдущем этапе, археологи Украины и Беларуси уверенно преодолевают преобладание догадок и предположений. Так, А.Н. Лявданский фактически вплотную подошёл к пониманию того, что ранние южнобелорусские городища с гладкостенной керамикой суть памятники особой археологической культуры, отличной не только от культуры городищ со штрихованной керамикой, распространенных в смежных частях Беларуси, а также в Литве, но и от культуры известных на Смоленщине, Полотчине и Витебщине, керамика которых хотя такая же гладкая, но совсем другого типа (Ляўданскі, 1930, с. 336). С другой стороны, А.Н. Лявданский считал, что городища Туровщины, Случчины, Мозырщины и Гомельщины «аналогичны по своим пряслицам, грузилам и керамике соответствующим остаткам из южных городищ типа Северной Украины» (здесь и далее цитаты даны в пер. автора). Это высказывание исследователь проиллюстрировал милоградскими материалами, добытыми им на Черчерском городище (Ляўданскі, 1932в, с. 56, табл. 11: 18, 20, 21). По А.Н. Лявданскому, в той же культуре, помимо городищ, представлены и бескурганые могильники с трупосожжениями. К началу железного века он отнёс также и селища (Ляўданскі, 1930, с. 336). Если И.Х. Ющенко, следуя за А.А. Спицыным, не допускал, что его находки из Любенского и других городищ могли быть древнее второй половины I тыс. н. э., то другие предполагали для аналогичных памятников и более ранние датировки. Например, согласно А.Н. Лявданскому, ранние городища Беларуси, в том числе и южные с гладкостенной керамикой, функционировали уже в первых веках н. э., «а, может быть, и несколько ранее» (Ляўданскі, 1930, с. 216). По керамическим материалам как из раскопов, так и из поверхностных сборов В.Е. Козловская отнесла Млынковское городище к последним столетиям перед нашей эрой (Козловська, 1930, с. 47–48). А.Д. Ковалея и С.С. Шутов считали, что в Хильчицах ими были найдены обломки посуды, относящиеся ко времени, «которое идёт непосредственно за Гальштатом», то есть к скифской эпохе. Пожалуй, эти исследователи первыми догадались, что «валики» и «жемчужины» в керамике ранних селищ Белорусского Полесья обязаны своим появлением южному, скифскому влиянию (Каваленя, Шутаў, 1930, с. 348). Надо подчеркнуть, что к чести первых белорусских специалистов по эпохе

*«Скифскими лесостепными», «местными скифскими», и т. п., именуется здесь и далее как памятники местного скифизированного, неиранского по происхождению, земледельческого населения (например, в Поднепровье – городища Трахтемиров, Ходосовка, Хотов, Малая Салтановка и др.), так и памятники пришлых ираноязычных кочевников (например, курган Перепятых) (Скорий, 1987, с. 38, Скорий, 1990, с. 69 – 75).

железа, они не поддержали явно предвзятую «прославянскую» установку М.В. Довнар-Запольского, который заявлял: «Есть теория, которая ищет на территории Белоруссии литовские курганы и городища. Установлением формы этих памятников мы и должны разбить эту теорию» (Даўнар-Запольскі, 1926, с. 6). Можно утверждать, что выводы археологов базировались не на постулате, а на объективных данных: автохтонизм не имел популярности. Например, на основе результатов обследования поречья Случи С.А. Дубинский заключает, что городища именно «литовского» типа широко распространены в Беларуси вплоть до границ Полесья. Штрихованная керамика, обнаруженная, в частности, из Слуцкого городища, была характеризована им как неславянская (Дубінскі, 1930, с. 510–511). А.Н. Лявданский также считал, что древнейшие городища Беларуси принадлежали дославянскому населению. Они, по его мнению, неоднократно перестраивались мигрантами из других мест, сохраняя остатки культуры «разных времён и насельников». В первых славянах на территории Беларуси А.Н. Лявданский видел довольно поздних пришельцев и, во всяком случае, не считал культуру южнобелорусских городищ с гладкостенной керамикой славянской. «К вопросу об их культуре, этнической принадлежности, – предвидел А.Н. Лявданский, – придётся в будущем (с накоплением материала) не один раз обращаться» (Ляўданскі, 1929, с. 20, 21; 1930, с. 336). Предположение вполне оправдалось: вопрос об этнической атрибуции милоградской культуры даже считался основным в третьем периоде её изучения.

В этом периоде выделяется относительно короткий начальный этап: от возобновления раскопок в 1945 г. до обоснования в 1950–51 гг. существования в скифское время особой археологической культуры типа Подгорцев – Милограда. По существу, этот этап потребовался для доведения до конца успешных довоенных исследований, внезапно оборванных сталинскими репрессиями второй половины 1930-х гг., когда были арестованы и затем погибли почти все специалисты по древностям железного века БССР. Поэтому в первое послевоенное семилетие изучение милоградских памятников велось только на Украине. Здесь непрерывно производились раскопки: в Гремьячем (1945 г.), Луке-Райковецкой (1946–1948 гг.), Любче и Табеевке (1948–49 гг.), Куриловке и Подгорцах (1950 г.), Рудяках (1951 г.). Опубликованные позднее их результаты сохраняют своё научное значение (Махно, 1949, с. 205–209; Гоичаров, 1963, с. 228–290; Даниленко, 1953, с. 197–208; 1956, с. 5–14; Савчук, 1952, с. 56–58; Блительд, 1952, с. 53–55; Лагодовська и др., 1956, с. 17–20). Тогда впервые объектами для стационарных работ были избраны неукрепленные милоградские поселения, что является безусловной заслугой украинских археологов. Кроме раскопок они смогли выполнить также довольно значительный объем разведочных работ и открыть серию селищ на обоих берегах среднего

Днепра (Линка, 1952, с. 44–45; Копилов и др., 1952, с. 85–98). Однако, самым заметным был итог деятельности подгорцевского отряда экспедиции «Большой Киев». В двух больших публикациях В.Н. Даниленко дал очерк особенностей новооткрытой культуры, соответствующей специфической группе бронзовых украшений из прикиевского района, выявленных им накануне в фондах Исторического музея Украины. Итак, в 1950 г. окончательно удалось установить, что подобно тому, как эти ажурные бронзы принадлежат к эпохе скифов, но независимы от их «зверинного» стиля, так и известные в среднем Поднепровье древности типа Подгорцев в целом синхронны, но самостоятельны по отношению к местным скифским. Подгорцевские и одновременно открытые памятники типа Бобрицы В.Н. Даниленко охарактеризовал в качестве звеньев единой цепи исторического и этнического развития, предварив, таким образом, подробное обоснование наличия генетической связи между лебедовскими и милоградскими памятниками. А вот другое его предположение, согласно которому древности типа Подгорцев предлагалось считать главной генетической основой зарубинецких, оказалось, как известно, гораздо менее жизнеспособным. Введение этой гипотезы в научный оборот (1953 г.) сразу вызвало сомнения и критику (Тереножкин, 1955, с. 27). Год спустя исследования были предприняты в Милограде. Интерпретация Ю. В. Кухаренко этого городища, как памятника особой археологической культуры Поднепровья, дополнила открытие В.Н. Даниленко (Кухаренко, 1952).

Развернувшиеся в 1951 г. на верхнем Днепре и на Припяти широко масштабные работы Славянской и Полесской экспедиций начали второй этап послевоенного периода изучения милоградской культуры. Несомненно, это семилетие оказалось самым результативным по количеству и, главное, по информативности добываемых милоградских материалов. Тогда были введены в научный оборот такие важнейшие милоградские комплексы из Беларуси, как Дубойский, Горошковский, Милоградский, Щатковский, Чаплинский, Асаревичский, оба Моховских и Колочинский. Информация об этих работах суммирована О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 7–8). Следует упомянуть также об исследованиях Л.Д. Поболь на Туровщине, о небольших раскопках под руководством В.Д. Будько на Вороновском городище (Поболь, 1969, с. 7–10; 1974, с. 205). Белорусские памятники с разновременными материалами, например, такие как Речица и Зборов, также дали некоторое количество милоградских находок (Сымонович, 1957; Соловьёва, 1970, с. 100–102). Заслуживают внимания, конечно, и находки того времени из милоградских памятников Украины. Так, например, Б.А. Рыбаковым во время раскопок на любечском городище Лысица обнаружена уникальная вещь – костяное навершие рукоятки скифского типа с резным изображением грифона, которое исследователь отнёс к

милоградской культуре (Рыбаков, 1960, с. 29). Тогда же в результате обследований А.И. Тереножкина, работ В.И. Канивца в Коросте, а особенно предприятий Ровенской экспедицией раскопок Великого Алексина и Городка, равно как и широких разведок в Погорынье, была добыта основная часть находящейся сейчас в научном обороте информации о юго-западной группе милоградских памятников (Тереножкин, 1960, с. 65; Канивець, 1953, с. 52, 57; Свешников, 1971, с. 68–80). Данная информация, также как и результаты раскопок в Козинцах на Киевщине, где хорошо датированным милоградским материалам сопутствовали лебедовские, позволила внести коррективы в существующие представления о происхождении милоградской культуры в целом (Сикорский, Савчук, 1971, с. 68–72). Стоит упомянуть также о милоградских сериях из Погребов и Лютежа (Канивець, 1953а, с. 20–40; Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 73–74). От темпов получения и публикации полевого материала на этом этапе изучения милоградской культуры не отставала и работа по его анализу и интерпретации, в которой участвовал коллектив ведущих специалистов археологии днепровско-припятского бассейна – П.Н. Третьяков, Ю.В. Кухаренко, О.Н. Мельниковская и др. Их занимали три основных вопроса: связь милоградских древностей с древностями финала бронзового века, о связи с зарубинецкими и особенно вопрос об этносе «милоградцев». Для первого тогда не нашлось удовлетворительного решения, главным образом из-за недостаточной изученности материалов позднебронзовой – предскифской эпох в пределах милоградского ареала. Реализовать идею И.И. Артёмко, обнаружив связь напрямую между сосницкими и милоградскими памятниками, оказалось затруднительным (Артёмко, 1967, с. 321). Также обстояло дело и с предположением П.Н. Третьякова о наличии на Туровщине, помимо лебедовских, памятников особой «предмилоградской» культуры, и с известной гипотезой О.Н. Мельниковской о появлении классической милоградской культуры севернее Припяти в результате переселения ее создателей из западной Вольны (Третьяков, 1966, с. 161; Мельниковская, 1963а, с. 16). И припятские памятники культуры шнуровой керамики, и вольнские тшинецко-комаровской явно отделены от местных милоградских значительным временным промежутком. Подобного минуса не имела упомянутая идея В.Н. Даниленко о роли памятников типа Бобрицы, но она в то время не получила поддержки специалистов по эпохе бронзы (Исаенко, Коробушкина, 1966, с. 321–322). Лучше обстояло дело со вторым вопросом. Его наиболее полно разработал тогда П.Н. Третьяков. Сперва им были скрупулезно учтены все pro и contra относительно генетического родства между милоградской и зарубинецкой культурами, вплоть до факта округлости днищ сосудов последней с внутренней стороны; вслед за этим исследователь аргументированно отверг предположение о преемственности

между ними (Третьяков, 1959, с. 151–152; 1960, с. 48). С тех пор вывод П.Н. Третьякова, подтвержденный вновь полученными результатами, утвердился в археологической науке. Его пытался оспорить лишь Л.Д. Поболь. Надо сказать, что на рассматриваемом этапе изучения милоградской культуры подход к решению чисто археологических вопросов об ее «предке» и «потомке» зависел обычно от подхода к решению вопроса об этносе культуры. Тогда – и тому множество свидетельств – сугубо археологические вопросы типа происхождения милоградской, зарубинецкой и других культур представлялись интересными не столько сами по себе, сколько как составляющие этноисторического вопроса происхождения славян. Нетрудно догадаться, что выбор тем или иным исследователем того или иного варианта этнической атрибуции «милоградцев» был подчинён предлагавшемуся им варианту реконструкции славянского этногенеза и той роли, которая отводилась в нём «милоградцам». Показательно, что у сторонника автохтонности Л.Д. Поболь «милоградцы» – славяне, а В.В. Седов, автор концепции балтского субстрата, причислял их к балтам (Поболь, 1966, с. 130–131; Седов, 1970, с. 60). Естественно, не мог не появиться и третий, компромиссный, вариант этнолингвистической атрибуции носителей милоградской культуры, предусматривавший их родственность и славянам, и балтам (Третьяков, 1966, с. 187). Но подобное предположение, как заметила О.Н. Мельниковская, ничего не объясняло, так как все равно оставалось неизвестным на каком языке говорили «милоградцы». Исследовательница одно время возражала против попытки этнической атрибуции милоградской археологической культуры, призывая дождаться надёжных лингвистических выводов, прежде всего решения вопроса о балто-славянской языковой общности (Исаенко, Коробушкина, 1966, с. 326–327). Однако, как известно, «этнические» споры затянулись надолго, причём археологи, как сторонники славянства милоградской культуры, так и балтисты – оперировали, в конечном итоге, одними и теми же позаимствованными из лингвистики аргументами. А так как последние далеко не однозначны (например, архаичная гидронимия, и славянская и балтийская, имеется в милоградском ареале), доказать что-либо окончательно определённое оказалось невозможным.

Как бы там ни было, по справедливому общему мнению, основная заслуга в исследовании южнобелорусских милоградских памятников принадлежит О.Н. Мельниковской. Результаты полевых и теоретических изысканий 1950–1960-х гг. аккумулированы в подготовленной ею монографии. Появление этой книги в истории изучения милоградской культуры стало событием и подвело естественный итог третьего периода.

Изложенная в монографии О.Н. Мельниковской интерпретация милоградских древностей хотя и вызвала серию критических замечаний рецензентов (Седов,

1970а, с. 265 – 272), но практически без изменений доминировала на протяжении начавшегося после 1967 г. следующего периода. Четвёртый период в истории изучения милоградской культуры, видимо, в первую очередь, нужно охарактеризовать как период накопления новых фактических данных. К теоретическим вопросам милоградской проблематики исследователи железного века обращались, по большей части, лишь эпизодически и, как правило, были солидарны с О.Н. Мельниковской. Те три вопроса, по которым шла полемика в предыдущем периоде, оставались основными и в двух последующих десятилетиях. Но, по существу, новых вариантов ответов на них не предлагалось. В подтверждение сошлёмся на работы Б.А. Рыбакова, П.Н. Третьякова, В.В. Седова (Рыбаков, 1979; Третьяков, 1982; Седов, 1970). Одно из немногих заметных исключений составляет попытка А.А. Егорейченко интерпретировать древности, выделенные А.Г. Митрофановым в восточнобелорусский вариант культуры штрихованной керамики, в качестве среднебелорусского варианта культуры милоградской (Егорейченко, 1982а, с. 54–56). Интенсивно шла полевая работа, сосредоточившаяся в районах, не охваченных исследованиями О.Н. Мельниковской. В БССР особенно успешной она была на Полесье. Её ход и итоги подробно освещены В.С. Вергей (Белорусская археология, 1987, с. 53), Успешными были и работы в Посожье, где милоградские материалы получены с двенадцати памятников, исследовавшихся М.А. Ткачёвым, В.И. Сычёвым, И.М. Чернявским, А.И. Дробушевским, Н.В. Бычковым, а также автором (Ткачёв, 1974, 1975, с. 7–24; 1976, с. 427–428; 1976а, с. 9–11; 1977, с. 417–418; Лашанкоў, Сычоў, 1993, с. 22–41; Чернявский, 1982, с. 375; Дробушевский, 1986, с. 341; 1993, с. 26–28; Бычков, 1985, с. 383; Рассадин, 1984, с. 367–369; 1988, с. 376–377). В тогдешней УССР основные исследования велись на Киевщине, где Е.А. Петровская изучила серию подгорцевских поселений и погребений. К результатам этих раскопок добавляются данные разведок, а также милоградские материалы, полученные с инокультурных памятников (Максимов, 1972, с. 40; Батуревич, 1986, с. 17–18; Покровська, 1952, табл. II: 1, 11; Бессонова, Скорый, 1987, с. 38). Вне Среднего Поднепровья важные милоградские курганные комплексы были обнаружены Б.И. Лобаев на Винничине, М.И. Воробей – на Ровенщине, М.А. Шекуном – на Черниговщине (Лобай, 1977, с. 77–84; Воробей, 1981, с. 53; Шекун, 1995, с. 152–158). Удалось тогда открыть также и бескурганные могильники. Один из них был выявлен в 1976–1977 гг. Л.Л. Зализняком и Д.М. Нужным около д. Приборск на р. Тетерева, по своей обрядности занимал промежуточное положение между подгорцевскими захоронениями Киевщины, с одной стороны, и милоградскими Гомельщины – с другой (Рассадин, Скорый, 1991, с. 74–78). На самой Гомельщине в г. Речнице Н.В. Бычковым в 1981 г. было выявлено погребение, совершенное, видимо, по «классическому» милоградскому обряду (Лошенко, Барцева, 1995, с. 87). Параллельно и зачастую даже интенсивнее шёл процесс изучения древностей, грани-

чащих с милоградскими как территориально, так и хронологически. Кроме монографических исследований памятников северных лесных соседей «милоградцев» (Митрофанов, 1978; Шадыро, 1985), увидело свет фундаментальное издание, посвященное их южным современникам, по праву названное тогда «энциклопедией современного скифоведения» (Ильинская, Тереножкин, 1983; Яковенко, 1987, с. 7–9). Видимо, нет нужды подробно характеризовать достижения в смежных или близких милоградской проблематике областях. Для примера упомянем лишь о некоторых результатах, о тех, которые, наравне с некоторыми другими, не могли не привести к изменению трактовок важнейших вопросов исследования милоградской культуры. Так, появилось обоснование роли лебедовских памятников в качестве ее генетического источника (Березанская, 1976, с. 218–219). С другой стороны выяснилось, что на западе Волыни милоградская культура выглядит пришлой (Крушельницька, 1974, с. 22). Существенными оказались и новации в сферах, на первый взгляд, достаточно далеких от интересов исследования милоградских древностей, но которые, тем не менее, не мало ему способствовали. Например, создание Е.М. Алексеевой подробной хронологии аитичных бус Северного Причерноморья (Алексеева, 1975) помогло точно и более узко датировать такие важнейшие милоградские комплексы, как Горошковские клады.

Таким образом, постепенно создались необходимые условия перехода в изучении милоградских древностей от накопления фактических данных к их интенсивному осмыслению и интерпретации. То, что начавшийся ещё в 1967 г. период в исследовании милоградской культуры несколько затянулся показывает, к примеру, такое сравнение. Возьмём четыре основные тогда периодические издания, – «Советскую Археологию», «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР», «Археологический сборник Государственного Эрмитажа» и киевскую «Археологию». Обнаруживается, что за предчернобыльское десятилетие, с 1977 по 1986 г., на их страницах появилось тринадцать публикаций по зарубинецкой проблематике, причём по всему ее спектру, от вопроса об использовавшейся «зарубинцами» технологии кузнечной обработки до вопроса об их связях с отдалёнными территориями (Гопак, Шовкопляс, 1983, с. 154–160; Гопак., 1984, с. 88–82; Залашко, Ерёмченко, 1984, с. 234–239; Зеленецька, 1980, с. 80–87; Каспарова, 1977, с. 68–78; 1981, с. 57–79; 1984, с. 108–117; Костенко, 1983, с. 51–62; Максимов, 1978, с. 45–55; 1982а, с. 40–50; Обломский, 1983, с. 103–120; 1985, с. 90–106; 1986, с. 50–56). И это против всего трёх публикаций по милоградской тематике, оказавшихся помещёнными в тех же изданиях в течение того же десятилетия (Кучера, 1976, 88–94; Егорейченко, 1980, с. 82–89; 1982а, с. 54–61). Возможно, она закономерно проигрывала по популярности тематике зарубинецкой, но подобное значительное отставание, безусловно, должно

было быть сокращено. Довольно широкие полевые исследования на милоградских памятниках сопровождались краткими публикациями информационного характера. Впрочем, подобная ситуация чем-то из ряда вон выходящим вовсе не стала. Наоборот, согласно В. Ф. Генингу, как раз к тому времени оказалась в основном выполненной главная задача советской археологической науки на предыдущем этапе её развития, заключающаяся в создании достаточной и надёжной источниковедческой базы. На следующем этапе, по его мнению, центр тяжести должен был переместиться в сферу реконструкций и интерпретации накопленных материалов (Генинг, 1982, с. 205).

Назревшие изменения попытался как-то упродить В. Е. Ерёмченко. В его пространной публикации, явно претендовавшей на обобщение и даже подведение итогов, были аккумулярованы многие из изданных к тому времени результатов предыдущих исследований. Но эти данные, использованные В. Е. Ерёмченко, не всегда были одинаково надёжны, и ещё молодой тогда исследователь явно поспешил довериться сведениям, например, о многочисленных якобы местонахождениях «милоградской культуры бронзового века», которые у него прилежно повторены вслед за Л. Д. Поболем (Ерёмченко, 1989, с. 76–105). Кстати, сомнительная научная ценность этих данных была понятна, в общем, сразу же, поскольку они, например, явно противоречили результатам Н. Н. Кривальцевича (Кривальцевич, 1987, с. 85). Дальнейшие его исследования показали, что в Беларуси, как и в Украине, предшественницей милоградской культуры в бронзовом веке являлась всё та же лебедовская культура (Кривальцевич, 1999, с. 34, мал. 34: 1–3, 6–8; 2003). Но, независимо от степени её успешности, эта попытка В. Е. Ерёмченко, предпринятая им как раз около фактического рубежа предыдущего и текущего периодов научного изучения милоградской культуры, была достаточно знаковой.

Итак, милоградские древности на постчернобыльском пространстве продолжали исследоваться также и в послесоветский период. Правда, исследования эти вынужденно сместились к периферии милоградского ареала. К примеру, в Украине основные исследования велись уже не на Киевщине, а гораздо западнее, а также восточнее. Так, по любезному сообщению М. С. Бандриковского, в 1991 г. им был открыт милоградский могильник с трупоположениями около с. Жемельницы Белогорского р-на Хмельницкой обл. Открытие такого же могильника, погребения которого сопровождали также скифские по типу вещи, включая образцы «звериного» стиля, было сделано, вероятно, также и Г. В. Жаровым в центральной части болота Замглай в Черниговской обл. Им были также продолжены плодотворные полевые исследования по уточнению юго-восточной границы милоградского ареала, а также проведены спасательные раскопки на ряде милоградских памятников (Жаров, 1995, с. 45–50, рис. 21–27; Жаров, Жарова, 2002; 2003). Итак, перенос

исследовательской активности, по крайней мере, иногда имел также и свои плюсы. Например, автор в том самом 1986 г. вынужденно покинул территорию своих постоянных изысканий в окрестностях Гомеля, сместившись далеко на север – в район Кричева. Там стационарно исследовалось городище Волчас на одноименном правом притоке среднего Сожа, предоставившее очень интересную милоградско-зарубинецкую серию (Рассадин, 1988, с. 376–377). При исследовании на южной, юго-западной, окраине милоградского ареала нам, наоборот, повезло гораздо меньше. В отличие от великолепных находок в уроч. «Задубень» в 1955–1956 гг., а также довольно хороших в уроч. «Кривой Рог» в 1981-м, коллекция раскопок 1989 г. курганов в Дубое заключалась всего лишь в нескольких черепках (Кухаренко, 1961, с. 21; Залашко, 1983а, с. 348–349; Рассадин, 1989).

Впрочем, и во всём текущем периоде исследования этой культуры обращают на себя внимание не полевые, а кабинетные, так сказать, результаты. Прежде всего, это целая серия успешных диссертационных работ непосредственно по милоградской проблематике (Егорейченко, 1982б; Рассадин, 1989а; Лошенко, 1990). Однако первую из соответствующих монографий удалось издать лишь много лет спустя (Егорейченко, 1996). По независящим от нас причинам, мы тоже вынуждены были длительное время поддерживать эту непопулярную традицию. Но некоторую компенсацию представляет собой, очевидно, также и защищённая тем временем докторская диссертация. Одна из её глав – «*Нескифские и скифизированные племена. Невры и скифы-земледельцы*», целиком посвящена интерпретации известий античных авторов о носителях различных вариантов милоградской культуры (Рассадин, 1999). Вообще в 1990-х гг. по различным аспектам милоградской проблематики была издана целая серия публикаций. Нас, к примеру, больше интересовали историко-археологические вопросы (Рассадин, 1992, с. 66–74; 1992а, с. 61–73; 1992б, с. 24–33; 1992в, с. 1–9; 1994, с. 74–81; 1994а, с. 263–274; 1997, с. 125–136; 2000, с. 17–27). Но продолжалось исследование и таких традиционных уже тем, от типологии городищ (Рассадин, 1991, с. 72–80) до типологии грузиков и булавок милоградской культуры (Лашанко, 1989, с. 72–81; 2003, с. 94–105). На этом фоне ещё отчётливее выглядит, как одна из примет нового периода, изучение технологии производства милоградской керамики (Дубицкая, 1998, с. 16–24). Другой положительной особенностью стало появление, вместо прежних кратких реляций в «Археологических открытиях», полномасштабных публикаций в возрождённых «Гістарычна-археалагічных зборніках» и «Матэрыялах па археалогіі Беларусі». Например, В. С. Вергей были довольно полно опубликованы серии милоградских находок из западного Полесья, из Лемешевич и др. (ср., например: Вергей, 1981, с. 332; 1982, с. 343–344 и 1994, с. 132–151; 1996, с. 83–10). М. И. Лошенковым переиздаётся, в расширенном виде, его же предыду-

щая более лаконичная публикация результатов раскопок на городище Ястребка и Старое Красное (Лашанкоў, 1983, с. 38 – 40; 1993а, с. 46 – 73). Им, в соавторстве, издаются также не только результаты раскопок А.И. Дробушевского в Шепотовичах, но также и материалы В.И. Сычёва, добытые ещё в 1976 – 1978 гг. (Лошенко, Сычёв, 1993, с. 22 – 41; Дробушевский, Лошенко, 1995 с. 33 – 51). Точно также, благодаря Н.Н. Кривальцевичу, стали доступны наконец и результаты раскопок Н.В. Бычкова в 1983, 1988 – 1989 гг. на Приборском могильнике (Кривальцевич, Бычкоў, 1996, с. 61 – 76). Впрочем, публикуются не только старые, но и, буквально, только что добытые милоградские материалы, например, полученные Н.Н. Дубицкой в результате многолетних раскопок городища Отрубы на нижней Березине (Дубицкая, 2003, с. 60 – 74). Упомянем здесь, вопреки мнению их автора, ещё и публикации результатов раскопок в Петровичах там же, около Березины, а также в Сорочах нар. Орессе, поскольку на обоих этих памятниках, – и не только на них, – явно представлен ранний милоградский горизонт (Ильютик, Лошенко, 2003, с. 127 – 152; Лашанкоў, 1994, с. 122 – 124; 2001, с. 150 – 169.)

Достигнутые результаты как в публикационной, так и в всякой иной деятельности в области изучения милоградских древностей должны были адекватно отразиться в разделе 2-м второго тома «Археалогія Беларусі» (Археалогія... , 1999, с. 29 – 75). Однако этот раздел, посвящённый в основном милоградской культуре, очевидно проигрывает по сравнению с соседними. Если, к примеру, каждый из этих разделов, будь то о культуре штрихованной керамики, днепродвинской или зарубинецкой, производят впечатление внутренней целостности и непротиворечивости, то упомянутый эклектичен. Обусловлено это, в том числе, тем, что описание материальной культуры даётся в нём с одних позиций, а хронология, эволюция и этническая интерпретация милоградских древностей – совершенно с других. О нежелательной степени «плюрализма» в одной и той же работе свидетельствует, например, следующее. А.А. Егорейченко специально подчёркивается, что нижнее течение Березины должно быть исключено из ареала культуры штрихованной керамики, в подтверждение чего он ссылается также и находки с городища Щатково. А.М.И. Лошенко, в свою очередь, наоборот утверждает, что и на этом памятнике имеется горизонт ранних «штриховиков». Несмотря на то, что мною в специальном параграфе об ареале милоградской культуры Щатково упоминается среди хорошо изученных её памятников, на их карте, составленной М.И. Лошенко, это городище вообще не показано (Археалогія... , 1999, с. 34, 42, 86 – 87, 118). Приходится констатировать, что данный раздел нашей «Археалогія» в качестве актуальной работы интегрального характера о милоградской культуре восприниматься, конечно, не может и не должен.

Наравне с положительными достижениями, современному периоду изучения милоградских древностей присущи очевидные недостатки. Обоснован-

ную тревогу вызывает всё новые и новые попытки восстановить старые, казалось бы, давно уже исправленные ошибки. К числу таковых, несомненно, относится предположение Л.Д. Поболь о немилоградской, якобы, принадлежности жилища из раскопа IV на Милоградском городище (Поболь, 1971а, с. 176). У него это предположение в своё время было некритически заимствовано А.М. Обломским (Обломский, 1981, с. 92), авслед за ним и В.Е. Ерёмченко (Ерёмченко, 1989, с. 90; 1997, с. 59). И вот оно же снова воспроизводится у М.И. Лошенко, но без ссылки на самого первого своего автора (Лашанкоў, 1997, с. 152 – 154). Но в других случаях проявилось, наоборот, неоправданное недоверие к трудам и способностям предшественников. «По существу, незнание материалов раннего железного века как М.А. Ткачёвым, так и Л.Д. Поболем привело к тому, что городище Городец стали относить к древностям совсем другого населения – «милоградцев» и «зарубинцев», что, как мы видим, никак не соответствует действительности», – утверждает тот же автор относительно Старшего Кричевского городища (Лошенко, 2002, с. 32). Моё критическое отношение ко многим построениям и выводам выше упомянутого, уже покойного, к сожалению, исследователя хорошо известно; проявится оно и в этой работе. Но я решительно возражаю против того, что Л.Д. Поболь, прозанимавшийся именно материалами раннего железного века всю свою долгую научную жизнь, их будто бы и не знал. Нельзя согласиться также и с участвовавшими попытками буквального купирования милоградского ареала: на Соже, на Березине, в Полесье. Кроме этого, некоторые исследователи, подерживая фактически одно давно устаревшее представление Л.Д. Поболь, пытаются, буквально, отменить милоградскую культуру позднее III в. до н. э. (Лашанкоў, 1993, с. 72). Иногда это достигается, якобы, очень просто – путём соответствующего занижения даты рубчатых браслетов. Но ведь имеются неопровержимые доказательства использования этих украшений гораздо позднее: к примеру, в виде их отпечатков, ещё по сырой глине, на зарубинецкой керамике из Уварович (Дробушевский, 2000, с. 57 – 58, рис. 4: 1 – 3).

В общем, можно, наверное, не продолжать: вполне ясно, что милоградская проблематика ещё далеко не закрыта. Её актуальным проблемам и посвящается эта книга. Своим изданием, через двенадцать лет после подготовки первого варианта, она обязана С.П. Витязю, а неоправданной задержкой публикации – злой воле недоброжелателей, не стоящих упоминания. Назовём лучше и поблагодарим искренне Л.И. Крушельницкую, Е.В. Максимова, С.С. Бессонову, В.С. Вергей, Н.А. Гаврилюк, Т.С. Скрипченко, А.А. Егорейченко, С.А. Скорого, В.И. Шадыро и всех тех, кто помогал нам в этой работе. Отдельно благодарим также Н.П. Жогло за организационно-техническое содействие.

ГЛАВА I.

ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРЫ. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КРИТЕРИЕВ МИЛОГРАДСКОЙ АТТРИБУЦИИ.

Относительно специфики культуры, созданной милоградским населением, почти одновременно были сформулированы две точки зрения, розносящиеся, однако, до противоположности. Согласно первой, сформулированной Е. А. Шмидтом и поддержанной позднее В. В. Седовым, милоградская культура не диссоциирует, а скорее вписывается в круг культур западной частивосточноевропейской лесной полосы. Так, по Е. А. Шмидту, «расположение, размеры и форма городищ очень близки на территории Смоленщины, верхней Оки, Белоруссии, Литвы и части Латвии. Общий их признак – форма наземных домов и характер оборонительных сооружений. Смоленские городища объединяет с окскими, юхновскими, милоградскими и подгорцевскими сходство керамики и некоторых типов орудий труда (топоры, ножи и др.). Для культуры всех вышеперечисленных городищ характерны совершенно однотипные формы булавок и пр.» (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 175–176). Согласно В. В. Седову, отмеченные черты сходства есть проявления принадлежности всех названных памятников древним балтам (Седов, 1970, с. 36). П. Н. Третьяков же, напротив, считал, что милоградские древности достаточно определённо «выпадают» из круга упомянутых соседних. Своеобразие культуры милоградских племен, по его мнению, ярко проявляется в наличии глиняных скульптурок, несколько особом составе бронзовых украшений, особой форме жилищ, размерах и конфигурации городищ, наконец, в обряде погребения и в круглодонности керамики (Третьяков, 1966, с. 177, 179, 184). Мы видим, что одни и те же, в сущности, черты культуры «милоградцев» можно интерпретировать и как свидетельства ее специфичности, и как подтверждения противоположного. Очевидно, что есть нужда в своеобразной палеоэтнографической экспертизе с привлечением, по возможности, широкого круга данных.

Надо точно выяснить, наличие каких именно элементов в милоградской культуре позволяет говорить о ее самобытности, различать ее памятники в массе других. И не только синхронных: нужно определить, появление (или исчезновение) каких из этих элементов кладёт рубежи между милоградской культурой и той, от которой она происходит, а также той, которой сама дала начало. Сперва мы попробуем установить, какие из признаков милоградской имеются в других археологических культурах. Обозначим их как меж-

культурные. Потом попробуем проследить, какие из особенностей соседних культур отсутствуют в милоградской, то есть являются её негативными признаками. В результате должны проявиться позитивные признаки культуры «милоградцев», именно те, которые можно считать определяющими её этнографический облик. В ходе реализации намеченного плана мы собираемся обращаться по мере необходимости к бытовой утвари, прежде всего изделиям из глины, украшениям, оружию и орудиям труда, интерьеру, планировке и конструкции жилищ, устройству, топографии и типу поселения. Начнём с керамики. Считается, что именно в ней отчетливее всего прослеживается самобытность подгорцевско-милоградской культуры (Археология Украинской ССР, 1986, с. 180). Когда идёт речь о самобытности милоградской керамики, подразумевается, конечно, круглодонность ее типичных сосудов. Согласно П. Н. Третьякову, это специфическая черта милоградской посуды, которая может быть объяснена лишь наличием какой-то особой культурно-исторической традиции (Третьяков, 1966, с. 180). Проведём небольшой эксперимент, предложив читателю определить культурную принадлежность нескольких сосудов по изображениям их контуров (рис. 5). Не правда ли, возникает мысль, что это милоградская посуда? Между тем эти сосуды происходят из комплексов не милоградской, но, безусловно, неродственных ей культур – абашевской, ананьинской, гаринскоборской, глазковской, каражуповской (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 26: 4а, табл. 33: 1д, 4а, табл. 144, в; Степи Евразии..., 1981, рис. 14: 4, 17; Эпоха бронзы..., 1987, рис. 9: 25, 60, рис. 125: 25). Итак, пропорции милоградской посуды – отнюдь не уникальное явление. Такими же пропорциями и профилировкой могут обладать горшки из памятников, не имеющих никакого к ней отношения. Очевидно, это обстоятельство необходимо принимать в расчёт, чтобы избежать досадных ошибок, наподобие следующей. В одной из монографий Л. Д. Поболя есть указание, что еще в начале текущего столетия материалы милоградской культуры были выявлены на территории современной Виницкой области, подтверждаемое в том числе и ссылкой на публикацию Я. Глосика (Поболь, 1983, с. 20). Однако, там речь идет о кургане № 19 близ Новосёлок, известном комплексе, который специалисты датируют эпохой ранней бронзы (Брюсов, 1952, с. 220). Кстати, публикуя погребальный

ивеитарь этого кургана, где имеется сосуд «милоградских» пропорций, наш польский коллега упоминает и названную работу А. Я. Брюсова (Glosik, 1962, s. 159, tabl. XXV: 2). Процесс перехода от плоскодонных сосудов бронзового века к круглодонным в железнном прослеживается, по-видимому, не только в милоградском ареале. По А. Х. Халикову, тенденция к уменьшению диаметров днищ сосудов приказанской культуры эпохи поздней бронзы привела к проявлению в происходящей от нее ананьинской круглодонной посуды (Халиков, 1969, с. 275–276). Согласно С. С. Березанской, в керамике лебедовских памятников, отношение которых к милоградской, с учётом аргументов исследовательницы, должно быть признано аналогичным взаимосвязи между приказанской и ананьинской культурами, также преобладали горшки с яйцевидным туловом и маленьким, неустойчивым донышком (Березанская, 1976, с. 204). Отнюдь не оригинальна и орнаментация милоградской посуды. В подтверждение сошлёмся хотя бы на классификацию узоров на керамике юхновского городища Козина Гора. Там мы легко найдём набор всех основных видов орнамента, известных в милоградской культуре (Алихова, 1962, табл. 4).

Согласно О. Н. Мельниковской, не менее ярко, чем в посуде, своеобразие милоградской культуры проявляется в других глиняных предметах, а именно в сосудовидных грузиках (Мельниковская, 1967, с. 116–117). Наличие грузиков в форме горшочков и глиняных фигурок животных оригинальным милоградским явлением среди культур лесной зоны считалось и П. Н. Третьяковым. Однако, не забудем точно такие же находки из некоторых памятников лесного юхиовского Подесенья, например, из северного Долбатовского и Торфельского городищ (Горюнова, 1950, рис. 53: 13–23, 28; Артишевская, 1966, с. 102, рис. 1: 21). Кстати, есть сомнения относительно того, что орнаментация сосудовидных милоградских грузиков своеобразна, поскольку она явно копирует аналогичную традицию выссоцкой культуры. К тому же, мотивы «заштрихованных треугольников» и «ёлочек» известны, во-первых, не только на Волыни, но также и в удалённом от неё лесостепном Левобережье, например, на Басовском городище (Лллінська, 1956, рис. 19). Во-вторых, хорошо известно, как широко эти же мотивы были распространены, например, на востоке Беларуси, в эпоху бронзы. Согласно М. И. Лошенко-ву, в раннем железнном веке специфической особенностью именно милоградской культуры являются так называемые «рожковые», то есть, четырёх–семилучевые глиняные грузики (Лашанкоў, 1989, с. 76). Легко убедиться, что на самом деле это вовсе не так. Например, типичный «рожковый» грузик крестовидной формы представлен в гето-дакнйской культуре румынской Молдовы III – II вв. до н. э. (Teodor, 1987, fig. 28: 1). Шестилучевой грузик известен в белорусских Малышках (Медведев, 1996, рис. 61: 4), а семилучевой – в Кострице. Последний, вопреки В. И.

Шадыро, также скорее «рожковый», чем «дьякова» типа (Шадыро, 1985, с. 85, рис. 60: 12).

Вылепленные из глины миниатюрные изображения животных, печеного хлеба и посуды, известные как в милоградской, так и в юхновской культурах, на наш взгляд, имеют один и тот же источник – лесостепь скифской (или ещё предскифской?) эпохи (Рассадин, 1987а, с. 194–198). Но нами не упускаются из виду находки таких же, в общем, глиняных зверушек также и на памятниках, например, культуры штрихованной керамики (Медведев, 1996, рис. 77: 6–8; Гурин, 2000, рис. 12: 1).

Перейдем к металлическому ивевитарию. Считалось, что некоторые разновидности скифских украшений, такие, например, как гвоздевидные булавки, из лесных культур распространились только в милоградской (Третьяков, 1966, с. 131). Теперь ясно, что юхновский комплекс украшений обнаруживает не меньшую зависимость от скифской ювелирной традиции, чем милоградский: сравнительной таблицей, подтверждающей этот тезис, наверное, вполне могут служить опубликованные во втором томе «Археологии Украинской ССР» серии вещей из цветного металла обеих культур. Гвоздевидная булавка типа посульских представлена в юхиовском могильнике Долинское (Мельниковская, 1970, рис. 3: 1). Ещё одна также имела аналогии в скифских курганах Посулья V – IV вв. до н. э. (Ильинская, 1968, с. 143–145). Тем не менее, эта булавка была обнаружена в закрытом комплексе, а именно в погребении № 45 зарубинецкого могильника Велемичи II, которое К. В. Каспаровой датировалось второй половиной I в. н. э. (Каспарова, 1972, с. 93, 101, рис. 20: 6). I в. до н. э. – I в. н. э. датируется и зарубинецкое поселение Погребы (Максимов, 1972, с. 26). Там была обнаружена гвоздевидная булавка с конической головкой (Канівець, 1953а, табл. VI: 1). По-видимому, по-прежнему актуально замечание В. П. Петрова о присутствии в зарубинецкой культуре скифских гвоздевидных булавок, не определявших, однако, её типа (Петров, 1959, с. 48).

Теперь относительно широко известных подгорцевских бронз, концентрация которых на Киевщине позволяет, согласно Е. А. Петровской, рассматривать Среднее Поднепровье в качестве особой древней палеоэтнографической области (Петровська, 1971, с. 19). Этот тезис, по-видимому, приемлем, но лишь с учётом одного уточняющего момента. Как выяснилось, эта палеоэтнографическая область не охватывала всей подгорцевской территории: на левобережной Киевщине, по Трубежу, эти бронзовые украшения отсутствуют вовсе (Савчук, Костеико, 1977, с. 107). С другой стороны, обломок бронзового изделия, выполненного в том же ажурном стиле, обнаружен нами далеко от Киевщины, на городище Уза около Гомеля. По-видимому, это была гривна, украшенная парными завитками (рис. 3: 26), наподобие найденной, тоже в фрагменте, на смоленском Мокрядинском городище, у которой эти завитки, правда, трой-

ные (Шмидт, 1992, табл. 16: 4). Комплекс таких ажурных бронз, действительно, очень оригинален. Но некоторые вещи, считавшиеся специфически подгорцевскими, в действительности могут таковыми и не являться. Имеются в виду подвески двухразновидностей, бронзовые или серебряные, за которыми закрепилось одинаковое наименование: «подвески подгорцевского типа». Лишь на милоградских городищах, писал в свое время П.Н. Третьяков, встречены треугольные подвески, щиток которых образуется из нескольких спиралей (Третьяков, 1966, с. 181). Но точно такая же известна из юхновского Теменского городища; на юхновской же Кузиной Горе обнаружена даже створка от формочки для отливки подвески «подгорцевского» типа (Левенок, 1957, рис. 1: 4; Алихова, 1962, с. 106, рис. 11: 2). Другая разновидность «подгорцевских» подвесок – бутылковидные. На основании находок этих украшений была сделана попытка определения этноса «служанки», сопровождавшей скифское погребение в кургане № 20 близ Холодного Яра: «Это редчайший случай, когда погребельный инвентарь даёт основание уточнить этническую принадлежность сопровождающего лица. В данном случае при погребении женщины из среды скифов-пахарей оказалась рабыня подгорцевского племени» (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 255). Комментарий, скорее всего, неточен, так как «бутылочки», наподобие опубликованных Е.Ф. Покровской холмогорских (Покровская, 1957, с. 66, табл. 1: 8) имели очень широкое распространение. Они представлены, например, в одном из захоронений Уфимского могильника ананьинской культуры IV – III вв. до н.э. (Збруева, 1952, с. 42 – 43, табл. IV: 12).

Нет нужды говорить о широчайшем распространении известному «милоградцев» украшений, наподобие посоховидных булавок или латенских по типу рубчатых браслетов. Сошлёмся просто на сводные карты этих находок (Кухаренко, 1959, рис. 2; Седов, 1967, рис. 2). То же, конечно, следует заметить в отношении фибул из Милограда и бус из Горошково.

Согласно М.И. Лошенко, обломанный серп из Ястребки обладает существенным отличием от всех остальных, обнаруженных на милоградских городищах, поскольку черенок его прямой, а не загнутый, под прямым углом (Лошенко, 1994, с. 56, рис. 1: 7). Если абстрагироваться от этой важной детали, то можно сказать, что среди железных орудий труда из милоградских комплексов, по существу, вообще нет ни одной оригинальной вещи, что со всей очевидностью следует хотя бы из подробнейшего разбора аналогов, произведенного О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 52–62). Исключая несколько раннелатенских (кельты из Тацинок, Чаплина, Старого Красного), это всё вещи скифских образцов. Но топоры, серпы и ножи из древнейших смоленских и юхновских городищ тоже копируют скифские. П.Н. Третьяков был безусловно прав, полагая, что «железный» век в Верхнем Поднепровье сложился

под влиянием скифской чёрной металлургии (Третьяков, 1963, с. 20, рис. 15: 3; рис. 44; 23; рис. 69: 9; Горюнова, 1950, рис. 54: 31 – 3; Пузикова, 1981, рис. 37). Кстати, очевидно, что скифские по происхождению ножи с «горбатой» спинкой и серпы с «пяткой», точно такие же, как в милоградской культуре, пережили финал скифского времени – ими пользовались и «зарубинцы» (Поболь, 1971а, с. 122, рис. 65).

То же надо сказать и в отношении предметов вооружения, воинского снаряжения. Здесь полное господство скифского стиля, при незначительной примеси несоответствующих ему образцов, что, в свою очередь, означает близкое сходство или тождество этих вещей из милоградских комплексов (подробный разбор помещен ниже) с таковыми по назначению на огромных пространствах от Карпат до Урала и далее в глубину Азии, где длительное время господствовал один из элементов знаменитой скифской триады – оружие.

Перейдём к жилищам. «В форме жилищ на милоградских поселениях, – пишет О.Н. Мельниковская, – имеется один стойкий специфический признак, отличающий их от жилищ других культур на смежных территориях. Во всех случаях, когда контуры жилища хорошо видны, по одной из стени или в углу его имеется выступ прямоугольной, круглой или овальной формы» (Мельниковская, 1967, с. 37). О назначении этого выступа существуют разные мнения: по П.Н. Третьякову, там иногда располагались очаги, приобретающие вид камня (Третьяков, 1966, с. 179), по В.В. Седову – это были просто пристройки «типа сеней или навеса» (Седов, 1970, с. 35). Наподобие зарубинецких, милоградские жилища также каркасно-столбовые, наземные или заглубленные в грунт. Главным различием между ними всегда считалось отсутствие в первых пресловутого выступа. Но, по данным Е.М. Кухарской, жилища из нескольких зарубинецких памятников им все же обладают (Кухарская, 1987, с. 83). Итак, выступы представлены не только в жилищах милоградской культуры – в ней, кстати, имеются и полуземлянки и без них (Бидзиля, Пачкова, 1969, рис. 3: 4; Гурын, Лашанкоў, 1981, рис. 1: 2). Наличие выступов в милоградских и зарубинецких жилищах может объясняться какой-то сквозной традицией населения, сменявшего друг друга на одной и той же территории. Однако подобный элемент домостроительства довольно хорошо известен также и далеко за пределами Полесья и Поднепровья. В самом начале средневековья жилища с выступами появляются на средней Волге в именьковской культуре, однако, Г.И. Матвеевой это объясняется милоградско-зарубинецким наследием (Матвеева, 1981, с. 60). Но таковое полностью исключено, однако, для раннеславянского поселения VI – VII вв. н.э. Дессау-Мозигкау, где жилища № 4 и 9 имели точно такие же, как в милоградских, боковые выступы (Brachmann, 1983, Abb. 3–4). Тогда же, в VI – VIII вв. н.э., в другой части Евразии, на среднем Иртыше, угро-самодийцами создаётся

подчевашевская культура. На подчевашевском Узловском городище в одной из полуземлянок тоже был прямоугольный «милоградский» выступ (Финноутры..., 1987, с. 185, табл. LXXXVI: 10). Всё это, конечно, заставляет усомниться в особой палеоэтнографической значимости данной детали древнего домостроительства. Если только в выступах-пристройках действительно не располагались каминны, что представляется маловероятным, исходя из соображений пожарной безопасности (скорее всего, на Моховском I городище в боковую пристройку одного из жилищ просто сметали остатки костра), то отопительные сооружения из большинства милоградских домов, очаги-камелки в виде кучек камней или просто ямные, не представляют чего-то особенного. Не является необычной и глинобитная куполовидная печь, развал которой открыт в одной из построек Великого Олексиина (Свешников, 1971, с. 70, рис. 2: 1).

Оставляя пока милоградские жилища, отметим, что не совсем обоснованным кажется противопоставление их размеров размерам домов других культур лесной зоны. Имея в виду последнее, П.Н. Третьяков писал: «... Там люди повсюду жили небольшими коллективами на маленьких городищах в больших домах. Здесь (в милоградской культуре – С.Р.) дома были преимущественно маленькими, а поселения – большими» (Третьяков, 1966, с. 179). Новедь некоторые жилища культуры ранних смоленских городищ, например, того же Мокрядицкого, судя по их планам (Третьяков, Шмидт, 1963, рис. 38), вовсе не превосходили по размерам милоградские постройки, площадь которых, по О.Н. Мельниковской, колебалась от 9–10 до 50 кв. м (Мельниковская, 1967, с. 35). Такие же простые подсчёты площади говорят, что по этому показателю большинство милоградских городищ не обособляются среди укрепленных поселений лесных культур раннего железного века. Так, милоградские городища бассейна Сожа, по замечанию В.В. Седова, «по всем своим данным тождественны с юхновскими городищами» (Седов, 1970а, с. 267).

Закачивая рассмотрение признаков милоградской культуры, объединяющих её с соседними и даже дальними, не будем касаться деталей её погребального обряда – они подробно рассматриваются в специальной главе. Напомним лишь, насколько широко в эпоху железа была распространена в Европе кремация на стороне с последующим помещением её результатов в грунт без курганной насыпи (Никитина, 1974, с. 5).

Перейдём к негативным признакам милоградской культуры. Сразу заметно, что ассортимент посуды в ней иной, чем в той же зарубинецкой. Последнюю, употребляя удачный оборот Г.С. Лебедева, можно назвать типичной «культурой мисок», тогда как милоградская, несомненно, «культура горшков» (Лебедев, 1986, с. 17). Известные милоградские полушарические сосуды, скорее чаши, а сосуды без венчиков, скорее «котелки», а не миски. Собственно миски представлены единичными экземплярами

(Подгорцы), причем это явное заимствование у скифских соседей (Даниленко, 1956, табл. 1: 20). Отсутствуют в ней и сосуды типа зарубинецких кружек, вообще сосуды с ручками, которые, как известно, были широко распространены в северной Украине во всё предскифско-скифское время. Единственным исключением является снабжённая небольшой петельчатой ручкой кружечка из Нарочанского младшего могильника (Левицкий, 1931, рис. 39: 8). Нет в милоградской характерных для керамики лебедовской и днепродвинской банок и горшков с подбиконическим туловом (Березанская, 1976, рис. 10; Шадыро, 1985, рис. 43), отсутствуют характерные для культур штрихованной керамики и зарубинецкой ребристые формы (Митрофанов, 1978, рис. 15: 1–3; Максимов, 1982, табл. V: 2, 10). Для посуды соседей, тоже вылепленной без помощи гоичарного круга, характерны такие приемы обработки внешней поверхности, которые напрочь отсутствуют в милоградской. Так, неизвестно здесь лебедовское ангобирование, зарубинецкое лощение, юхновское обстругивание ножом, поморская храповатость (Березанская, 1976, с. 204; Максимов, 1972, с. 85; Левенок, 1963, с. 90; Никитина, 1964, рис. 12: 2). То же нужно сказать, наверное, о таких приёмах, как обработку ещё сырой внешней поверхности лепного сосуда приспособлением типа гребня или просто пучком соломы, травы, результаты применения которых иногда обозначают одним и тем же термином – «штриховка». Расчёсы гребнем применялись «поморцами», «зарубинцами» и носителями киевской культуры (Никитина, 1965, рис. 3: 4; Третьяков, 1982, с. 58; Очерки..., 1970, с. 175). Как нам удалось выяснить в ходе многолетних исследований городищ бассейна нижнего Сожа, «расчѣсанная» посуда присутствует только на тех из них, где есть и другие элементы зарубинецкой культуры. Памятники с однородными милоградскими материалами её находок не дают. А.Г. Митрофанов убедительно обосновал, что зона распространения штриховки на керамике гораздо шире ареала собственно культуры штрихованной керамики (Митрофанов, 1969, с. 69). Вполне естественно, что соседствующие со «штриховиками» «милоградцы» тоже познакомились с этим эффектным приёмом. Однако мы считаем нужным, вслед за А.Г. Митрофановым, возразить против отождествления памятников со штрихованной или «расчѣсанной» керамикой с памятниками культуры самих «штриховиков», как это снова делается, например, М.И. Лошенковым, даже в отношении самого городища Милоград (Лашанкоу, 1997, с. 153–154). Описывая результаты своей шурфовки городища Церковище на правом берегу Днепра, между Шкловом и Могилёвом, Г.Ф. Соловьёва в своё время отметила: «В Верхнем Поднепровье и Посожье выделяются три стадии существования городищ: милоградский период, городища со штрихованной керамикой и древнерусские – эпохи Киевской Руси» (Соловьёва, 1970, с. 102). Куда же девалась местная зарубинецкая культу-

ра? Теперь ясно, что у Г. Ф. Соловьёвой, как, впрочем, в некоторых случаях – относительно Славгородского и Луначарского городищ, например – и у О. Н. Мельниковской, она, благодаря схожим со штриховкой расчёсам, выступает под видом культуры штрихованной керамики (Мельниковская, 1967, с. 191, 193).

Далее, милоградская посуда лишена некоторых видов орнаментации, например, «ёлочек», «заштрихованных треугольников», что позволяет отличать ее от высоцкой и лебедовской. Так сказать, рецидивы бронзового века обнаруживает керамика Народичского младшего могильника, но ведь это один из древнейших в милоградской культуре памятников (Левицкий, 1931, рис. 39: 5, 6). В целом милоградской керамике чужды такие виды орнамента, как зашип на плечике (культура штрихованной керамики), врезной орнамент, группировка вдавлений в виде виноградной грозди (днепродвинская, юхновская) (Митрофанов, 1978, рис. 15: 10; Левенок, 1963, рис. 5: 2, 12; Шадыро, 1985, рис. 54). Согласно О. Н. Мельниковской, у верхнеднепровских «милоградцев» не принято было орнаментировать верх венчика, подобно «зарубинцам». Среднеднепровские же, как и их скифские соседи, такое практиковали (Петровська, 1971, рис. 2).

Говоря о других глиняных изделиях, отметим практически полное отсутствие в милоградской культуре грузиков «дыакова» типа, столь многочисленных в культуре штрихованной керамики и в днепродвинской, характерных для них же уплощённых и вогнутых пряслиц, а также предметов типа юхновских «рогатых кирпичей» (Митрофанов, 1976, с. 42, рис. 19: 4, 35, 38; рис. 22: 25, 26; Шадыро, 1985, с. 60; Трубникова, 1938, с. 125, рис. 2). В милоградской глиняной мелкой пластике при всей близости ее к лесостепной предскифского – скифского времени, отсутствуют представленные там антропоморфные изображения, нет также известных в лужицкой и высоцкой культурах фигурок птиц (Фабриціус, 1952, табл. 1: 6; Шрамко, 1987, рис. 62; Крушельницька, 1976, рис. 15: 12, 18, 35). Если для скифских памятников Киевщины и Черниговщины находки украшений, выполненные в «зверином» стиле, обычны, то милоградские на той же территории дали пока что всего несколько таких. Это, во-первых, пряжка в виде свернувшегося животного из Погребов (Канівець, 1953а, с. 27, табл. V: 4). И, во-вторых, это две бронзовые пряжки-пронизи, типа костяных келермесских и кармир-блурских, из разрушенного могильника Южный Замглай (Жаров, 1995, рис. 21, 22). С другой стороны, в числе происходящих из подгорцевских памятников украшений, выполненных в резко отличном от знаменитого скифского «звериного» «кружевного», ажурном стиле «воскового вязания», не достаёт наверхней листовидной формы, тогда как именно такие абсолютно преобладают среди известных вне милоградской территории (Рассадин, 1994, рис. 1).

Далее, отнесём к числу негативных признаков милоградской культуры ещё один. Несколько пере-

фразируя, увы, уже покойного Г. С. Лебедева, наверное, можно сказать, что она – типичная «культура булавок», а не фибул. Последние в этой культуре единичны, что резко отличает её от зарубинецкой, дающей множество разнотипных застёжек. Остаются неизвестными пока на милоградских памятниках украшения чернолесского стиля, типа браслетов со спиралями на концах из Смоленщины (Шмидт, 1992, табл. 9: 1 – 7). Милоградские памятники дали всего несколько костяных булавок. Они вообще чрезвычайно скупы на изделия из этого материала. Так, нет ещё ни одного подтверждения применения «милоградцами» костидля изготовления таких видов орудий труда и оружия, как топоры, долота, наконечники копий, стрел, дротиков, гарпунов, что справедливо считается едва ли не главным признаком ранней культуры штрихованной керамики (Археологія..., 1999, с. 118, 153). Старшие смоленские городища с их многочисленными костяными гарпунами и стрелами также по праву могут считаться весьма костеносными (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 84, рис. 41). А в нижних горизонтах однокультурных им городищ Белорусского Подвинья, согласно В. И. Шадыро, кость как материал, долго доминировала над металлом (Шадыро, 1985, с. 31 – 33). Считается, что обилие костяных орудий и отходов косторезного промысла было характерно также и для юхновской культуры, но здесь всё же преобладают уже металлические орудия (Левенок, 1957, с. 51; Падин, 2004, рис. 1).

Кроме кельта из Народич (Левицкий, 1931, рис. 39: 4), в милоградской культуре, пожалуй, нет больше орудий труда из бронзы, что позволяет говорить об особенностях её инструментария и в сравнении с лебедовским (Савчук, 1978, рис. 4: 1 – 4, 7, 8), и с лужицким. Обнаруженный на поселении Хоров на Горыни орнаментированный бронзовый нож соответствует скорее найденной там лужицкой, а не милоградской посуде (Пелешин, Позіховський, 1986, рис. 2: 3).

Согласно О. Н. Мельниковской, производственное значение известных в милоградских памятниках скифского времени кремнёвых орудий труда, в частности, топоров, скорее всего, было ничтожным (Мельниковская, 1967, с. 69). Его, правда, при каждом удобном случае почему-то пытается преувеличить М. И. Лошенко, однако, постоянно без особого успеха. Потому что, к примеру, как в Ястребке, так и в Сорочах находкам разных кремнёвых орудий, а также сырья и отходов соответствовали обломки неолитической посуды, очевидно, одинаково относящиеся к стоянкам, которые существовали на месте этих милоградских городищ ещё в каменном веке (Лошенко, 1994, с. 54, 61; 2001, с. 160, 162). Таким образом, в нашей археологии по существу имеет место своеобразное атавистическое проявление, поскольку без малого сто лет назад Е. Р. Романов практически все известные ему городища, атрибутированные теперь в качестве милоградских, относил к каменному веку целиком и

полностью (Романов, 1910, 104сл.). Безусловно, неиспользование кремнёвых и вообще каменных орудий отличает милоградскую культуру не только от предшественницы, лебедовской, и старшей современницы, висоцкой, с их кремнёвыми серпами и стрелами, но и от синхронного западного варианта днепродвинской культуры, где одно городище Замощье дало свыше сотни каменных сверленных и клиновидных топоров, несомненно, найденных не в переотложенном состоянии (Шадыро, 1985, с. 31).

«Милоградцы», по-видимому, пренебрегали камнем и в домостроительстве. У них мы не найдём каменной обкладки стен, как в поморской, или вымостки пола, как в днепродвинской культуре (Никитина, 1964, с. 46, рис. 16; Шадыро, 1985, с. 30). Вообще, выложенные камнями площадки, характерные, согласно А.Г. Митрофанову, для поселений балтских культур, на милоградских представляют редкое исключение (Митрофанов, 1978, с. 18). Не наблюдается также следов «кольцевого» приёма возведения стен наподобие прослеженного в юхновском Подесенье. Согласно В.П. Левенку, тамошние «юхновцы» по периметру будущей постройки частым рядом вбивали кольца, переплетая их для прочности прутьями (Левенок, 1957, с. 49). «Милоградцы», кажется, были незнакомы и со срубной техникой возведения стен, предполагаемой для поморских жилищ (Максимов, 1972, с. 140). Видимо, можно считать, что подгорцевские «милоградцы» Киевщины, в отличие от своих скифских соседей, не применяли плетнёвую конструкцию стен. Скифские поселения дают обилие кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев (Петровська, 1970, с. 131; Петренко, 1967, с. 9–70). На соседних с ними поселениях «подгорцевцев» отпечатки прутьев неизвестны. Как и скифские, на Киевщине плетнёвыми мазанками были также и позднейшие зарубинецкие жилища (Максимов, 1972, с. 119). Вообще применение глины для обмазки стен фиксируется вокруг земель «милоградцев» практически повсеместно. Кроме скифских и зарубинецких, скопления кусков глиняной обмазки безошибочно «сигнализировали» о присутствии остатков жилищ при раскопках поселений культур висоцкой, штрихованной керамики, днепродвинской, юхновской (Крушельницька, 1973, с. 27–38; Митрофанов, 1978, с. 12; Левенок, 1957, с. 49). Поселения же «милоградцев» скоплений глиняной обмазки не дали ни на верхнем, ни на среднем Днепре, ни в Полесье, ни на Волини (Мельниковская, 1967, с. 34; Петровська, 1971, с. 11; Гурын, Лашанкоў, 1984, с. 68; Свэшников, 1971, с. 69–70). Самые удлиненные из милоградских построек значительно короче знаменитых «длинных» домов «штриховиков», «днепродвинцев», «юхновцев». Вспомним хотя бы Кузину Гору, где коридорообразная постройка тянулась вдоль всего периметра жилой площадки (Алихова, 1962, рис. 3:1).

Используя для устройства очагов в своих жилищах камень, «милоградцы» не знали печей-каменок

типа открытой в висоцком Лагодове (Крушельницька, 1976, с. 47), неизвестны у них очаги – подковообразные выкладки из камня, иногда обмазанного глиной или глинобитные, как у «штриховиков» (Митрофанов, 1978, с. 10, рис. 5), а также очаги в виде глиняных жаровен, какие бывали иногда у «днепродвинцев» (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 78–79).

Милоградское оборонное зодчество лишено черт, характерных для городищ некоторых соседних культур. Так, среди милоградских почти нет городищ, аналогичных холмовым – типа очень распространённого в бассейне Березины – Днепровской, а также в Белорусском Подвинье. Впрочем, там это вполне объясняется зависимостью от ландшафтно-географических особенностей (Шадыро, 1985, с. 11). Милоградский же ареал не богат на изолированные возвышенности. Интересно обратиться к способу укрепления занятых под городища мысов. Как считают их исследователи, самые ранние из мысовых городищ в культуре штрихованной керамики, днепродвинокой и юхновской первоначально не имели земляных укреплений, не отличаясь, по существу, от стоянок предшествующей эпохи бронзы, как, например, городище Лбище (Митрофанов, 1978, с. 11; Третьяков, 1966, с. 72; Шадыро, 1985, с. 13; Падин, 1966, с. 137; 2004, с. 3). Милоградские поселения на мысах, согласно О.Н. Мельниковской, сразу закладывались в качестве городищ (Мельниковская, 1967, с. 167). Согласно уточнению А.А. Егорейченко, все милоградские городища, в принципе, или возникают уже как укрепленные, подобно Холопеничам и Чаплину, или же существуют без укреплений только короткое время, как Ивань и Горошков, о чём свидетельствует слабый культурный слой с обломками милоградской керамики под валами последних (Егорейченко, 1996, с. 19). Милоградские фортификаторы не практиковали сооружения валов на склонах и у подножья мысов, не отсыпали они и кольцевых валов вокруг площадок мысовых городищ. Это всё приёмы, характерные для оборонного зодчества развитых культур «штриховиков» и «днепродвинцев» (Митрофанов, 1978, с. 17; Шадыро, 1985, с. 18). Исследования нижнесожских городищ, по-видимому, показывают, что кольцевые валы на мысовых городищах сооружали и «зарубинцы». Это произошло, например, после захвата ими милоградской Ворновки, перестроенной ими по своему вкусу. Укрепления этого городища довольно подробно были изучены в 1936 г. А.Н. Лявданским и А.Д. Каваленей. Сохранился дневник раскопок, чертежи из которого опубликованы Л.Д. Поболем (Каваленя, 1936; Поболь, 1974, рис. 73–74). На основании его дневниковых записей нами были опубликованы следующие выводы А.Н. Лявданского. На профиле траншеи I в южной части Ворновского городища были хорошо видны два стратиграфически разделённых разновременных слоя, ранний и поздний. Судя по находкам, их уверенно можно сопоставлять теперь с милоградским и зарубинецким периодами заселения. По А.Н.

Лявданскому, в ранний, то есть, милоградский, период Ворновка имела всего-навсего один вал с напольной стороны. В начале следующего, зарубинецкого, периода этот вал достраивался так, что окольцевал всю площадку, а с напольной стороны были сооружены ещё два вала (Рассадзін, 1991, с. 78).

Теперь относительно типа поселения. В отличие, например, от ранней днепродвинской культуры, в которой они были исключительно укрепленными, (Шадыро, 1985, с. 11), её милоградские современники использовали как городища, так и селища. На этом моменте, по-видимому, стоит задержать внимание. Если судить по опубликованным Л.Д. Поболем данным, получается, что сочетание обоих типов было присуще «милоградцам» и на Полесье (городища-поселения, городища-убежища + селища), и на верхнем (городище, основное место проживания + селище близ него) и на среднем Днепре (исследователь ссылается на сводку подгорцевских селищ Е.А. Петровской и на обнаружение подгорцевских же материалов на Хотовском городище) (Поболь, 1983, с. 11, 201). Нетрудно заметить, что соотношение укреплений и открытых поселений в милоградской культуре виделось Л.Д. Поболем в общем таким же, как в зарубинецкой, судя по ранее изданной его работе (Поболь, 1974, с. 24–35). Начнём с Верхнего Поднепровья. Л.Д. Поболь считает ошибочным вывод, что для местной зарубинецкой культуры характерны только селища, а городища – это милоградское явление (Очерки... , 1970, с. 154). Что здесь имеются зарубинецкие городища, конечно, бесспорно, чего нельзя сказать, однако, о милоградских селищах. О.Н. Мельниковской не удалось привести убедительных доказательств наличия на Верхнем Днепре милоградских селищ, существовавших независимо от городищ, на значительном удалении от них. Практически все из указанных ею нескольких пунктов могут представлять из себя остатки милоградского могильника или городища, или лебедовского, или киевского поселения. Только «поселеннем» именуется М.И. Лошенковым сильно разрушенные Сорочи. Однако, судя по опубликованному им плану, это было мысовое городище, и притом именно такой же характерной конфигурации, как и милоградское Присну II (Рассадзін, 1991, рис. 2: 13). «Судя по обломкам, пишет М.И. Лошенко, можно говорить о преобладании у местного населения профилированных горшков милогроидного облика». Однако рисунки этих обломков, видимо, не оставляют сомнений. Сорочи – первоначально милоградское городище (Лошенко, 2001, с. 159–163).

Остаются селища, примыкающие к валам милоградских городищ. Согласно О.Н. Мельниковской, «в отличие от возникающих вскоре после них или синхронно им зарубинецких поселений, расположенных обычно на некотором расстоянии от городища, милоградские поселения непосредственно примыкают к площадкам городищ, связь их с последними более ощутима, размеры, как правило, невелики» (Мельни-

ковская, 1967, с. 22). Видимо, учитывая подобный облик этих объектов, в частности, прямое их отношение к мысовым городищам, стоит вспомнить об одной мысли, в своё время высказанной П.Н. Третьяковым. Он писал так: «Можно предполагать, что в тех случаях, когда (милоградские – С.Р.) городища имели лишь одну обведённую валом площадку... у них также имелась дополнительная площадка, укрепленная, однако, не валом, а деревянной изгородью. Об этом говорят пятна культурного слоя за валами городищ с одной площадкой» (Третьяков, 1966, с. 179). Поиск аргументов против подобной интерпретации этих «пятен» положительных результатов не дал. Мы считаем возможным видеть одно из отличий верхнеднепровских «милоградцев» от их зарубинецких соседей в отсутствии у них поселений открытого типа, наподобие зарубинецкого селища в Горошкове (Мельниковская, 1965, с. 196–205). Пример Горошкова свидетельствует, что, по крайней мере, иногда «зарубинцы» Верхнего Поднепровья пренебрегали оставленными городищами «милоградцев». Попытка Л.Д. Поболя интерпретировать Горошковское городище как милоградско-зарубинецкий многослойный памятник была подкреплена лишь ссылкой на упоминаемое О.Н. Мельниковской обнаружение в разных местах площадки городища зарубинецких материалов (Поболь, 1974, с. 138–139). Но известно, что О.Н. Мельниковская, говоря о находках небольшого числа обломков керамики и других вещей зарубинецкого типа, подчёркивала, что на данном городище они не образуют самостоятельных закрытых комплексов (Мельниковская, 1967, с. 167). Было бы странно, если бы таких вещей здесь не оказалось, ведь в нескольких сотнях метров от городищенского вала достаточно долго обитали «зарубинцы». Но на площадке городища следы их проживания в виде остатков жилищ, хозяйственных ям и т. д., как и на Чаплинском и Моховском II, отсутствуют. Зарубинецкого слоя на Горошковском нет.

Теперь о наличии у полесских «милоградцев» специальных городищ-убежищ. По Л.Д. Поболу получалось, что соотношение городищ и селищ в милоградской культуре Полесья второй – третьей четверти I тыс. до н. э. не отличалось от такового, существовавшего во второй – третьей четверти I тыс. н. э., ведь и в киевской, и в колочинской, и в культуре типа верхнего слоя Тушемли мы находим городище-убежище как укрепленный центр округи, где в случае нужды спасались постоянные обитатели разбросанных по ней незащищенных поселений (Очерки... , 1970, с. 171; Сымонович, 1963, с. 136; Рассадзін, 1985, с. 78; Третьяков, Шмидт, 1963, с. 7, 29). Сомнительно, чтобы социально-политическая ситуация в Полесье скифского времени была копией сложившейся на Верхнем Днепре не раньше римской – раннеславянской эпох. Согласно А.К. Амброзу, в I тыс. н. э. у населения Подесенья происходила замена родовой общины на территориальную, консолидация сосед-

ких общин в более широкие и более прочные, чем при родовом строе, объединения, что сделало возможным массовый переход от старых родовых «гнезд» в виде городищ, к поселениям открытого типа (Амброз, 1964, с. 66–67). Согласно Л.Д. Поболу, такая же коренная ломка произошла синхронно и в соседних районах восточной Белоруссии: «объединение племён в прочные союзы, – писал он, – и позволило каждой общине переходить из городищ на селища. Функция обороны в новых условиях, вероятно, полностью перешла к союзу племён, поскольку в случае вторжения враждебных племён разобщённые обитатели каждого селища не были в состоянии защитить себя и свое имущество». Защиту давали возникшие как продукт охарактеризованного процесса убежища типа киевской Красной Зорьки (Очерки..., 1970, с. 182, 231). Есть ли основания считать, что «милоградцы» Полесья, значительно опередив в общественном развитии своих верхнеднепровских сородичей, тоже прошли через сходный процесс, создали не только родовые, но и племенные убежища, роль такого у них играло, согласно Л.Д. Поболу, огромное укрепление близд. Бечи? Сходные с Бечским полесские городища он именовал «болотными» (Поболь, 1974, с. 31–33). Неудачность дефиниции отмечалась, как и отличие полесских от типа болотных раннесредневековых городищ Смоленщины, выделенного ещё А.Н. Лявданским (Егорейченко, 1980, с. 84). Справедливость замечания А.А. Егорейченко вполне очевидна на примере сравнения размеров тех же полесских Бечей и смоленского Шатырёва, которые равны соответственно 95 000 и 126 кв. м. Принципиально различны и планировка, конфигурация укреплений (Поболь, 1974, с. 161, рис. 49: 3; Третьяков, Шмидт, 1963, с. 37, 39, рис. 10). Кроме оборонной, Л.Д. Поболем предполагалась для огромных «болотных» городищ, лишённых или почти лишённых культурного слоя, также ещё и другая, уже сугубо хозяйственная функция. По его мнению, они могли служить укрытиями для скота во время регулярных на Полесье наводнений. Но им справедливо подчёркивалось, что доказать это археологически практически невозможно. А возможно ли вообще археологически доказать, что памятники типа Клинка и Бечи имеют отношение к милоградской, равно как и к зарубинецкой культурам? Самим Л.Д. Поболем об итогах его изысканий на них сообщалось следующее: «Произведённая шурфовка ряда городищ не дала никаких результатов. Это затрудняет датировку и определение культурной принадлежности памятников» (Поболь, 1974, с. 33). Со своих 9,5 га гигаит у Бечей дал всего несколько неопределённых фрагментов лепных сосудов. Но ведь мы знаем, что такие явления, как изготовление лепной посуды и строительство городищ, одновременно наблюдались добрые полторы тысячи лет на огромных, заселённых самыми разными племенами, территориях. Понятно, что именно милоградская атрибуция Бечей и подобных им памятников не доказана. Такие памятники,

характеризуемые, наравне с огромными размерами и сложной конфигурацией укреплений, отсутствием выраженных культурных напластований, распространены среди лесов белорусского и украинского Полесья. Кроме названных в упоминавшихся нами работах Л.Д. Поболя, их сводку пополняют памятники с примерно такими же характеристиками, данные о которых опубликованы П.А. Раппопортом и М.П. Кучерой. Из тех городищ Кневщины, которые М.П. Кучера рассматривает как милоградские, только Дубровское и Розважевское дали единичные обломки веичиков лепных сосудов, которые, если выражаться точно, только предположительно могут иметь отношение к милоградской культуре (Кучера, 1976, с. 91, рис. 6). Учитывая значительность площади, которую охватывали когда-то укрепления Розважевского городища (около 12 га), нельзя, видимо, совершенно исключать допущения, что упомянутые керамические обломки могут быть связаны с милоградским поселением, занимавшим часть этой земляной крепости до или после ее строительства – наподобие того, как в древнерусское время использовался участок Плесненского гигаитского укрепления (Раппопорт, 1965, с. 94–96). Согласно М.П. Кучере, элемент прямолинейности в планировании оборонительных сооружений, неизвестный среди памятников иных синхронных археологических культур Восточной Европы, является специфической чертой милоградской культуры (Кучера, 1976, с. 91). Но, во-первых, конфигурация многих несомненно милоградских городищ, расположенных подобно Розважевскому или Новокрасницкому, среди низин, например, обоих Ясенецких, лишена элемента прямолинейности (Кухаренко, 1961, рис. 26: 4). И, во-вторых, всё же любую кривую можно представить в виде суммы прямых отрезков. При сравнении планов Новокрасницкого, Бовищенского и Розважевского городищ, с одной стороны, и Матронинского, Люботинского, с другой (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 263; Моруженко, 1985, рис. 4: 17), нам не удалось обнаружить в их геометрии принципиальной разницы. Напротив, и те, и другие своими размерами и сложностью конфигурации в равной степени отличаются от низинных несомненно милоградских городищ, таких, как Борховское, Ясенецкие, Холопеничское и другие, уже подвергшиеся раскопкам. Их форма простая, овальная или подпрямоугольная, а площадки не превышают размерами 1–1,5 га. В общем, пока совершенно не ясно, кем, когда и с какой целью сооружались необитаемые постоянно городища типа Бечей, разбросанные по югу лесного днепровского Правобережья. Может быть, это своеобразная параллель грандиозным «Змиевым валам»? На наш взгляд, имеются веские основания поостеречься считать их особенностью милоградской культуры Полесья. Вернее, кажется, будут наши предположения, что, в отличие от населения скифской лесостепи, «милоградцы» не строили гигаитских городищ, и что, в отличие от

носителей киевской культуры, они не знали городищ-убежищ. Заметим: на площади внутривалов некоторых «болотных» городищ без культурного слоя Туровщины могли бы свободно разместиться все известные в их округе селища, как милоградские, так и зарубинецкие. Если здесь мы имеем дело с сочетанием одного городища-убежища с несколькими открытыми поселениями, то колоссальные затраты труда на сооружение первого выглядят бессмысленными. Вспомним, для сравнения, что сильно укрепленные «дворы» колочинских или тушмянских убежищ – всего-навсего пятачки по отношению к площади даже одного тогдашнего селища. Можно предполагать, что «милоградцы» Полесья каким-то образом всё же догадались, как можно вполне обеспечить безопасность своих поселений, выполнив неизмеримо меньший, чем строители Бечей, объём земляных работ. Они строили и потом постоянно проживали на полесских городищах нормальных для милоградского оборонного зодчества размеров – это те же оба Ясенецкие, Холопеничское, Иваньское, Лисковское и т. д. В западной части милоградского ареала, однако, были открыты небольшие, обычно круглые по форме, городища, лишённые культурного слоя. Принадлежность их именно милоградской культуре, по мнению В. С. Вергей, «довольно проблематична» (Вергей, 1996, с. 87). С другой стороны, представляется вполне допустимым, что некоторые милоградские селища Полесья древности обладали укреплениями, но не деревянными, а деревянными в виде оград. Возможность существования подобного варианта защиты на зарубинецких полесских поселениях без сохранившихся валов предполагалась, в частности, П. Н. Третьяковым (Третьяков, 1982, с. 42).

Теперь о городищах «подгорцевцев». Кроме Хотовского, которое упоминал Л. Д. Поболь, находки подгорцевско-милоградской керамики сделаны и на некоторых других городищах южной Киевщины: на Большом Ходосовском, а также на Веприке (Петренко, 1967, табл. 6: 4; Батуревич, 1986, с. 17–18). Видимо, число небольших лесостепных городищ, где среди массы скифских найдется и некоторое количество подгорцевских вещей, будет на Правобережье год от года расти. Если учесть известную на Киевщине чересполосицу, то нельзя не принять предположения Е. Ю. Батуревич о проживании на городищах среди скифов илищ милоградского происхождения. Немало «подгорцевок» могло попасть туда, скажем, посредством браков. Но городища, где подгорцевские материалы представлены не в виде единичных включений, где они не то чтобы преобладают, а хотя бы могут конкурировать по массовости со скифскими, на юге Киевщины пока неизвестны. Все местные городища, судя по находкам, принадлежат носителям местного же варианта лесостепной культуры скифского времени. Некоторые из таких городищ, согласно

В. Г. Петренко, играли роль центров племенных объединений этого населения (Петренко, 1967, с. 55). Представляется вполне очевидным, что подгорцевское население не могло не быть интегрированным в созданную и возглавляемую «скифами» Киевщины структуру. Вряд ли стоит сомневаться, что это население находилось от них в зависимости. В руках скифов были крепости, господствующие над селищами своих округ, в том числе и подгорцевскими. По П. Н. Третьякову, подчинённое положение носителей одной культуры по отношению к носителям другой археологически как раз и выражается в отсутствии у первых укрепленных поселений (Третьяков, 1982, с. 47). В лесостепи же Левобережья взаимоотношения со скифами у соседних «подгорцевцам» «юхновцев», видимо, были иными. Здесь в важном пункте у слияния Десны и Сейма расположено юхновское Шебалинское городище, на котором, в отличие от тех же Хотова и Ходосович, единичны не нескифские, а скифские керамические находки. О. Н. Мельниковская предполагает, что одной из важнейших функций Шебалинова, цитадели на перекрестке водных путей, была защита «юхновцев» от скифских набегов (Мельниковская, 1971, с. 98–103). Таким образом, в Приднепровской лесостепи тип поселения «милоградцев» отличался не только от скифского, но и от юхновского. Заметим еще, что у открытых подгорцевских поселений и топография иная, чем у местных скифских: последние занимают высокие участки, тогда как селища «подгорцевцев» тяготеют к низинам и речным поймам (Петровська, 1971, с. 11).

Итак, можно переходить к позитивным признакам созданной «милоградцами» культуры. Они, кажется, должны ярче обозначиться на фоне «наличия отсутствия» совокупности негативных признаков. Говоря о специфичности милоградской посуды, мы не станем делать упор на ее пропорции, профилировку и орнаментацию. Ведь у некоторых типично юхновских сосудов, например, контуры верхних частей (загнутый внутрь край или округлое плечико, несущее прямой, слегка отогнутый наружу веичик) практически неотличимы от милоградских (Левенок, 1957, рис. 2: 3, 9–12). Тем не менее, эти контуры принято считать, как известно, этнографически значимыми для «милоградцев». Наверное, лучше остановиться на своеобразии ассортимента употреблявшейся ими посуды. На всех милоградских поселениях, с которых получены достаточно представительные серии керамики, мы имеем один и тот же набор: горшки с шаро-яйцевидным туловом, снабженные веичиком, точно такие же сосуды, но без них – назовём их, условно, глиняными «котелками», а также «чаши» – сосуды, по форме близкие к полусфере, максимальный диаметр которых приходится на устье (рис. 6)*.

Далее, милоградские украшения. Среди них, бесспорно, оригинальны бронзовые ажурные навершия

* Наименования категорий милоградских сосудов, их частей, а также места замеров используемых параметров указаны на рис. 6. Учётные соотношения послужили исходным материалом для матрицы данных.

булавок трёхразновидностей: круглой, прямоугольной и сложноажурной формы (рис. 3: 21 – 23). Надо подчеркнуть, что круглые навершия все без исключения происходят из подгорцевской Киевщины, а из числа прямоугольных и сложноажурных за её пределами обнаружено только по одному экземпляру (Шмидт, 1968, с. 43, рис. 1; Петровська, 1971, с. 20). Как специфически милоградское украшение стоит, видимо, интерпретировать и шумящую брошь из двух подвижных частей, соединенных шарниром, с привесками к нижней части. Целый экземпляр представлен в Подгорцах, фрагменты – в Коросте, Мизякове и Рудяках (рис. 3: 24, 25, 27). Вне милоградской культуры похожие броши известны на Кавказе; кавказское же происхождение можно, наверное, предполагать и для оригинальных подгорцевских бронзовых «многоголовых» булавок с грибовидными шляпками. Вопрос о хронологии и прототипах подгорцевских ажурных бронз еще будет подробно рассматриваться. Сейчас скажем лишь, что не его возникновения зависело от восточнобалтского стиля бронзового литья в технике «воскового вязания», а, скорее, наоборот. Представляется вероятным, что среднеднепровские «милоградцы» усвоили и творчески переработали некоторые типы изделий кавказских ювелиров, сформировав свой собственный, независимый от скифского «звериного», ажурный стиль. Видимо, в одновременном существовании на Киевщине этих принципиально разных художественных стилей воплотилось некое глубинное различие между подгорцевской и скифской металлургией. Влияние специфически милоградского стиля из лесостепного Правобережья распространилось довольно далеко на север и северо-восток, достигнув самых глубин лесной полосы.

Из представленных на милоградских памятниках орудий труда и предметов вооружения самобытны, наверное, можно считать только пластичатые железные наконечники стрел с едва намеченными черешками или чаще даже вовсе без них (Мельниковская, 1967, с. 70, рис. 10: 25, 27 – 29; Петровська, 1971, рис. 3: 1). Стрелки-пластинки с такой же формой пера, подтреугольной или ромбической, известны также и в днепродвинской культуре Смоленщины, но, в отличие от милоградских, там практически все они снабжены выраженными черешками (Третяков, Шмидт, 1963, рис. 14: 3; 44, 27 – 28). Согласно Е.А. Шмидту, эти черешковые железные наконечники стрел ранней днепродвинской культуры воспроизводили форму более ранних костяных (Шмидт, 1992, с. 86, 133). Возможно, что нечто подобное будет верно также и в отношении милоградских, особенно с учётом того, что среди кремнёвых наконечников стрел лебедовской культуры тоже имеются безчерешковые (Березанская, 1976, рис. 7: 30 – 31).

Результаты исследования милоградских жилищ пока не дают надёжных оснований для трактовки какой-то их особенностей в качестве позитивного признака, этнографически специфичного для этой куль-

туры. Специфику милоградского жилища, по нашему мнению, можно обозначить только перечисляя черты, которые ему не свойственны, т.е. негативные признаки. Как было отмечено ранее, видимо, прав В.В. Седов, высказавшийся в том смысле, что в устройстве милоградских городищ на мысах не заметно этнографического своеобразия. Но зато оно налицо в городищах, устроенных, подобно «болотным», в низинах, на невысоких естественных всхолмлениях. По А.А. Егорейченко, такие городища характерны для милоградской культуры Белорусского Полесья (Егорейченко, 1980, с. 87). По нашему мнению, его вывод может быть распространён также и на Верхнее Поднепровье. В других культурах, как известно, поселения на ровном месте, небольшая площадь которых обнесена круговым валом, исключительно редки. Например, городище Яново на самой границе Ветковского р-на Гомельской и Новозыбковского Брянской обл. дало материалы юхновской культуры, однако, его близость к милоградскому ареалу, по-видимому, уже сама по себе указывает на источник заимствования типа поселения. Особенно характерны для милоградской культуры городища четырёхугольной формы, ориентированные углами по сторонам света наподобие нижнесожских Шепотович, Ленина, Чёнок. При исследовании Чёнковского городища удалось даже установить, что его строителям пришлось искусственно увеличить площадь незначительного натурального всхолмления, чтобы площадка получилась именно ромбовидной (Рассадзин, 1991, с. 75 – 76, рис. 2: 1 – 7).

Далее, может быть, позитивным признаком их культуры надо считать и то, что у лесостепных «милоградцев» известны только селища, а городища характерны для их лесных сородичей, независимых (?) от северных скифских группировок политически.

Могильники, оставленные «милоградцами» в разных частях населённой ими когда-то территории, отличаются, во-первых, большим внутренним разнообразием обрядности. Во-вторых, обрядность эта довольно часто напоминает обрядность их соседей. И индикатором принадлежности тех или иных погребений именно к милоградской культуре, может служить, если подходить строго, только наличие в их инвентаре характерных милоградских вещей. Наконец, как позитивный признак культуры «милоградцев» может рассматриваться, кажется, и расположение могильников непосредственно на жилых площадках городищ – но в районах, достаточно удалённых от ареала юхновской культуры, где подобная практика тоже фиксируется. Впрочем, по соседству с памятниками культур штрихованной керамики и днепродвинской уже само наличие могильников скифского времени выглядит как милоградский позитивный признак.

Итак, признаки созданной милоградским населением культуры, которые пощадило время и археологии удалось зафиксировать, поддаются классифика-

ции и среди них различимы, согласно принятому нами обозначению, межкультурные, позитивные и негативные. По нашему мнению, только определённый баланс первых и вторых, обязательное отсутствие черт, образующих третьи, которое, конечно, само собой разумеется, и создаёт тот «портрет», который воспринимается как этнографический облик культуры «милоградцев», даёт нам набор критериев, которые позволяют или нет относить к этой культуре конкретный памятник.

Опробовать данный инструментарий можно, например, применительно к древнейшим городищам в бассейнах Свислочи-березинской и Березины-днепровской, которые дали материалы наподобие нижнего горизонта Лабенщины. Придётся, однако, сделать ряд предварительных критических замечаний, поскольку культурно-хронологическая интерпретация этих памятников сейчас представляет собой едва ли не самый проблемный вопрос в нашей археологии эпохи железа. А.Г. Митрофановым предполагалась их чрезвычайная близость милоградским, а А.А. Егорейченко – тождественность. Исследователь выделил ряд среднерусских памятников (Августово, Гатовичи, Городище, Кимия, Лабенщина, Новосёлки, Оздятичи) в особый, среднебелорусский, вариант милоградской культуры на основании наличия керамических форм, типов жилищ и украшений, которые, по его мнению, близки или тождественны классическим милоградским (Егорейченко, 1982а с. 56–57, рис. 2).

Оба исследователя, по существу, не располагали тогда данными, позволяющими сколько-нибудь определённо судить о хронологии этих памятников. Такой неопределённостью позднее попытался воспользоваться М.И. Лошенко. Во-первых, он объявил, что эти древности принадлежат к культуре типичной ранней штрихованной керамики, наподобие открытой в Горях, Зазонах и Ратонках. Во-вторых, если судить по замечанию в отношении Петровичей, по его представлению, эта культура была автохтонной не только на верхней и средней, но также и на нижней Березине. И, наконец, в-третьих, возникновение здесь самых ранних городищ было почему-то приурочено им только ко второй половине, или же к концу III в. до н. э. (Лашанкоў, 1994, с. 123; 1997, с. 148, 152). Такие датировки были целиком восприняты также А.В. Ильютик. Правда, некоторые сомнения ею всё же высказывались; она, например, замечала, что милоградские аналоги одних и тех же березинских веичиков у М.И. Лошеикова датируются только III в. до н. э., тогда как у О.Н. Мельниковской – I в. до н. э. – I в. н. э..

Но, как оказалось, что такая хронология ранних городищ бассейна Березины, вместе с опирающейся на неё культурной атрибуцией, основаны, в конечном счёте, на очередном недоразумении, наподобие уже допущенного ранее тем же автором в отношении бронзовых зеркал из Лисок, о чём дальше речь ещё пойдёт. Дело в том, что, например, то же городище

Петровичи, вопреки утверждению М.И. Лошенкова, возникло, по-видимому, гораздо раньше III в. до н. э. Ведь сам он пишет, буквально, следующее: «Аналіз вугалю на C^{14} са знешняга вала, выкананы ў Таліне ў Інстытуце геалогіі АН Эстоніі, даў наступнаю дату: $T_{In} - 1305 - 2485 \pm 35 - 609$ г. да н. э. Два другія ўзоры вугалю ўзяты са сцяны з галоўнага вала і датуюцца наступным чынам: $T_{In} - 1307 - 2435 \pm 30 - 558$ г. да н. э. і $T_{In} - 1308 - 2365 \pm 35 - 485$ г. да н. э.» (Лашанкоў, 1994, с. 123). Если согласиться с утверждением М.И. Лошенкова о функционировании городища Петровичи в двух последних столетиях до н. э. – первом столетии н. э., то придётся соглашаться, что здесь сперва отдельно возник его вал, а всё остальное городище – лишь триста лет спустя.

Кроме этих результатов анализа по C^{14} , были оставлены без внимания также и другие возможности для датировки. На некоторых городищах – Палицком, Чижахе, Щаткове – были найдены булавки, для которых употребляется оригинальное, хотя и необоснованное название: «заціскачкі» (Лашанкоў, 1997, с. 150, мал. 1: 1–5). Речь, собственно, идёт о булавках с S-овидным навершием, введённым в научный оборот уже довольно давно (Поболь, 1974, с. 257, рис. 107: 7). Они отличаются от обычных посоховидных только несколько большей длиной окончания завитка, вытянутого вдоль стержня, что и придаёт им некую пинцетообразную форму (рис. 2: 16–19). Трудно, однако, представить, как могла эта их особенность использоваться функционально. Скорей всего, она имела декоративный характер. Но в данном случае важнее, однако, то, что подобные булавки обладают, вопреки М.И. Лошенко, аналогиями, и притом хорошо датированными. Бронзовая посоховидная булавка с аналогично оформленным завитком обнаружена в погребении высоцкой культуры в с. Деревянное. Она была датирована Ю.В. Кухаренко VII – VI вв. до н. э. (Кухаренко, 1966, с. 113, рис. 43) (рис. 2: 14). Это подтвердилось находкой такой же булавки в уроч. Одринки околос. Корост, тоже на Ровенщине (рис. 2: 15). Но там исследовано не высоцкое, а милоградское погребение, сопровождавшееся, однако, аналогичным набором украшений из гривны и булавки (Канівец, 1953, с. 61, табл. XV: 11). Получается, что датировка псевдо-«заціскачак» тоже должна совпадать с датировкой основания Петровичей, по C^{14} . Что так оно и было, свидетельствует, к примеру, находка одной из этих булавок совместно со скифской по типу двухщитковой серьги VI – V вв. до н. э. (Поболь, 1974, рис. 107: 6; Рассадзін, 1992, с. 72).

По существу, не менее странно, чем определение начала Петровичей вопреки результатам радиоуглеродного анализа, выглядит также и декларированная М.И. Лошенко, якобы синхронность возникновения городищ в бассейне Березины и в районе белорусско-литовского пограничья. Как свидетельствуют радиоуглеродные датировки, городище Петровичи в действительности возникло ещё на рубеже VII – VI вв.

до н. э., однако, выявленный при его раскопках кое-какой кремнёвый ивевитарь обладал, по словам их автора, ярко выраженным мезолитическим обликом и был связан, очевидно, с существовавшей здесь когда-то стоянкой. М.И. Лошенковым подчёркивается также и практическое отсутствие на березинских городищах обработанной кости. Но тогда о каком их сходстве с костеносными городищами, такими, как Горани, Зазоны, Ратюнки, или Наркунай и Неверишке может вообще идти речь? Городища ранней штрихованной керамики возникли, как известно, ещё в конце II тыс. до н. э., задолго до появления железа, в эпоху господства камня и кости (Археология..., 1999, с. 118, 153).

Наконец, само собой отпадает и утверждение о некой автохтонности культуры штрихованной керамики на Березине. Когда именно «штриховики» захватили Лабенщину, а вместе с ней весь бассейн верхней–средней Березины, а также прилегающую часть Полесья, мы знаем теперь довольно точно. Во второй половине I в. до н. э., согласно А.А. Егорейченко, они уже обосновались в Иванн (Егорейченко, 1996, с. 23). Судя по хронологии таких же датированных находок: зарубинецкого кельта из Петровичей золочёных, бус из Мыслей, одновременно им удалось также занять первое и заложить второе из этих городищ. В результате ареал древностей типа сожжённой ранней Лабенщины оказался полностью перекрытым широким расселением этих пришельцев из Понемонья.

Итак, предложенная нами в своё время датировка городища Турец-Городище на р. Свислочи, начиная с VI в. до н. э., представляется вполне обоснованной и теперь (Рассадзин, Скрыпчанка, 1994, с. 125). Также получила новые подтверждения и наша старая гипотеза об особом культурном статусе древностей типа нижнего горизонта Лабенщины (Рассадзин, 1990, с. 68–70). Мы считали и считаем их промежуточными между милоградской культурой, с одной стороны, и днепродвинской, с другой, с некоторым, однако, смещением в сторону последней. В самом деле, от ранних городищ белорусского Подвинья синхронные им памятники соседнего бассейна Березины резко отличаются отсутствием костяной и каменной индустрии. С другой стороны, если во всех без исключения частях милоградского ареала в разных формах, однако, всегда достаточно выразительно, представлены погребальные памятники, то на верхней–средней Березине синхронные им, как известно, отсутствуют. Однако, кроме этих принципиальных отличий, обнаруживаются также многие частные совпадения, которые как раз и представляют особый интерес.

На верхней–средней Березине, как и у «милоградцев» на верхнем Днепре, основным, а, точнее, единственным, типом поселения были городища. Но если эти милоградские городища, как это уже было отмечено выше, закладывались сразу как укрепленные, то на Березине синхронные им поселения развивались, по-видимому, несколько иначе. Эти

поселения, защищенные лишь деревянным забором, да ещё искусственным увеличением крутизны склонов занятых им возвышенностей, рассматривались А.Г. Митрофановым как переходные от неукрепленных к укрепленным (Митрофанов, 1978, с. 10, 15). Но точно также, согласно В.И. Шадыро, выглядели и первые днепродвинские городища VIII–IV вв. до н. э. (Шадыро, 1985, с. 13–16). Впрочем, различия между всеми этими тремя группами городищ вряд ли можно считать значительными. С другой стороны, как это справедливо подмечено А.А. Егорейченко, слегка заглублённое жилище из раскопа I на городище Оздятичи, бесспорно, было тождественно типичным милоградским, будучи даже снабжённым, как и они, характерным угловым выступом (Егорейченко, 1982а с. 56). Одновременно с Оздятичским, согласно А.Г. Митрофанову, возникло городище Лабенщина, нижний горизонт которого дал точно такую же культуру. Однако жилище, относящееся к этому горизонту, имело явно не милоградский облик. По-видимому, это был узкий (4,5 м), но «длинный» дом столбовой конструкции (вскрыт на 9,5 м) (Митрофанов, 1978, с. 14). Наиболее ранние наземные дома, выявленные на днепродвинском Кубличском городище, тоже были столбовыми и «длинными»: 8х3 м, 8х2,7 м. Открытые на городище Лабенщина очаги в виде подковообразных каменных выкладок тоже оказались аналогичными днепродвинским, а не милоградским (Митрофанов, 1978, рис. 5; Шадыро, 1985, с. 27). Однако бросается в глаза сходство глиняной посуды, что для А.Г. Митрофанова послужило одним из главных оснований предположения об этнической родственности, а для А.А. Егорейченко – даже для тождественности среднебелорусских березинских и классических милоградских памятников (Митрофанов, 1978, с. 30; Егорейченко, 1982а с. 56). Действительно, это большое сходство простирается даже вплоть до наличия на городище Чижаха фрагмента круглодонного сосуда (Ильютник, 1998, с. 26, рис. 2: 7). Однако керамика милоградского облика выходит за пределы ареала этой культуры едва ли не дальше, чем штриховка – за пределы культуры штрихованной керамики. Например, круглодонный сосуд с яйцевидным туловом был даже орнаментирован «жемчужиями», но он принадлежал не к милоградской, а к глазковской культуре раннего бронзового века на Байкале (Эпоха бронзы..., 1987, рис. 125: 25) (рис. 5: 15). Вся милоградская посуда была разделена в своё время на две половины: сосуды с шейкой (подгруппа А) и сосуды с прямым или загнутым внутрь вечиком (подгруппа Б) (Мельниковская, 1967, с. 100, рис. 42). На березинских городищах эта подгруппа Б, так характерная для милоградской культуры, практически вовсе не представлена. С другой стороны, здешние сосуды с шейками имеют как милоградские, так и днепродвинские аналогии. Нами в своё время было отмечено, что профили верхних частей гладкостенных и штрихованных сосудов, например, из Кублич, вряд ли диссонировали бы

среди таковых из Лабенщины, Кимии, Оздятич, Новосёлков (Рассадин, 1990, с. 68 — 69) (рис. 2: 43). Те же кубличские аналогии использовались впоследствии также и А.В. Ильютик (Ильютик, 1998, с. 27). То же оказалось справедливым также и в отношении других керамических изделий, например, уже упомянутых нами так называемых «рожковых» грузиков, обнаруженных также на некоторых березинских городищах (Ильютик, 1994, рис. 2: 5, 7).

Однако своеобразие культуры ранних городищ бассейна Березины, по-видимому, отчетливее проявилось в других находках, в частности, пары топоров в самом нижнем горизонте Лабенщины (рис. 2, 36, 40). Совершенно разные, по типу они оба чужды милоградской культуре. Один был из рога лося и производил, согласно А.Г. Митрофанову, впечатление недообработанного орудия (Митрофанов, 1978, с. 51 — 52, рис. 20: 12). Впрочем, тоже как некая заготовка выглядит, например, топор из лосиного рога, обнаруженный на одном из поселений культуры лейковидных кубков. Однако он имеет уже следы интенсивного применения, как предполагается, в качестве полифункционального хозяйственного орудия (Rogatko, 1997, s. 127, gus. 1). Территориально и, по-видимому, хронологически к найденному в Лабенщине ближе широколезвийный топор-заготовка, обнаруженный на городище культуры штрихованной керамики Горани, ранняя дата которого определяется VI — V вв. до н. э. (Зверуго, 1992, с. 99, 103). Не исключено, что к той же старшей эпохе железа принадлежал также ещё один топор из лосиного рога, найденный на древнем городище в Мстиславле, согласно уточнению Е.Р. Романова, «глубоко в земле» (Романов, 1908, с. 79 — 80, № 29). Древнейшую часть культурного слоя мстиславского городища Девичья Гора, синхронную нижнему слою Тушемли, Л.В. Алексеев датировал второй половиной I тыс. до н. э. (Алексеев, 1963, с. 78). Мстиславский роговой топор тщательно отделан и даже орнаментирован (рис. 2: 37). Возможно, такой же законченный вид должен был иметь найденный в Лабенщине, который А.Г. Митрофанов склонен был считать культовым.

Не южными, скифскими и милоградскими, а северными аналогиями характеризуется находка около очага I в раннем горизонте Лабенщины. По А.Г. Митрофанову, это железное орудие с лезвием на черенке напоминает долото. Такую находку из днепродвинского городища Девички В.И. Шадыро именует рубилом, но датирует его так же, I — IV вв. н. э., согласно тем же прибалтийским аналогам из В. Герте и Х. А. Мооры (Митрофанов, 1978, с. 35, рис. 20: 16; Шадыро, 1985, с. 62 — 63, рис. 40: 1) (рис. 2: 40 — 42). Городище штрихованной керамики Кашеличидало два экз. этих топоров со стержнями, как они названы А.М. Медведевым. Их датировка сужается им до II в. н. э., поскольку в Прибалтике они встречены в комплексах этого времени (Медведев, 1996, с. 31, рис. 49: 2, 3). Возможно, однако, что как и роговой, железный то-

пор из нижнего горизонта Лабенщины относится к более раннему времени. Ареал этого типа в Прибалтике также широк, как и у клиновидных топоров, простираясь вплоть до Филяидии. В Латвии клиновидные топоры скифского типа появляются, согласно Я. Циглису, около середины I тыс. до н. э., но продолжают бытовать вплоть до I в. н. э. (Циглис, 2003, с. 119). Не совпадает ли распространение этих обоих типов также и хронологически? Возможно, у железных черешковых топоров имеются прототипы, выполненные ещё в другом материале. Так, по форме и размерам их напоминают роговые муфты с пазами для металлических лезвий, а до того и кремнёвых, относящиеся, видимо, ещё к ранней культуре штрихованной керамики (Зверуго, 1992, с. 95, рис. 2: 1 — 2, 4 — 6, 8 — 9, 11) (рис. 2: 39). Но, с другой стороны, сами костяные орудия, как таковые, иногда воспроизводят форму синхронных им металлических. Например, на городище Рапонки найден наконечник копья с листовидным пером, точно воспроизводящий такие же, но бронзовые, распространённые в XV — IX вв. до н. э. в лужицкой культуре (Археология..., 1999, с. 153, мал. 44: 24). Цельнокаменные черешковые топоры, так называемые, лепельско-борисовского типа (топоры «с оплечьем») бытовали в Подвинье и на верхней Березине в эпоху бронзы (Исаенко, 1976, с. 29, рис. 5: 14). О более позднем их использовании и, возможно, изготовлении свидетельствует находка такого же черешкового топора на днепродвинском городище Заговалино (Шут, 1969, с. 31 — 42). Другой такой был найден и на днепродвинском городище Замощье (Шадыро, 1985, рис. 18: 4) (рис. 2: 38). Если всё это учесть, то черешковый топор из железа вовсе не будет противоречить раннему возрасту нижнего горизонта Лабенщины. С другой стороны, вместе с роговым он определённо подчёркивает не милоградскую южную, а противоположную северную культурную ориентацию этого горизонта.

На верхней и средней Березине пока что не только нет ни единой находки скифского импорта, но и отсутствует даже такой простой элемент южного происхождения, как «жемчужный» орнамент. Итак, намечается большая близость древностей типа нижнего горизонта Лабенщины всё же к днепродвинской культуре, что во многом было обусловлено, по-видимому, общим направлением их культурных связей не на юг, в лесостепную Скифию, как у милоградской, а на север, в глубину лесной зоны. Однако для этого имелись, возможно, глубинные причины. Так, практически во всех частях ареала милоградской культуры уже открыты памятники её бесспорной генетической предшественницы, лебедовской культуры. В ареале же древностей типа нижнего горизонта Лабенщины они остаются пока что совершенно неизвестными.

Итак, древности типа нижнего горизонта Лабенщины, по-видимому, должны оставаться вне ареала милоградской культуры. Составляя сводную карту её памятников (рис. 1), мы включили в нее только те

поселения и могильники, на которых надежно фиксируется, во-первых, наличие ее позитивных признаков; во-вторых, наблюдается отсутствие признаков негативных. Мы старались следовать сформулированному П.Н. Третьяковым требованию руководствоваться при атрибуции того или иного памятника наличием на нём не одного изолированного, а нескольких признаков культуры (Третьяков, 1962, с. 7). Присутствие исключительно одних только элементов, принадлежащих к числу межкультурных признаков, в расчет не принималось. Мы решительно отвергаем «принцип похожести», в соответствии с которым в число памятников с милоградскими материалами попало городище Черкасско-Орши близ г. Орши. Попало лишь на том основании, что в коллекции из довоенных раскопок С.А. Дубинского имеется одно округлое днище, напоминающее милоградские. В результате северная граница милоградского ареала оказалась отодвинутой у Л.Д. Поболь вплоть до днепровско-днепровского водораздела. Спрашивается, правомерно ли было помечать на карте памятник при Боровне на Лепельщине условным знаком «мысовое городище с находками культур милоградской и штрихованной керамики», сообщая одновременно, что в стометровом раскопе здесь был обнаружен всего «один венчик милоградской культуры» (Поболь, 1983, с. 18)? Была ли полная уверенность, что культурная принадлежность этого венчика именно такая? Видимо, правильнее поступил в своё время Я.Г. Зверуго, когда им было отмечено, что среди керамической серии другого северобелорусского (Гораньского) городища имеются венчики «милогродного» типа, то есть, лишь похожие на милоградские (Зверуго, 1981, с. 337). С другой стороны, проявлением того же самого вульгарного подхода, но с обратным, однако, знаком, было, например, упоминавшееся уже игнорирование явной принадлежности первоначальных Сорочий к числу городищ милоградской культуры.

При составлении сводки памятников мы старались придерживаться другого подхода – пурификационного (от *purificacia* – «очищение»). Этот подход предполагает отказ от недостаточной информации, например, запрещает причисление к милоградским подвергшегося раскопкам или шурфовке городища в Хотимске (Збор помнікаў..., 1986, с. 342). Там было подобрано несколько обломков гладкой лепной керамики, но ведь в бассейне верхней Беседи представлены памятники днепровско-южновской культур, которые могут дать точно такие же обломки (Шадыра, 1998, с. 88–97). Располагая малым числом невыразительных фрагментов, есть риск допустить ошибку наподобие той, когда по отдельным находкам обломков зарубинецкой «расчсанной» керамики ряд левобережных верхнеднепровских и даже сожских городищ был причислен к культуре штрихованной керамики. Естественно, что необходимый минимум надёжных признаков именно милоградской принадлежности конкретного памятника может быть обеспечен только наличием происходящей из него достаточно представительной серии находок. Надо прежде всего иметь в виду результаты раскопок, но иногда – на разрушенном памятнике – их при его атрибуции с успехом заменяет обширный подъёмный материал. В тех случаях, когда милоградская принадлежность памятника в целом спорна, или, наоборот, бесспорна иная, но он даёт специфически милоградские вещи (например, находки на скифском Хотовском городище и Сорочинском селище), мы фиксируем объект как местонахождение материалов милоградской культуры.

Итак, мы стоим за понимание милоградской культуры в «узком» смысле: кажется, только оно способно продуктивно «работать». Подчеркнём, что в данной главе речь шла не об этнических, а именно об этнографических признаках «милоградцев». Этнографическая специфика археологически вполне уловима – в отличие от этнической. Впрочем, этому важному моменту посвящён особый параграф.

ГЛАВА II.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

§ 1. Абсолютная и относительная хронология милоградской культуры (по металлу скифских и латенских образцов и античным бусам)

В изучении милоградской, как, впрочем, и любой другой культуры, проблема хронологии — одна из ключевых. Правильное её решение позволило бы определить главную линию развития милоградской культуры и, одновременно, задать направление поиска ответов на целый ряд других важных вопросов. Автор уже неоднократно обращался к различным аспектам милоградской хронологии (Рассади, 1987, с. 137 — 138; 1991, с. 206 — 208; 2000, с. 17 — 27), а системное о ней представление было изложено в соответствующем параграфе «Археологія Беларусі (Археологія...», 1999, с. 70 — 73). Однако, поскольку там речь шла только о белорусской части милоградского ареала, имеет смысл вернуться к этой теме ещё раз и рассмотреть на этот раз также и хронологию милоградско-подгорцевских памятников Украины.

Надо подчеркнуть, что как в Украине, так и в Беларуси датирующим материалом милоградские памятники обеспечены гораздо хуже большинства известных на востоке Европы в старшей эпохе железа. К примеру, хронология зарубинецкой культуры во многом базируется на датировках массы находок фибул латенской схемы из закрытых комплексов захоронений. Хронологию дяковской культуры проясняет стратиграфическая дифференцированность мощных напластований её поселений. Наоборот, слои милоградских городищ нестратифицированы, а в большинстве погребений инвентарь состоит исключительно из битой посуды. Узостью фактической базы, видимо, объясняются значительные расхождения даже в определении общих рамок существования милоградских древностей. Так, для белорусской части Полесья и Верхнего Поднепровья были указаны VI в. до н. э. — I в. н. э. (Мельниковская, 1967, с. 164 — 167, рис. 64) и VIII — III вв. до н. э. (Поболь, 1983, с. 12, рис. 5), для Поднепровья Среднего — VI — IV вв. до н. э. (Даниленко, 1953, с. 207) и V — III вв. до н. э. (Петровська, 1971, с. 21). Л. Д. Поболем упоминалась ещё «милоградская культура бронзового века», но её начальной даты он при этом не указывал. Итак, общепринятой хронологической схемы, единой для всей милоградской культуры, не существует также, как и периодизации её развития. В данной главе будут изложены результаты попытки создать таковые. Наша схема опирается на данные анализа практически всех имеющихся теперь в научном обороте датирующих вещей с милоградских памятников (рис. 3). Ими, види-

мо, могут считаться только те находки, принадлежность которых именно милоградской культуре не вызывает сомнений. Подразумевается, конечно, что диапазон бытования должен быть достаточно узок. Отвечающие обоим критериям вещи по памятникам разных периодов и территорий распределены неравномерно, да и общее их количество относительно невелико. Не намного оно возросло и в результате исследований, проведенных после завершения работ Славянской экспедиции, так что мы располагаем примерно той же базой, что и, например, О. Н. Мельниковская. Перейдем к рассмотрению датирующих вещей по категориям.

Начнём с орудий труда и вооружения. Из десятка разных топоров милоградской культуры самый древний — фрагментированный бронзовый кельт Народичского II могильника (Левицкий, 1931, с. 232, рис. 39: 4) (рис. 3: 1). В. Д. Рыбалова относит его к так называемым великопольским, бытовавшим на р. Сан вплоть до начала I тыс. до н. э. (Рыбалова, 1961, с. 84). Находку из Народичей вернее датировать более поздним временем. Бесспорна милоградская принадлежность железных проушных топоров Горошково и Подгорцев, а также близкого им топора из Старого Красного (Мельниковская, 1967, рис. 21: 6; Петровська, 1971, рис. 3: 5; Археологія..., 1999, мал. 26: 3). И горошковский, и подгорцевский отнесены В. А. Ильинской к типу скифских рабочих топоров и датированы VI — IV вв. до н. э. (Ільїнська, 1961, с. 29 — 31). Однако теперь их верхний хронологический рубеж должен быть передвинут. В. А. Ильинская в своё время учла ещё семь таких же однотипных топоров, большинство из которых происходит из культурного слоя. А слой городища Бутучены, например, исследовательница датировала IV — III вв. до н. э. Добавим, что после выхода статьи «Скіфські сокири» стала известна целая серия таких же клиновидных проушных топоров из днепродвинского ареала. Предполагается, что этот тип успешно пережил там финал скифской эпохи (Шадыро, 1985, с. 52). Ниже по Двине, как уже отмечалось, эти топоры известны в археологических комплексах Латвии, относящихся уже к I в. н. э. (Циглис, 2003, с. 112 — 121). Получается, что топор из Горошково вполне может датироваться и позже IV в. до н. э. К уточнению его даты нам еще предстоит вернуться.

Зарубинецкими традиционно считаются верхне- и среднеднепровские железные топоры-кельты с че-

тырёхугольными втулками. Их принято объединять в один тип и датировать средним – поздним латеном (Кухаренко, 1959, с. 39). Дифференцированный подход аргументирован А.А. Егорейченко: кельты с широким туловом древнее, чем имеющие узкие, и тождественны именно раннелатенским средневропейским образцам (Егарэйчаика, 1983, с. 80). Значит, кельты этой группы из Чаплина (Третьяков, 1959, рис. 13: 1), Таценок (Максимов, 1972, табл. XI: 4) и Старого Красного (Археология..., 1999, мал. 26: 4) надо связывать с милоградскими горизонтами этих памятников и относить к первому периоду проникновения латенских импортов в Восточную Европу, которое происходило, по Ю.В. Кухаренко, при посредстве скифов в IV – III вв. до н. э. (Кухаренко, 1959, с. 52).

Мечей и кинжалов милоградские памятники дали 5 экз.; все они цельножелезные (рис. 3: 58 – 60). Из них найденный на селище Ораное (Петровська, 1971а, с. 64, рис. 1: 1) имеет несколько хорошо датированных концом V в. до н. э. аналогов (Петренко, 1967, с. 43, табл. 33: 16) и относится к типу скифских длинных мечей (Скорий, 1981, с. 23, рис. 2: 6). Кинжал из Казарович, возможно, из разрушенного погребения (Петровська, 1970, с. 14, рис. 3: 7) принадлежит к редкой разновидности. Его перекрестье сегментовидное, а навершие аитенное. Считается, что такие акинаки существовали имени в V в. до н. э. (Евдокимов, Мурзин, 1984, с. 78). Найти аналог третьему, плохо сохранившемуся, кинжалу из Куриловки (Лагодовська и др., 1956, с. 19, рис. 3: 4) не удалось. Такие, как у него, прямые навершия с загнутыми книзу концами для скифских акинаков, видимо, не характерны. Пожалуй, по размерам и форме (кроме перекрестья) к куриловскому ближе других савроматский кинжал из Ильинского под Оренбургом, который К.Ф. Смирнов датирован к V – IV вв. до н. э. (Смирнов, 1961, с. 14 – 16, рис. 1: 6).

Все известные теперь наконечники копий милоградской культуры (рис. 3: 28, 63), за исключением фрагментированного из городища Липияки (Гурын, Лашанкоў, 1984, рис. 1: 3), обнаружены в инвентарях курганных могильников, Куриловки (Лагодовська и др., 1956, рис. 3: 3), Дубоя (Кухаренко, 1961, табл. 1: 5 – 7), Мизякова (Лобай, 1977, рис. 2: 10), Заборола (Свэшников, 1971, с. 73 – 74) и Владимирца (Воробей, 1981, с. 53). Архаичнее прочих выглядят 5 экз. однотипных дубойских наконечников. Вопрос об их датировке имеет принципиальное значение, так как от неё зависит датировка всего Дубойского могильника. С ней, в свою очередь, связывают нижний рубеж милоградской культуры на территории Беларуси. Ю.В. Кухаренко считал, что у дубойских наконечников имеются скифские аналоги, относящиеся к VI – началу V в. до н. э. (Кухаренко, 1961, с. 11). Но действительно ли подтверждает такую датировку скифский материал? Подробная типолого-хронологическая классификация скифских копий разработана А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 34 – 5). Согласно этой класси-

фикации, все наконечники из Дубоя должны быть включены в отдел II (остролистных, тип I-й, серебром на пере). Но дубойские явно «выпадают» из этого типа скифских копий из-за иной формы пера и ребра на нём. Первое у них значительно шире и короче, второе же не одинаково узкое по всей длине, а сильно расширяется от острия к втулке. Если принять во внимание, что у скифов остролистные наконечники широко распространились в IV – III вв. до н. э., а в V в. до н. э. были лишь единичными (Мелюкова, 1964, с. 42; Ковпаненко и др., 1989, с. 42), то о датировке дубойских копий по скифским аналогам VI – начала V в. до н. э. вообще не может идти речи. Зато роль прототипов для дубойских, видимо, могли сыграть копия наподобие происходящих из погребений предскифского периода в Бутенках, Матеуцах и Высоцком (Ковпаненко, 1962, с. 70, рис. 2; Лагушнян, с. 131, рис. 1: 2; Граков, 1977, рис. 107: 1). Высоцкий наконечник, как известно, датирован В.И. Канивцом VIII – VII вв. до н. э. (Канивец, 1955, с. 95). Кстати, сходство грушевидных сосудов Дубоя и некоторых керамических форм высококой культуры уже отмечалось. Наверное, датировка также и дубойских копий в любом случае не может достигать V в. до н. э. Судя по публикации М.И. Воробей, копия из курганов во Владимирце должны быть близки дубойским. Найденные же в Куриловке и Мизякове более поздние. Они примерно синхронны и оба близки позднескифским. Так, первый А.И. Мелюковой отнесён к IV – III вв. до н. э., а второй практически идентичен наконечнику из Талаевского кургана середины IV в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 40, табл. 14: 3, табл. X: 26). Единственный уверенио связывающийся с милоградской культурой наконечник дротика из Горошково принадлежит к типу раннелатенских (рис. 3: 68), (Мельниковская, 1967, с. 7, рис. 29: 23).

Наконечников стрел милоградские памятники дали уже свыше сотни, но использовать для датировки примитивные образцы местного типа (там же, рис. 29) невозможно. Эту роль могут выполнить наконечники другого – скифского – типа: бронзовые, железные, костяные (рис. 3: 3 – 17, 70 – 90). Из них, по классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 14 – 32), к VII – началу VI вв. до н. э. относятся бронзовые двух-трёхлопастные наконечники с шипами на втулках, найденные на селищах в Козинцах (Сикорський, Савчук, 1971, рис. 3: 2 – 7) и Хильчицах, на городище Ясенец-2 (Залашка, 1983, рис. 5; 1985, с. 346 – 349). Теперь хронология таких наконечников пересмотрена в сторону удреждения: согласно С.В. Полину, они датируются VIII – VII вв. до н. э. (Полін, 1987, рис. 1 – 3). Была сделана попытка предложить некий третий вариант, однако её несостоятельность очевидна. «По уточнённым аналогиям с раннескифскими стрелами, пишет М.И. Лошенко, очевидно, имея в виду наконечники из Хильчиц, они датируются VII в. до н. э.» (Лошенко, Барцева, 1995, с. 86). То есть, выводится некое среднее арифметическое путём использования конечных результатов двух принципиально раз-

личных подходов к хронологии скифской архаики, – по С.В. Полину и по А.И. Мелюковой, – на которых и делается ссылка. При этом данные о скифских наконечниках стрел, опубликованные в «скифском» томе «Археологии СССР», нельзя считать уточненными, поскольку они представляют собой, в сущности, простое переиздание соответствующей части монографии А.И. Мелюковой, вышедшей уже сорок лет назад (ср.: Мелюкова, 1964, табл. 6 и Степи европейской... , 1989, табл. 31).

Прежде подобных попыток использовать классификацию А.И. Мелюковой, подогнав её под собственные хронологические представления, по-видимому, не делалось. Поэтому серия бронзовых трёхлопастных и трёхгранных наконечников скифских стрел в соответствии с этой классификацией была датирована так: из Лютежа – концом VI – началом VIII вв. до н. э. (Бидзиля, Пачкова, 1969, с. 73 – 74, рис. 12: 5), Асаревич – IV (Мельниковская, 1967, с. 69), Лемешевич, Козинцев, Таценок и Табаевки – IV – III вв. до н. э. (Вергей, 1994, с. 142, рис. 6: 3, 4; Сикорский, Савчук, 1971, с. 72, рис. 3: 9 – 12; Блифельд, 1952, с. 53 – 54). В Подгорцах представлены наконечники с тремя лопастями, одна из которых образует шип (Даниленко, 1956, табл. II: 34, 38). По А.И. Мелюковой, подобные им бытовали у скифов между серединами VI – IV вв. до н. э. (Мелюкова, 1975, с. 21, 23). Остальные подгорцевские, а также бортничские (Даниленко, 1956, табл. II: 32 – 33, 35 – 37, табл. V: 9 – 10) и чаплинская (Мельниковская, 1967, с. 70) бронзовые стрелки аналогичны датирующимся IV – III вв. до н. э. Этим же временем, по-видимому, должен датироваться и трёхгранный бронзовый наконечник из милоградского поселения «Зарванщина» на Черниговщине (Жаров, 1995, рис. V: 15). Железные втульчатые наконечники из Чаплина, Асаревич, Узы и Лисок (Третьяков, 1959, рис. 13: 2; Кухаренко, 1964, табл. 20: 2; Мельниковская, 1967, с. 70, рис. 29: 26; Археология..., 1999, мал. 29: 19 – 20) имеют аналоги в колчаних наборах из курганов IV – III вв. до н. э. среднего Дона (Мелюкова, 1964, с. 29). Этим временем датируется, по-видимому, целая серия таких же по типу втульчатых железных наконечников стрел, выявленных Г.В. Жаровым на милоградских памятниках Черниговщины: на поселении «Зарванщина» и могильнике Замглай (Жаров, 1995, рис. V: 16 – 19; Жаров, Жарова, 2002, рис. 1: 6).

По среднедонским аналогам М.И. Лошенко пытался датировать временем не позднее III в. до н. э. и железный пластинчатый наконечник с раздвоенным черешком из Любен (Лашанкоў, Сычоў, 1993, с. 39, рис. 1: 9), который первоначально был определён как... ритуальный железный предмет в виде рыбки. Однако этот наконечник обладает многочисленными днепродвинскими аналогиями. Согласно Е.А. Шмидту, для ранних смоленских городищ особенно были характерными как раз точно такие же листовидные наконечники стрел с черешками типа ласточкина хвоста. По его мнению, они воспроизводили форму

более ранних местных костяных наконечников, а скифские стрелы на этих городищах вообще отсутствуют (Шмидт, 1992, с. 86, 133, табл. 1: 22, табл. 18: 2 – 7, 9, 11). Автором данной монографии в качестве одного из них, несмотря на его сходство со скифскими, этот наконечник из Любен не учитывался (Рассадзин, 1992, с. 61 – 74). Не был включён в сводку скифских находок из Беларуси также и наконечник, найденный К.П. Шутом на днепродвинском городище Кубличи (Шут, 1969а, с. 281, рис. 7: 9). Ещё один, найденный на городище Чижаха А.В. Ильютик (Лашанкоў, 1997, рис. 1: 7), тоже может являться дериватом местных костяных, а не скифских железных, наконечников стрел. Впрочем, костяные наконечники стрел из милоградских памятников принято сопоставлять именно со скифскими, как, например, найденный в Горошкове (Мельниковская, 1967, с. 71, рис. 29: 24). И в самом деле, точно такой известен, например, в Оситияжке, где он датируется IV – III вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, табл. 9: М, 3). Прежде всего со скифскими М.И. Лошенко и А.И. Дробушевский пытаются сопоставить также и костяной пулевидный наконечник стрелы, который предположительно связывается ими с милоградским горизонтом городища Шепотовичи. Однако, кроме скифских, ими отмечаются также и днепродвинские аналоги (Дробушевский, Лошенко, 1995, с. 38, рис. 7: 1).

Кроме указанных элементов вооружения, определённое значение для хронологии милоградской культуры могут иметь также два соединённых ещё при отливке бронзовых колечка с тремя выступами-шипечками каждое, входящие в состав коллекции из разрушенного милоградского могильника Приборск на р. Тетерева (Рассадзин, Скоры, 1991, с. 77 – 78, рис. 2: 6) (рис. 3: 18). Их следует отличать от таких же, но одинарных, колец, найденных в погребении и на селище в Чаплине, а также на милоградском могильнике в Горошкове. Горошковое колечко О.Н. Мельниковская обоснованно отнесла к находкам латенского типа (Мельниковская, 1967, с. 170, рис. 5: 1). В кельтской культуре, согласно Ю.В. Кухаренко, подобные колечки играли роль амулетов и в восточной Европе должны датироваться позднелатенским временем (Кухаренко, 1959, с. 37, рис. 2: 1 – 4, 12). Несмотря на такое ясное определение, Л.Д. Поболь пытался датировать одинарные колечки из Чаплина не по этим кельтским, а по скифским образцам, несмотря на то, что они представляли собой дубли, как в Приборске (Поболь, 1971а, с. 58, 132, 161, 173, рис. 34: 11). На неправомочность такого сопоставления мы в своё время указывали (Рассадзин, 1992, с. 67). Однако названные Л.Д. Поболем в качестве аналога двойные кольца – детали портупей из могильника Трениште VIII – VI вв. до н. э. в Болгарии оказались весьма кстати для такой же находки в Приборске (Деген, 1940, с. 96 – 97, рис. 28: а, б). Для её датировки имеет значение такое же двойное колечко с выступами, найденное в погребении № 9 могильника Николаевка Одесской

области, которое, по А.И. Мелюковой, относится к VI–V вв. до н. (Мелюкова, 1975, с. 74, 183, рис. 57: 4). Ещё уже, одним только V в. до н. э., датировано скифское курганное погребение около Богдановки на Херсонщине, в котором тоже была такая находка (Битковский, Полин, 1987, с. 82, рис. 7: 5).

Также датируются и некоторые металлические детали конского снаряжения, представленные на милоградских памятниках. Это, прежде всего, бронзовые ворворки (рис. 3: 64), происходящие из Чаплина, Лютежа (Третьяков, 1959, рис. 14: 9; Бидзиля, Пачкова, рис. 12: 4) и Подгорья (раскопки автора), которые нельзя путать с колокольчиками, найденными, например, в Милограде (Мельниковская, 1967, с. 75, рис. 31: 17, 18; Археологія..., 1999, с. 57). Во всяком случае, пара обнаруженных в Подгорье явно не могли быть колокольчиками уже из-за своей трубковидной формы. Зато они довольно близки к вогнутоконическим ворворкам, бытовавшим в скифской среде в V–III вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 31). Помимо них, с упряжью были связаны также и бронзовые пряжки, найденные на милоградских могильниках Корост и Замглай, а также на поселении в урочище «Лан» в Погребях (рис. 3: 32–34). Из замглайских одна оформлена в виде головы грифона, а другая – оленёнка. Такие пряжки в раннескифское время использовались для соединения ремней конского оголовья и служили для украшения узды. Г.В. Жаров предлагает датировать их VI–V вв. до н. э. «в совокупности с керамикой» (Жаров, 1995, рис. 21, 22), но это вряд ли верно. Пряжка в виде грифоней головки, наверняка, старше, поскольку она практически тождественна таким же, но костяным, из Келермесских курганов VII–начала VI вв. до н. э. (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 67). Другую перстнеобразную пряжку из Замглая в виде оленьей головки стилистически очень напоминает также костяной наконечник ножен такого же раннего возраста из погребения № 246 в Тлийском могильнике (Техов, 1980, с. 78, рис. 23: 6). Скифские пряжки-пронизи из бронзы в виде голов грифона наподобие замглайских обнаружены не только на северо-востоке, но также и на западе Украины. М.С. Баидри́вским для них указываются аналогии в Посулье (Поповка, курган № 9), а также на северном Кавказе и в Закавказье (Зивийе). По его мнению, ранние образцы «звериного» стиля в западной Украине относятся ко второй половине VII– началу VI вв. до н. э., а их появление там связано с экспансией скифов в Европу после возвращения из переднеазиатских походов (Баидри́вский, 1996, с. 345–352). Возможно, замглайские находки как-то указывают на ещё одно направление этой экспансии. Пронизка, найденная в Коросте, снабжена кольцом и муфтообразным окончанием с отверстием (Канівець, 1953, с. 58, табл. XV: 1). Такой же вид имела находка из киммерийского кургана Зольное в Крыму. А.И. Тереножкин называл её костяным кольцом с обоймой для кисти и помещал среди принадлежностей конской узды (Тереножкин,

1976, с. 46, рис. 17: 12). Третья аналогичная «подвеска с кольцом» обнаружена в погребении Эчкивашского могильника кобанской культуры, которое датируется VIII–VII вв. до н. э. (Виноградов, Дударев, 1980, с. 194, рис. 7: 17). Итак, возраст аналогов находки из Короста позволяет, по-видимому, присоединить её к рассмотренной М.С. Баидри́вским скифо-кавказской серии. В скифском зверином стиле была оформлена также и бронзовая пряжка из «Лана» (Канівець, 1953а, с. 27, табл. V: 4). Затруднительно назвать её точный возраст, но сам стиль указывает на скифскую эпоху.

Необходимым элементом конского снаряжения являлась, конечно, деталь бронзовых уди́л, обнаруженная в Приборске (рис. 3: 19). Фрагментированность большого кольца не позволяет определить его форму. Возможно, она была стремевидной, но не исключена и просто круглая. Однако в любом случае эта находка относится ко времени не позднее начала V в. до н. э., когда у скифов уди́ла из бронзы окончательно вытесняются железными (Іллі́нська, 1961а, с. 42–43).

Как как уже отмечалось, милоградская культура представляет собой типичную «культуру булавок», поэтому не приходится удивляться, что средние её датированных украшений шире других представлены именно они (рис. 3: 2, 31, 35, 48, 49, 50–52, 54, 55, 62). Мы уже упоминали выше две из них, а именно, найденные на могильнике Корост и на городище Щатково. Они, как и вся эта разновидность булавок с вытянутым вдоль стержня S-овидным завитком, должны датироваться, по нашему мнению, начиная с VII–VI вв. до н. э. Так же О.Н. Мельниковская предлагала в своё время датировать булавку из кургана в Гремячем (Мельниковская, 1967, с. 93), обнаруженную Е.В. Махно (Махно, 1949, с. 209, табл. 1: 2). Отдалённо напоминающие эту булавку появляются у скифов не раньше VI в. до н. э., да и то на Северском Донце (Петренко, 1978, с. 19). Однако на территории Польши похожие булавки известны уже в унегичской культуре (Кухаренко, 1969, табл. XVII: 11). Уже после издания монографии О.Н. Мельниковской было раскопано несколько курганов высокоцкого могильника Коюшков (Крушельницкая, 1970, с. 228). Находки оттуда, среди которых имеется и гораздо более близкая гремяченской бронзовая булавка, были отнесены Л.И. Крушельницкой к IX–VIII вв. до н. э., а некоторые и к ещё более раннему времени (Крушельницкая, 1974, с. 58, рис. 22: 3). Датировка булавки из Гремячего на основании её настоящего аналога из Коюшкова, давно опубликована (Рассадин, 1989а, с. 8). Однако, несмотря на это, снова повторяется устаревшая датировка О.Н. Мельниковской, но с прибавлением, что такие булавки с цилиндрическим навершием «следует считать исключительно милоградской формой» (Лошенко, 2003, с. 104). Опять же, вопреки известной высокоцкой аналогии.

Коснувшись вопроса о булавках из памятников Житомирщины, необходимо отметить, что непра-

вильная культурно-временная интерпретация двух из них привела к существенной ошибке, исказившей один из узловых моментов милоградской хронологии, а именно начальную дату житомирских курганов. Эта дата определялась О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 164) по предложенной В.Д. Рыбаловой (Рыбалова, 1961, с. 93, рис. 6: 7) датировке временем не ранее VII в. до н. э. для булавок с коническими шляпками из кургана № 4А могильника I в урочище Песчаном близ Народич (раскопки И.Ф. Левицкого). На самом деле, эти находки не могут датироваться позднее XII в. до н. э., так как они принадлежат восточнотшинецкой, а не милоградской культуре. Дело в том, что к этой последней из двух расположенных в Песчаном можно отнести лишь могильник II. Могильник I, где найдены эти булавки, несомненно, восточнотшинецкий, о чём свидетельствует и сам его ивентарь, опубликованный И.Ф. Левицким (Левицкий, 1931, рис. 35–38). В качестве восточнотшинецкого этот могильник рассматривается и С.С. Березанской, издавшей, кстати, также и обе булавки из него (Березанская, 1972, с. 63–64, табл. XXII: 13, 14). Несмотря на это, М.И. Лошенковым эти восточнотшинецкие булавки всё равно выделяются в отдельный «тип конических булавок в милоградских древностях» и датируются на полтысячи лет позднее (Лошенко, 2003, с. 97–98, рис. 3: 1).

Остальные датированные булавки милоградской культуры соответствуют среди скифским гвоздевидным. Из них раннескифским булавкам с небольшими грибовидными головками и нарезками на стержне тождественна найденная в Козинцах (Сикорский, Савчук, 1971, с. 313). Она была отнесена В.Г. Петренко к варианту, рамки бытования которого ограничены VI в. до н. э. Позднее, в V в. до н. э., бытовали булавки, близкие найденной около Горошковского городища (Петренко, 1978, с. 14, 72, № 48, с. 13, табл. 6; Мельниковская, 1967, рис. 37: 21). IV–III вв. до н. э. В.Г. Петренко датирует две одинаковые серебряные булавки с орнаментированными стержнями из Мизякова (Лобай, 1977, с. 78, рис. 2: 7; Петренко, 1978, с. 12). Видимо, хронология аналогов наконечника копья из этого же могильника (V–первая половина IV в. до н. э.) позволяет несколько удревнить и дату булавок.

Временные рамки остальных булавок из милоградских памятников менее определённые. Видимо, это относится также и к железной булавке с биконической головкой из Горошкова, хотя О.Н. Мельниковской она и отнесена к VI–IV вв. до н. э., с оговоркой малой вероятности бытования подобных ей ранее V в. до н. э. (Мельниковская, 1967, рис. 64, с. 91). Однако, кроме позднелужицких, горошковская булавка имеет ещё и более точные скифские соответствия, притом датирующиеся от VI до III вв. до н. э. включительно (Петренко, 1978, с. 15, табл. 20–23). Кстати, неправомерно сокращённое и поэтому искажающее суть название, «біканічныя», применительно также и к этой булавке, как-то попало даже в «Археологію Бела-

русі» (Археологія..., 1999, с. 60). Впрочем, потом к «биконическим» прибавились ещё просто «конические», «цилиндрические» и даже «кольцевидные» булавки (Лошенко, 2003, с. 97–98, 103). Видимо, в белорусской археологии также следует употреблять общепринятые названия и вести речь о булавках с соответствующими формами наконечников.

Всем хорошо известны так называемые гвоздевидные булавки. Три из них, найденные в Погребях (Канівець, 1953, табл. VI: 1), Ястребке (Лошенко, 1993, рис. 1: 15) и Лемешевичах (Вергей, 1994, с. 3–20, табл. VI: 1) изготовлены из бронзы. Они имеют одинаковые головки в виде опрокинутого конуса и одинаково обломанные стержни. Согласно В.Г. Петренко, такие же точно скифские могли бытовать до II в. до н. э. включительно (Петренко, 1978, с. 13). «Рассматриваемая бронзовая булавка с городища Ястребка является надёжным репером для определения раннего времени памятника V в. до н. э., — считает М.И. Лошенко. Попытка же С.Е. Рассадина продатировать её IV–III вв. до н. э. не убедительна» (Лошенко, 1993, с. 47). Легко, однако, убедиться, что никакой «попытки» на указанной странице, где один-единственный раз упомянута и данная ничем особенно не примечательная булавка, не делается, а дата IV–III вв. до н. э. вообще не упоминается. О булавках, как таковых, там сказано, буквально, следующее: «... гвоздевидные из Горошкова, Козинцев, Милограда, Погребов, Чаплина, Ястребки – VI – III вв. до н. э. (по В.Г. Петренко)» (Рассадин, 1989а, с. 9). Но сомнительную надёжность «репера» уже давно пора пересмотреть. Бронзовые булавки с коническими, как у ястребской, головками известны от эпохи бронзы по средневековье включительно (Эпоха бронзы..., 1987, с. 134, рис. 66: 23; Финно-угры..., 1987, табл. CXVI: 6). Такие же использовались уже ранними скифами в VII–VI вв. до н. э. (Аидриенко, 1996, с. 357, рис. 1: 3). Но, по М.И. Лошенко, аналогом ястребской должна считаться только булавка с точно таким же, как у неё, диаметром головки из Басовского «А» кургана, где погребение датируется первой половиной V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 50). Однако это не означает, что только тогда такие булавки могли появиться в Ястребке, Лемешевичах или Погребях. Иначе таким же «надёжным репером» пришлось бы признать ещё одну гвоздевидную булавку из Беларуси, аналогии которой не менее достоверно фиксируются на р. Суле, в скифских курганах V–IV вв. до н. э. (Ильинская, 1968, с. 143–145). Но позднюю группу зарубинецкого могильника Велемичи II, в которую входило погребение № 45 с этой булавкой, К.В. Каспарова датировала лишь второй половиной I в. н. э. (Каспарова, 1972, с. 93, 101, рис. 20: 6). I в. до н. э. – I в. н. э. датируется и зарубинецкое поселение Погребы (Максимов, 1972, с. 26). В Лемешевичах, где обнаружена третья булавка этой серии, также имеются и милоградские, и зарубинецкие, и более поздние материалы (Вергей, 1994, с. 3–20, табл. VI: 1). Видимо, по-прежнему актуально замечание

В.П. Петрова о присутствии в зарубинецкой культуре скифских гвоздевидных булавок (Петров, 1959, с. 48). Повсей вероятности, мы должны пересмотреть наше прежнее представление о III в. до н. э., как о верхней границе бытования гвоздевидных булавок. Некоторые из них, например, ястребская, возможно, относиться уже к зарубинецкому времени. Точнее сказать невозможно, поскольку практически весь остальной металл из Ястребки для её хронологии не полезней найденных здесь же бранных останков кошки (Лошенко, 1993, с. 59). Разумеется, сказанное не означает, что, к примеру, обе пары перекрещенных гвоздевидных булавок из кургана у с. Десянка на Черинговщине обязательно тоже должны датироваться зарубинецкой эпохой (Шекун, 1995, с. 155, рис. 1; 4). Вовсе нет. Ведь установление бытования вплоть до I в. н. э. клиновидных топоров на территории Латвии не вызвало передатировку, например, скифского кургана VI в. до н. э. Старшая могила, в инвентаре которого таких топоров было целых два (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 316–317).

Инертность хронологических представлений, а также формальный подход к датирующим вещам в полной мере проявились, к сожалению, не только в случае с булавками, но также и с фибулами, крайне редкими в милоградской культуре (Мельниковская, 1967, рис. 31: 11–16) (рис. 3: 66, 98). Из них, особый интерес представляют две позднелатенские, найденные в сгоревшем жилище из раскопа IV на городище Милоград (Мельниковская, 1963, с. 35–40, рис. 4: 6). Как уже отмечалось выше, предположение о зарубинецкой принадлежности этого жилища, а также о переотложенном состоянии милоградской керамики из него, было выдвинуто Л.Д. Поболем и поддержано потом А.М. Обломским, а вслед за ним и В.Е. Ерёмко. Но они не учли целый ряд важных моментов. Во-первых, кроме милоградских веичиков, в этом комплексе представлена также серия сосудовидных грузиков, свойственных, как известно, вовсе не зарубинецкой, а, наоборот, милоградской культуре. Во-вторых, кроме фибул, ни одно из украшений наподобие обнаруженных в жилище не встречено в закрытых зарубинецких комплексах. При этом треугольные подвески «подгорцевского» типа чрезвычайно характерны для милоградских древностей Киевщины (Даниленко, 1953, с. 204), тогда как в зарубинецких их нет нигде. В-третьих, в Милограде есть еще одно похожее жилище, в заполнении которого сочетается керамика обеих культур: на три мелких зарубинецких черепка в нём приходится крупные части четырёх милоградских горшков (Мельниковская, 1963, рис. 2). Предполагать и для него зарубинецкую принадлежность, а наличие милоградской керамики тоже объяснять её случайным попаданием из культурного слоя невозможно: это жилище заглублено в чистый грунт за валом. Таким образом, нужно признать милоградскую принадлежность жилища из раскопа IV, а следовательно, и фибул из него. Тем не менее, сомнения в

очередной раз одновременно были высказаны и В.Е. Ерёмко, и М.И. Лошенко. Но, если первый по-прежнему пытался обосновать зарубинецкую принадлежность этого жилища, то второй высказался в пользу культуры штрихованной керамики. Впрочем, к уже известным аргументам у В.Е. Ерёмко здесь добавляется только один. По его мнению, разрыв датировок зарубинецких и милоградских материалов в этом жилище достигает, самое меньшее, четырёх столетий, потому что, если фибулы датируются не ранее второй половины I в. до н. э., то «литые бронзовые бляхи со спиралевидными украшениями» – не позднее V в. до н. э. (Ерёмко, 1997, с. 59). Оказывается, однако, что речь идёт о так называемых подвесках подгорцевского типа треугольной формы. Упомянувшуюся уже такую подвеску из Теменского городища В.П. Левенок в своё время относил к позднеюхновскому этапу, который продлился им вплоть до IV в. н. э. (Левенок, 1967, с. 53). Что треугольные, составленные из волот, подвески действительно бытовали очень долго, свидетельствуют находки на Дьяковом, Березияковском, Сарском и др. городищах, ранние экземпляры которых относятся к V–VI вв. Согласно Е.И. Горюновой, это было одно из характерных украшений финно-угорских племён, представлявшее собой, однако, соединение подвесок обеих «подгорцевских» типов: к треугольной снизу подшивались бутылковидные (Горюнова, 1961, с. 54, рис. 22: 4; 39: 3, 4; 69). Итак, скорей всего, никакого хронологического разрыва между украшениями из Милоградского жилища в раскопе IV на самом деле нет, как нет его между гвоздевидной булавкой скифского типа и остальным комплексом упомянутого погребения №45 Велемичского II могильника, в состав которого она входит. М.И. Лошенко также основывается на находке в этом же «мигострадальном» жилище из Милограда украшений, а именно трёх пар височных колец наподобие найденных, но по отдельности, также и на городищах Лабенщина, Мысли и Петровичи вместе со штрихованной керамикой. «Сказанае дае падставы выказаць меркаванне, пішет он, што хата з раскопу 1957 г., загінуўшая ў пажары на Мілаградскім гарадзішчы, магла быць пабудавана і пакінута або разбурана (спалена) і «штрыхавікамі» (Лашанкоў, 1997, с. 152–154). Помимо этих височных колец, в той же «хате» была найдена пара позднелатенских фибул, о которых как раз и идёт речь. Но эти фибулы, конечно, ещё не дают оснований предполагать, что жилище то ли построили, то ли, наоборот, сожгли непосредственно сами галлы... В милоградской хронологии имеется довольно надёжная абсолютная дата – I в. н. э. – которую эти фибулы как раз и дают. Между прочим, она подтверждается хронологией бусины синего глушёного стекла с красным глазком из раскопок Ю.В. Кухаренко на Милограде. Согласно Е.М. Алексеевой такие бусины датируются I в. до н. э. – I в. н. э. (Кухаренко, 1953, с. 25, табл. 1: 4; Алексеева, 1975, с. 7, табл. 16: 7).

Из остальных милоградских украшений хорошо датируются гвоздевидные серьги, бронзовые, а иногда даже золотые, как в Дубое и Десянке (рис. 3: 38). Известна также форма для отливки щитка такой серьги (Третьяков, 1960а, с. 44, рис. 21: 1). По конструкции, размерам и форме большинство из них имеют аналоги в типе I скифских серёг, согласно классификации В.Г. Петренко. Дубойская серьга (Кухаренко, с. 11, табл. 1: 3) соответствует первому её варианту (серьги с полусферическими щитками разной величины на обоих концах дужки). У скифов период бытования этого варианта серег ограничен VI в. до н.э. (Петренко, 1978, с. 21, табл. 16: 1–3). По А.И. Тереножкину, они появляются уже в предскифское время (Тереножкин, 1961, с. 220, рис. 113: 13, 14). Видимо, дубойская серьга должна датироваться не позже VI в. до н.э., скорее всего VII–VI вв. до н.э., как и наконечники копий из этого могильника. Наличие подобных украшений в высококич и лукичских древностях (Крушельницкая, 1976, рис. 16: 7–3) такой датировке не противоречат. Вторая серьга с двумя щитками, но одинаковой величины, найдена в Щаткове (Поболь, 1967, с. 214, рис. 14: 6). Напоминающая её находка из Гришенцев датирована В.Г. Петренко V–IV вв. до н.э. (Петренко, 1978, с. 21). Целые экземпляры из Вишенок (Даниленко, 1953, табл. 1: 8, 9), Бортнич, Подгорцев (Даниленко, 1956, табл. 11: 1, 2, табл. V: 13–21), Горошкова (Мельниковская, 1967, рис. 31: 3), Козинцев (Сикорский, Савчук, 1971, рис. 3: 16), Лемешевич (Вергей, 1994, рис. 6: 7), Лисок (Лошенко, Барцева, 1995, рис. 2: 8) и Десянки (Шекун, 1995, рис. 1: 3) имеют по одному щитку и также вполне сопоставимы со скифскими вариантами 3 и 4 в типе I, бытовавшим в VI–V вв. до н.э. (Петренко, 1978, с. 21, 24, табл. 16: 24, табл. 39: 17, 2, 3). Насколько можно судить по форме и размерам щитков, сходны с ними должны быть и фрагментированные серьги из Лютежа (Бидзиля, Пачкова, 1969, рис. 12: 3). Серьгу из Казарович отличает от предыдущих больший конический щиток (Петровская, 1971, с. 146, рис. 21). В.Г. Петренко отнесла ее к типу 5 скифских, датированные экземпляры которого принадлежат IV–III вв. до н.э. (Петренко, 1978, с. 27, 72). Несколько меньшие, но такие же конические шляпки имеют ещё две бронзовые серьги, обнаруженные на селище Снядин (Вергей, 1995, с. 43). Браслеты милоградской культуры известны прежде всего по четырнадцати экземплярам из двух кладов, обнаруженных в 1954 и 1957 гг. на Горошковском городище. Оба эти клада целиком изданы и подробно описаны (Мельниковская, 1956, с. 173–176; 1957, с. 149–154). Такого разнообразия браслетов не дал потом ещё ни один милоградский комплекс. Однотипные представленным в этих кладах браслетам с гладким стержнем (целые и фрагментированные) известны в Мохова II (Третьяков, 1960а, рис. 22: 3), Куриловке

(Лагодовська и др., 1956, рис. 3: 1), Мизякове (Лобай, 1977, рис. 4: 2), Ястребке (Лошенко, 1994, рис. 1: 8) и Липняках (Гуры, Лашанкоў, 1984, рис. I, 12). Целые рубчатые браслеты обнаружены в Мизякове (Лобай, 1977, рис. 4: 6), а фрагментированные – в Подгорье (раскопки автора) и Лисках (Лошенко, Барцева, 1995, рис. 4: 2). С милоградской культурой П.Н. Третьяков связывал находку фрагмента рубчатого браслета в Чаплии (Третьяков, 1959, с. 138, рис. 14: 19). Издавна считается, что на востоке Европы однотипные горошковским рубчатые браслеты бытовали в относительно короткий, синхронный раннему латену период – в IV–III вв. до н.э. (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 47), так как именно этим временем О.Н. Мельниковская датировала представленные в обоих упомянутых кладах. Остановимся на датировке кладов Горошкова и обратим внимание на серию из семнадцати аитичных бус, обнаруженных, как известно, в 1957 г. вместе с тремя браслетами (рис. 3: 91–98). Часть из них глазчатые, глушёного стекла. Корреляция некоторых из них с изученными Е.М. Алексеевой древнегреческими бусами была произведена М.М. Яницкой (Яницкая, 1980, табл. 2). Оказалось, что две бусины относятся к IV–II вв. до н.э., одна к III–II до н.э., и ещё одна – только к II в. до н.э. * Клад 1957 г. должен датироваться II в. до н.э. Эту же дату называл позднее и А.М. Обломский (Обломский, 1983а, с. 17). В самом деле, по методу «узких» датировок, совсем не IV, а именно II в. до н.э. следует считать временем «встречи» пяти упомянутых аитичных бус в этом кладе. Таким образом, определяется сама дата сокрытия как этого, так и трёх остальных кладов Горошкова. Одновременно уточняется и верхний хронологический предел бытования самого типа рубчатых браслетов, которое, получается, нельзя ограничивать III вв. до н.э. Впрочем, и позднее этот предел по-прежнему занижался. В.Е. Ерёменко, в поисках подтверждения эффектной гипотезы Дж. Мергоу о «путешествующих кельтских ремесленниках», предположил, что оба клада с украшениями на Горошкове были спрятаны никем иным, как этими иноземными ювелирами. Верно предполагая одновременность этих кладов, одновременным им В.Е. Ерёменко считает также ещё один, на том основании, что он тоже состоит из подобных рубчатых браслетов. Этот клад, выявленный в фойдах Сошницкого краеведческого музея в 1984 г., был найден в торфянике близ села Киселёвки на Черниговщине при неизвестных обстоятельствах. Гипотетическую ситуацию, якобы вынудившую кельтских мастеров зарыть своё имущество в землю в Горошкове, а также бросить его в болото в Киселёвке, В.Е. Ерёменко пытается реконструировать по письменным источникам. Они сообщают о серии скифо-македонских конфликтов, произошедших как раз в IV–III вв. до н.э. 339 г. до н.э. – столкновение Атея с Филиппом

* См. соотв.: Мельниковская, 1967, рис. 40: 15–19, 13 и 18 – Яницкая, 1980, табл. 2, номера те же. Очевидно, что датированной II в. до н.э. однотипна ещё одна горошковская бусина (Мельниковская, 1967, рис. 40: 16).

Македонским, 331-й – поход Запириона на дружественную скифам Ольвию, и т. д. В.Е. Ерёмченко исходит из допущения, что скифы, рассчитывавшие на помощь галлов, но не дождавшись её, поквитались с ними, подвергнув репрессиям проникших в Скифию бродячих кельтских ремесленников, и тем пришлось уйти на север, в район Киселёвки и Горошкова, под защиту «милоградцев» (Залашко, Ерёмченко, 1996, с. 130–132). Признавая литературно-художественные достоинства этой версии, приходится констатировать отсутствие у неё в связи с передатировкой кладов Горошкова, должных археологических оснований. К тому же, позднее и сам В.Е. Ерёмченко свою версию фактически пересмотрел, когда в качестве мотива сокрытия одного Киселёвского и двух Горошковских кладов указал уже не агрессию скифов, а, напротив, падение самой Скифии под ударом сарматов на рубеже IV–III вв. до н.э. (Ерёмченко, 1997, с. 47). Археология не позволяет занижать датировку рубчатых браслетов, которые, по А.И. Дробушевскому, являются «самыми младшими предметами милоградской культуры» на Уваровичском городище (Дробушевский, 2000, с. 57). Предел её существования он совместно с М.И. Лошенковым пытается ограничить III в. до н.э. Однако из всей коллекции городища Шепотовичи они смогли использовать с этой целью лишь весьма ненадёжную и явно заниженную датировку обнаруженной там железной булавки с кольцевым навершием, наподобие найденной вместе с позднелатенской фибулой в погребении № 137 зарубинецкого Чаплинского могильника (Дробушевский, Лошенко, 1994, с. 36, 48). Если никакой гарантии принадлежности булавки с кольцевой головкой именно к милоградскому, а не к зарубинецкому, горизонту Шепотович нет, то с рубчатыми браслетами, вернее, с их «негативами», на Уваровичском городище дело обстоит как раз наоборот. Отпечатки таких браслетов имеются там на внутренней поверхности зарубинецких сосудов. «Факт использования этих изделий носителями чечерской группы, – пишет А.И. Дробушевский о рубчатых браслетах, позволяет расширить верхнюю дату их бытования до ступени Латена C1 включительно» (Дробушевский, 2000, с. 57). А.И. Дробушевскому фактически пришлось возвратиться к известной точке зрения А.М. Обломского. А.М. Обломский, который также рассматривал рубчатые браслеты в качестве самых поздних из надёжно датированных находок милоградской культуры, тоже определял по ним время её финала, называя, однако, II в. до н.э. (Обломский, 1981, с. 92). Представляется, что нельзя согласиться и с ним, если принять во внимание следующее. Во-первых, кроме четырёх (трёх из клада 1957 г. в Горошкове и одного из кургана № 2 в Мизякове), все остальные рубчатые браслеты не связаны с датированными комплексами, а были найдены просто в слоях милоградских поселений. Во-вторых, на Смоленщине, соседней с милоградской территорией, такие же браслеты известны в слоях,

хорошо датирующихся началом новой эры. Например, на городище Церковище рубчатый браслет был найден вместе с глазчатой фибулой прусской серии II в. н.э. (Седов, 1964, с. 73, рис. 26: 5, 9; Третьяков, Шмидт, 1963, с. 165). Характерно, что среди этих смоленских аналогов раннелатенских браслетов имеются не только литые из бронзы, но и кованые из железа, украшенные имитирующей рубчики насечкой (там же, с. 170–171, рис. 14: 23). Кстати, как известно, клад 1958 г. из Горошкова тоже состоял именно из железных браслетов. Они сильно обгорели при пожаре, поэтому трудно судить о характере их орнаментации (Мельниковская, 1967, с. 76). Подобно смоленским, милоградские городища Мохов (там же, с. 76, 128) и Ленино (раскопки автора) дали обломки глиняных литейных форм – бесспорные свидетельства местного производства рубчатых браслетов. Принято считать, что прототипом для них был один из вариантов кельтских браслетов, относящихся к числу импортов IV–III вв. до н.э. (Кухаренко, 1959, с. 36). Но до какого точно времени изготавливались их милоградские подражания, сказать трудно. Следовательно, считать их надёжно датированными вещами нет оснований.

Гораздо определённое выглядят рамки бытования милоградских браслетов не латенского, а скифского стиля (рис. 3: 40, 45–47). По В.Г. Петренко, скифские бронзовые браслеты с шишечками на концах датируются VI–IV вв. до н.э. (Петренко, 1978, с. 49). Пара таких браслетов сопровождала детское погребение в Подгорцах (Петровська, 1971, с. 14, рис. 4: 1). Фрагмент такого же, по-видимому, бронзового браслета был обнаружен на городище Шепотовичи (Дробушевский, Лошенко, 1995, с. 37, рис. 1: 5). Скифские браслеты, оканчивающиеся орнаментированными лопаточками, на днепровском Правобережье датируются VI–IV вв. до н.э. (Петренко, 1978, с. 52–53). Они были найдены в Мохове I (фрагмент), Козинцах, Мизякове и Приборске (Мельниковская, 1967, рис. 34: 18; Сикорский, Савчук, 1971, рис. 3: 23; Лобай, 1977, рис. 4: 3; Рассадзин, Скоры, 1991, рис. 2: 2, 3).

В Приборске впервые на милоградских памятниках были обнаружены целые экземпляры гривен (рис. 3: 43). Обе они изготовлены из круглого дрота, концы их одинаково окаймляются завитками, только одна гладкая, а вторая перевитая (Рассадзин, Скоры, 1991, рис. 2: 4, 5). Аналоги приборских гривен, не только бронзовые, как они, но и золотые, известны у скифов: Чертомлык (погребение коихоха), Роковкат (курган № 2). Согласно В.Г. Петренко, такие скифские гривны датируются VI–IV вв. до н.э. (Петренко, 1978, табл. 29: 1–3). Фрагментами гривен могут быть куски толстого бронзового дрота, гладкого или витого, обнаруженные на многих памятниках – в Асаревичах, Горошкове, Коросте, Рудяках и др. – датировка их, однако, невозможна.

Видимо, для милоградской хронологии важным будет установить время бытования хотя бы некоторых видов украшений так называемого подгорцевс-

кого типа (рис. 3: 21 – 27). Они концентрируются на Киевщине, которую поэтому предложено выделить в особую палеоэтнографическую область (Петровська, 1971, с. 19). Правда, согласно П.Н. Третьякову, такие украшения представляли собой «этнографическую» особенность культуры восточных балтов Смоленщины, Подесеня, Поочья и др. (Третьяков, 1970, с. 207). Ажурные подгорцевские бронзы были введены в научный оборот ещё в начале XX в. (Ханенко, Ханенко, 1901, табл. X: 263 – 267; Ханенко, Ханенко, 1907, табл. XVIII: 309). Кроме многих разрозненных, в Подгорцах и Рудьяках выявлены, по-видимому, полные наборы ажурных украшений женского костюма. По стилю и составу они почти идентичны (Козловська, 1927 с. 3 – 3; Савчук, 1952, с. 56 – 58). Но в милоградской культуре и вне ее среднеднепровского варианта известны закрытые комплексы с украшениями наподобие подгорцевских и рудьяковских. Это погребение в кургане № 2 в Мизякове, а также погребение в Коросте. При раскопках городища Уза нами также был обнаружен фрагмент бронзового украшения того же подгорцевского стиля (рис. 3: 26).

Точная датировка подгорцевских бронз не определена. Отмечено лишь, что они относятся к эпохе раннего железа, а не начала средневековья, как сперва предполагалось из-за их явно нескифского облика (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 208). Попробуем уточнить сначала время происходящих с Киевщины тринадцати экземпляров биметаллических булавок (на железном стержне ажурное бронзовое навершие), которые считают наиболее распространенным видом подгорцевских украшений (Петровська, 1971, с. 19 – 20). Известны три их разновидности – со сложно-ажурным, круглым (Даниленко, 1953, табл. I: 1а – в, 2) и прямоугольным (Петровська, 1964, рис. 7) в плане навершием, которые за пределами Среднего Поднепровья неизвестны, за исключением двух – сложно-ажурного с Винничины (Петровська, 1971, с. 20) и прямоугольного со Смоленщины (Шмидт, 1976, с. 201, рис. 50: 1). С другой стороны, как отмечено выше, в Среднем Поднепровье нет наверший четвертой разновидности – листовидных, или сердцевидных, которых севернее и восточнее сейчас известен уже 22 экз. (Седов, 1967, №№ 5 – 9, 13, 35, 44 – 45, 48 – 54, 57, 141; Шут, 1966, рис. 61; Вознесенская и др., 1972, с. 95; Медведев, 1989, с. 85). За ними закрепилось название «булавки восточных балтов», датировка «широкая» – I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э. (Седов, 1967, 140 – 141), или же поздняя «узкая» – II – IV вв. н. э. (Розенфельдт, 1963, с. 225). Хотя из всех подгорцевских наверший в свою сводку В.В. Седов включил когда-то только одно – из Букрина (Седов, 1967, рис. 2), вполне очевидно, что и подгорцевские, и «балтские» ажурные булавки представляют собой четыре разновидности одного и того же типа. При этом есть все основания считать, что время их бытования укладывается в рамки скифской эпохи. Во-первых, во всех без исключения случаях, когда учтённые В.В. Седовым находки связаны с

хронологически хорошо атрибутированными комплексами, их окружают находки не моложе конца III в. до н. э., как в Александрове, Новых Батеках, Сатинках и др. Та же картина наблюдается и с позднее обнаруженными навершиями: в Горнале оно залегало в основании древнего вала, вместе с материалами скифского времени (Вознесенская и др., 1972, с. 95), а в Пекшеве ему сопутствовали фрагменты ионийских амфор VII – середины VI вв. до н. э. (Медведев, 1989, с. 85). Видимо, не «моложе» многих листовидных и прямоугольное навершие из Демидовки, в одном слое с которым залегали костяные изделия раннедьяковских типов, а также фрагменты браслетов чернолесского облика. Е.А. Шмидт датировал этот слой серединой I тыс. до н. э. (Шмидт, 1976, с. 201). Во-вторых, те из них, для которых так или иначе допускалась более поздняя датировка, происходят из памятников, напластования которых имеют широкий хронологический диапазон. Так, в упомянутой публикации Р.Л. Розенфельдта навершие из недокументированной довоенной коллекции селища Певкин Бугор почему-то рассматривается как происходящее именно из его верхнего горизонта. Но в этой коллекции имеются гарпуны и стрелы из кости весьма архаического облика (Розенфельдт, 1963, рис. 9), тождественные хорошо известным раннедьяковским (Дубынин, 1974, рис. 4: 5). Точно такие вместе с костяными грибовидными рукоятками ножей, для которых указаны аналоги, происходящие из слоёв VI – IV вв. до н. э. (Никольская, 1964, с. 77), сопутствовали и навершиям из раскопок в Гремячеве (Бульчѳ, 1899, табл. III: 33 – 34, табл. IV: 4). В Торфеле в верхнем слое, датированном Е.И. Горюновой I в. н. э., помимо навершия был представлен также и клиновидный проушный топор (Горюнова, 1950, с. 148 – 156, рис. 54, 44, 56), который В.А. Ильинской отнесён к VI – V вв. до н. э. (Ільїнська, 1961, с. 31, рис. 2: 9). А.Е. Алихова предположила, что он переотложен и происходит из сильно нарушенного нижнего слоя скифского времени (Алихова, 1962, с. 259), с которым, конечно, могло быть связано и навершие. Датировка Свиныховского городища только III – IV вв. н. э. (Никольская, 1959, с. 93) не бесспорна: представленная в его нижнем слое керамика очень близка к комплексу скифского времени из Александрова (Алихова, 1962, с. 129). Отметим, что из всех листовидных наверший оба свиныховских наиболее близки александровскому, которое хорошо датируется IV – II вв. до н. э. Мы считаем, что так скорей всего надо определять и период бытования большинства как «балтских», так и подгорцевских булавок с ажурными навершиями. Однако их прототипы появляются в Среднем Поднепровье ещё в предскифское время. Дело в том, что с подгорцевскими биметаллическими вполне сопоставима цельнобронзовая булавка, найденная в Хмельне. А.И. Тереножкиным отмечалось, что подобные булавки типичны для кобанской культуры, а хмельненская находка – это несомненный импорт с Кавказа. Им было обосновано

вано также существование между Кавказом и Поднепровьем довольно оживлённых связей в предскифскую эпоху, не прерывавшихся, впрочем, и позднее (Тереножкин, 1961, с. 135 сл.; 1976, с. 171). Ажурные кобанские булавки Pfaudernadel («павлинье перо»), наверное, и были общим прототипом как подгорцевских и «балтских», так и среднедунайских булавок типа «Ogava», для которых также указываются кавказские аналоги (Novotna, 1980, Taf. III). В свою очередь, они сами обнаруживают сходство со знаменитыми бронзами X – IX вв. до н. э. из иранского Луристана, что является одним из многих подтверждений известного утверждения Е. И. Крупнова о том, что в древней эпохе железа Северный Кавказ жил общей жизнью с Древним Востоком (Крупнов, 1960, с. 341). Среди них тогда были известны также биметаллические, с бронзовым навершием на железном стержне, булавки, типа храпящейся в Королевском музее искусств и истории в Брюсселе. Её квадратное навершие окаймлено такой же ложновитой нитью и снабжено такими же двумя ушками, как и подгорцевские (Древности..., 1992, с. 40, 105, № 267). Вообще один и тот же основной мотив мирового дерева отчётливо представлен и в луристанских, и в кобанских, и в подгорцевских, и в «балтских», и в булавках типа «Ogava». Впрочем, в ряде случаев, возможно, угадывается и антропоморфность центральной фигуры, снабжённой стилизованной круглой головкой. Мотив владычицы зверей тоже хорошо известен в Луристане X – VII вв. до н. э. (Egg, Pare, 1995, S. 122, Taf. 37: 4).

Среди альпийских древностей VIII – V вв. до н. э. упоминается сложносоставная шумящая подвеска, храпящаяся в Майнцком римско-германском центральном музее, которая изображает, как считается (несмотря на значительную стилизацию), «владычицу коней» (там же, S. 156, Taf. 53: 2). Похожие бляхи-подвески известны во Фракии, а также на Кавказе, где на территории Азербайджана они известны уже во второй половине II тыс. до н. э. Балканские подвески этого типа, согласно М. Н. Погребовой, имеют общее происхождение с кавказскими (Погрехова, 1984, с. 122 – 127, табл. XIII: 2, 8). Близкая, но ещё в большей степени утратившая сходство с изображением всадницы, была и в составе «клада» 1915 г. из Подгорцев, который В. Н. Даниленко, по-видимому, правильно интерпретировал в качестве ивентаря женского погребения (Даниленко, 1953, с. 11). Верхняя пластина такой подвески помещалась на груди погребённой в кургане № 2 в Мизякове (Лобай, 1977, с. 78, рис. 4: 6). По-видимому, не что иное, как соединительные части таких подвесок, своеобразные бронзовые шарниры, представлены в Рудьяках (Савчук, 1952, рис. 1: 3) и Коросте (Канивец, 1953, табл. XV: 10). (рис. 3: 24, 25, 27). Хронология этих подвесок, скорее всего, должна совпадать с хронологией ажурных наверший.

В «клад» 1915 г. из Подгорцев входила ещё и умбонovidная бляха, украшенная волотами (рис. 3: 39). Близкая ей найдена также в Рудьяках (Петровська,

1971, рис. 4: 2). Раньше в качестве аналога подгорцевских указывалась только известная бляха из «домика мёртвых» на городище Березияки, по которой они и датировались V – VI вв. н. э. (Третьяков, 1941, с. 97). Невозможность такой датировки сейчас очевидна. Практически тождественными найденным в Подгорцах и Рудьяках оказались некоторые бляхи кобанской культуры VI – IV вв. до н. э. (Козенкова, 1989, с. 54, табл. XXXIII: 4, 7). Кобанско-кавказский колорит подгорцевского «клада» усиливается также ещё и за счёт находок, которые В. Н. Даниленко принял, по аналогии со скифскими, за фрагментированные «привески и серёжки с двумя-тремя гвоздевидными головками» и соответствующим образом графически реконструировал (Даниленко, 1953, табл. V: 22, 23). Однако среди скифских серёг таких ветвистых нет вовсе. Поэтому более вероятно, что в Подгорцах и Бортиичах удалось найти не серёжки, а навершия булавок типа известных по Былымскому кладу и Тлийскому могильнику (Техов, 1977, с. 48 – 50, рис. 18: 1 сл.; Козенкова, 1989, с. 21, табл. XXXVII: 17).

Особый шарм комплексу в Подгорцах придаёт его вторая бронзовая бляха, круглая с крестообразным расположением четырех ромбов из выпуклостей на ней (рис. 3: 20). Она не кобанская, а ананьинская. Вананьинских могильниках близкие ей известны в VIII – VI до н. э. (Збруева, 1952, табл. XVII: 9). Согласно А. В. Збруевой, находки ананьинских импортов между средним Днпром и Камой хорошо маркируют отрезок великого торгового пути на восток, описанного Геродотом как путь к исседонам (там же, с. 175 сл.).

Наше понимание хронологии и происхождения подгорцевских бронз было подробно изложено и проиллюстрировано ещё десять лет назад (Рассадин, 1994а, с. 263 – 274). Новот недавно публикуется один удивительный пассаж.

«Нельзя согласиться с С. Е. Рассадиным в том, – пишет М. И. Лошенко, что ранние «подгорцевцы» переняли ажурный стиль у населения Кавказского региона (Рассадин, 1994, с. 271). Автор разделяет точку зрения тех исследователей, которые считают, что указанное заимствование произошло с более близкой территории, на которой проживали, например, племена кобанской культуры, с чем не согласен С. Е. Рассадин (Рассадин, 1994, с. 266 – 272)» (Лошенко, 2003, с. 94). Когда бравый солдат Швейк был по ошибке арестован в качестве русского шпиона, жандармский вахмистр, допрашивая его, задал также и такой вопрос: «... по-видимому, существуют ещё какие-то Будейовицы, которые лежат где-то к северу от Путима и до сих пор не занесены ни на одну карту?». Неужели тоже существует ещё одна какая-то кобанская культура, которая лежит где-то вне Кавказского региона и до сих пор не занесена ни на одну археологическую карту? В процитированной выше публикации М. И. Лошенкова имеется ссылка на капитальный том «Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время», глава восьмая которого так и назы-

вается: «Кобанская культура Кавказа». Она снабжена соответствующей картой (Степи европейской... , 1989, карта 24). Однако в нашей публикации, которую использовал М.И. Лошенко, какого-то несогласия с заимствованием подгорцевского ажурного стиля из кобанской культуры, разумеется, нет. Наоборот, вся она посвящена обоснованию кавказских, прежде всего кобанских, прототипов подгорцевских бронз. В качестве такого прототипа бронзовых ажурных наверший нами были опубликованы, к примеру, рисунки булавок типа «Pfaudemadel» («павлинье перо») из Верхней Рутхи, относящихся именно к классической фазе кобанской культуры (Motzenbäcker, 1996, S. 93, Taf. 26: 1 – 5). Наша идея о кавказско-кобанском происхождении ажурной разновидности так называемые «булавок восточных балтов», впервые опубликованная ещё в 1980-е гг., между прочим, поддержана известным специалистом по скифо-кавказским связям (Махортих, 1996, с. 19). С другой стороны, ни одного из исследователей, которыми подгорцевский ажурный стиль будто бы выводится из какой-то внекавказской Кобани и чья точка зрения им, оказывается, «разделяется», М.И. Лошенко так и не назвал. Таковых попросту нет. Всё это особенно нелепо выглядит на фоне одной ещё не решённой научной загадки. Ажурные бронзовые навершия «булавок восточных балтов» более чем через тысячу лет восстановили тюркские кочевники. Литые головки той же сердцевидной формы, со стилизацией того же древа жизни, обрамлённые такой же ложновитой нитью имеют копоушки, употреблявшиеся печенегам и половцами в IX – X вв. н. э. (Гаврилина, 1985, рис. 2: 1 – 6; Плетнёва, 1990, рис. 26: 5).

Вернёмся, однако, к милоградской хронологии. Для неё несомненный интерес представляет датировка трёх бронзовых зеркал, известных в этой культуре (рис. 3: 30, 53). Два из них имеют одинаковую форму плоских дисков с рукоятками-петлями на оборотной стороне и происходят из Лисковского городища. В специальной публикации автора раскопок они были отнесены к концу VI – началу V вв. до н. э. «Непосредственной аналогией беларускім люстэркам, – писал М.И. Лошенко, – з'яўляецца скифскае люстэрка з Паўночнага Прычарнамор'я» (Лашанкоў, 1982, с. 43–44). Эта фраза снабжена ссылкой на с. 171–172, а также рис. 4: 3 в публикации А.А. Иессена (Иессен, 1961). Как «аналогия», так и датировка у М.И. Лошенко, безусловно, оказались ошибочными. Ведь это зеркало из Прикубанья, хранящееся сейчас в нью-йоркском музее «Метрополитен», в отличие от обоих лисковских, на обратной стороне снабжено не только петельчатой рукояткой. На опубликованной фотографии видны две рельефные концентрические окружности. Обе окружности пересекаются крестообразной фигурой, тоже рельефной. Не случайно издатель этого зеркала, А.А. Иессен, на которого ссылается М.И. Лошенко, вполне определённо датировал его отнюдь не раннескифской, а более поздней эпохой. Это

зеркало, по его мнению, «несомненно подлинно и относится к IV – V вв. н. э.» (Иессен, 1961, с. 171). Не заметить всё это, естественно, чрезвычайно трудно. Такие же зеркала с рукоятками-петлями, украшенные на обороте рельефными концентрическими валиками и различными геометрическими фигурами, составляют тип X-й сарматских зеркал, которые, согласно А.М. Хазанову, в III – IV вв. н. э. проникают в города Северного Причерноморья и в Прикубанье (Хазанов, 1963, с. 68, рис. 5). В эпоху великого переселения народов подобные бронзовые зеркала типа *Camuntum – Čmi – Brigetio* довольно широко распространяются по Европе и представлены, например, в алано-германских древностях Танаиса (Bezuglow, 2003, S. 97, Abb. 4: 12). Безусловно, пара зеркал из Лисок не имеет к ним никакого отношения. Но эта замечательная находка, которая, конечно, нуждается в правильной, а не курьёзной, культурно-хронологической атрибуции. И предложить её было совсем нетрудно, так как аналогии отлично представлены среди бронзовых зеркал тагарской культуры (Heidenreich, 1990, Abb. 26: 7). В их типе I, по классификации Н.Л. Членовой, имеются точно такие же, как в Лисках (Членова, 1967, с. 82). Поскольку они датированы исследовательницей VII – началом VI вв. до н. э., мы распространили эту датировку также и на лисковские (Рассадин, 1989а, с. 9).

Третье зеркало было найдено в кургане № 5 Десянки. В отличие от лисковских, оно имело боковую железную рукоятку (Шекун, 1995, с. 157, рис. 1: 1). Согласно Т.М. Кузнецовой, бронзовые зеркала с боковыми рукоятками из различных материалов, в том числе из железа, появляются у скифов уже в VI в. до н. э., но основная их масса происходит из памятников IV – III вв. до н. э. Впрочем, десятианское напоминает раннее зеркало, из Репяховатой могилы (Степи европейской... , 1989, с. 110, табл. 45: 6).

Кроме находок металлических, особое значение для милоградской хронологии имеют также и стеклянные. Выше уже шла речь о том, как именно с помощью надёжно датированных северопричерноморских аналогов бус удалось уточнить датировку горошковских кладов (Рассадин, 1989а, с. 9). Интересно, что этот наш опыт передатировки, очевидно, уже заимствован. Городище Старое Красное первоначально было датировано М.И. Лошенковым IV – III вв. до н. э. (Лошенко, 1985, с. 400). Но здесь были обнаружены две фрагментированные голубые бусины, и одна из них глазчатая, по-видимому, типа найденных в кладе из Горошкава. Также и по ним поздний период этого городища заново был отнесён уже ко II в. до н. э. (Лошенко, 1991, с. 19). Однако ещё раньше была сделана попытка, по существу, отвергнуть сам метод корреляции стеклянных аитичных бус из городов Северного Причерноморья и из городищ милоградской культуры. Для горошковских бус из клада 1957 г. вместо северопричерноморских аналогий В.Е. Ерёмко попытался указать таковые из лесостепных

комплексов скифского времени (Ерёменко, 1986, 76–105). Вряд ли эта попытка оказалась удачной. Аитичные бусы из кургана № 406 в Журовке, на которые ссылается В.Е. Ерёменко, вовсе не глазчатые, как из Горошкова, а совсем другие – поперечно-полосатые (Ильинская, 1975, табл. IX: 3). Впрочем, он упоминает также найденные на городище Волошино синие бусы с жёлтыми колечками (Либеров, 1965, с. 30, табл. 36, 37: 13). Они действительно аналогичны горошковской бусине, которая датируется III – II вв. до н. э. Хронология Волошина, согласно П.Д. Либерову, может включать также и II вв. до н. э., так что этой своей ссылкой В.Е. Ерёменко, скорее подтверждает, чем опровергает датировку кладов Горошкова, не соответствующую его гипотезе. Подтверждена она была им и позднее, когда В.Е. Ерёменко удалось убедительно опровергнуть предположение Е.С. Нефёдовой, что гладкие бусы глушёного стекла из этого клада, зелёные и синие, датируются временем не раньше I в. н. э. (Нефёдова, 1988, с. 119). В.Е. Ерёменко было отмечены находки таких же, или очень похожих, в некоторых позднескифских комплексах, например, в погребении 2 кургана № 447 у с. Пастырское, включённом в группу захоронений V – III вв. до н. э. (Ерёменко, 1997, с. 45–47; Галанина, 1977, с. 29, табл. 14: 13, 16). В Мелитопольском кургане второй половины IV в. до н. э. имеются аналоги как для этих монохромных бус-колечек, так и для глазчатых, жёлтых и синих с белыми и жёлтыми колечками (Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 86: 1 ж, 1 з, рис. 117: 16, 1 в, рис. 124: в). Напомним, что последние, согласно Е.М. Алексеевой, датируются IV – II вв. до н. э. Получается, что и глазчатые, и гладкие бусы должны быть синхронны также и в Горошковском кладе 1957 г. Этому кладу, согласно А.С. Островерхову, был подобен клад из более чем сотни стеклянных и фаянсовых бус, а также двух скарабеоидов, найденный в начале 1980-х гг. в районе Киевской ГЭС, то есть, на подгорцевской терригории К «милоградцам» эти высокоценившиеся в древности стеклянные украшения поступали, конечно, через Скифию, но транзитом. Туда они в значительных количествах завозились древнегреческими предпринимателями, по-видимому, на ослах и мулах. Находки костей этих животных на поселениях как степной, так и лесостепной Скифии связываются с торговой деятельностью жителей северопричерноморских городов (Островерхов, 1996, с. 367, рис. 1). По-видимому, в источнике поступления стеклянных бус, известных в милоградской культуре, сомневаться не приходится. Но из них лишь входящие в клад 1957 г. из Горошкова изданы достаточно подробно, в том числе в цвете. Кроме них, датировка по классифицированным Е.М. Алексеевой аналогам произведена для найденных в Асаревичах – IV – III вв. до н. э. (Яніцкая, 1980, с. 12), Приборске (две бусы чёрные глушёного стекла – вторая половина VI – начало V в. до н. э.; тридцать восемь прозрачного желтого, зелёного, голубого – VI – III, V – II, конец VI – IV вв. до н. э., соответственно (Рассадзиі, Скоры, 1991, с. 78),

Ястребке – III – II вв. до н. э. и I – II вв. н. э. (Лошенко, 1994, с. 57). Среди найденных в Лемешевичах имеется большая ребристая бусина тёмно-зелёного глушёного стекла с поперечными красными полосами, которая по аналогам из Пантикалея датируется IV, а по херсонесским – IV – III вв. до н. э. (Вергей, 1994, с. 146, рис. 6: 19).

Итоги анализа имеющихся в милоградской культуре датируемых вещей заставляют по-новому взглянуть на хронологию некоторых её комплексов и памятников. Так, древнейшие курганы Житомирщины, скорей всего, старше VII – VI вв. до н. э., так как эта дата основывается на находках булавок из кургана № 4А в Народичах, не имеющих, как выяснилось, никакого отношения к милоградской культуре. Архаичный кельтв инвентаре Народичского II могильника – бесспорное свидетельство его более ранней даты. Аналоги булавок из кургана в Гремчьем позволяют относить его ко времени около IX в. до н. э. Ни одну из находок в Дубое нельзя твёрдо датировать V в. до н. э.: все их аналоги представлены в комплексах VII – начала VI вв. до н. э. Некоторые милоградские памятники Киевщины дали вещи, возраст которых вполне может быть старше V в. до н. э. Так, среди самых ранних скифских серёжек есть идентичные найденным в Бортичах, Козинцах и Подгорцах. Они синхронны булавке, найденной в Козинцах, и бытовали только в VI в. до н. э. Ещё старше сопутствовавшие последней некоторые наконечники стрел – они раннескифские, однотипные найденным в Хильчицах и Ясенце. С другой стороны, например, бронзовый наконечник стрелы из селища Таценки был датирован одним только III в. до н. э. (Максимов, 1972, с. 40, табл. XIII: 9). Однако позднее углублённые хронографические исследования показали, что финал Большой Скифии наступает внезапно на рубеже IV в. до н. э., а комплексов III в. до н. э. в ней практически нет (Алексеев, 1996, с. 39–41). Это существенное уточнение возраста всех позднескифских образцов, соответствующих датирующим вещам милоградской культуры означает, что привычная суммарная датировка IV – III вв. до н. э. должна быть сужена до одного столетия, однако четвёртого, а не третьего. Поэтому уже нельзя утверждать, что железные наконечники стрел из Любен, Чижахи и Дмитрович «позиция храналагічнай мяжой маюць III ст. да н. э.» (Лашанкоў, 1997, с. 152). Между тем как раз к III в. до н. э. был приурочен верхний хронологический рубеж Любенского и, по аналогии с ним, милоградского горизонта Шепотовичского городища (Дробушевский, Лошенко, 1995, с. 48). Получается, что очередная попытка ограничить этим временем само существование милоградской культуры (Лашанкоў, 1993, с. 72) лишается одного из немногих своих оснований. С другой стороны, Ястребское городище, по-видимому, утратило право числиться среди ранних вследствие неопределённого, скорей всего, позднего возраста обнаруженного в его слое обломка гвоздевидной булавки.

Сопоставление датировок входящих в них предметов позволило уточнить также и хронологию двух наиболее важных комплексов украшений милоградской культуры. Оказалось, что «клад» 1915 г. из Подгорцев относится, очевидно, к VI–IV, а клад 1957 г. из Горошкова – ко II в. до н. э. Видимо, уточнённая датировка последнего может иметь значение и для всех остальных кладов Горошкова (Рассадин, 1991, с. 206–208). Не скрыты ли в разных местах городища эти клады одновременно, скажем, в момент военной опасности? Вспомним о скелете на древней поверхности внутреннего вала (Мельниковская, 1967, с. 48). Может, это останки павшего защитника милоградского Горошкова? Следы, оставленные его гипотетическими противниками, кажется, имеются неподалёку. Как известно, подходы к Горошковскому городищу блокирует зарубинецкий комплекс, расположенный всего в двухстах метрах от внешнего вала на том же мысу (Мельниковская, 1965, с. 167). Согласно О.Н. Мельниковской, здесь около двухсот лет синхронно функционировали поселения обеих культур. Но вряд ли вероятно, что на одном и том же мысу, к тому же при подобном взаиморасположении, в центре одного и того же хозяйственного микрорайона могли сосуществовать две чуждые друг другу общины. На Чаплинском городище, по П.Н. Третьякову, «зарубинцы» сменили милоградское население не позже конца II в. до н. э. (Третьяков, 1966, с. 214). Раньше или позже пришли они на соседний Горошков, заселив здесь не площадку, а подступы к городищу? Важное значение тут будет иметь нижний хронологический рубеж самого зарубинецкого горошковского комплекса. Он определяется по фибуле с нешироким треугольным щитком из погребения № 5. Её аналоги из Чаплинского могильника, использованные О.Н. Мельниковской, были датированы А.К. Амброзом первой половиной II в. до н. э. (Амброз, 1959, с. 188). Согласно К.В. Каспаровой, такие фибулы в зарубинецкой культуре появляются не позднее того же II в. до н. э. (Каспарова, 1977, с. 75). По А.М. Обломскому, среднелатенские фибулы с узким треугольным щитком просуществовали в ней до начала I в. до н. э. (Обломский, 1986, с. 50–56). По-видимому, в Горошкове датировка фибулы из погр. № 5 и клада 1957 г. совпадают. Получается, что все милоградские материалы Горошкова относятся ко времени не позже конца II в. до н. э., а все четыре клада сокрыты именно тогда. Далее, обратимся к нижнему временному пределу этого памятника. Его фиксирует одна из шести находок, рассматриваемых О.Н. Мельниковской в качестве самых древних из сделанных на городищах Белорусского Поднепровья (Мельниковская, 1967, с. 162). Из них только серьга скифского типа из Горошкова имеет узкую раннюю датировку – VI–V вв. до н. э. Датировка эта, более поздняя, чем та истинная для зеркал из Лисок, которую нам удалось установить. Горошковские костяной наконечник стрелы, булавку с биконической головкой, мотыжку с выстурами

из Мохова определённо относить ко времени ранее IV в. до н. э. невозможно. Моховская форма для раннелатенского браслета вообще вряд ли древняя, ведь, как отмечается самой О.Н. Мельниковской, в подобной ей был отлит один из браслетов горошковского клада 1954 г. (Мельниковская, 1967, с. 78), а вряд ли это было сделано задолго до зарубинецкого «взятия». Отношение бляхи из Вылева к милоградской культуре проблематично. Помимо милоградских материалов, на этом разрушенном городище были обнаружены, в том числе и нами, также многочисленные южновские.

Очевидно, всё выше изложенное побуждает к пересмотру предложенной О.Н. Мельниковской трактовке некоторых узловых моментов милоградской хронологии. Оказалось, например, Народичи и Гремячее относятся к самым ранним памятникам не только Житомирщины, но и всего милоградского ареала. Они вряд ли могут считаться непосредственными предшественниками верхнеднепровских городищ типа Горошкова и Мохова I, так как, судя по абсолютным датировкам, между ними наблюдается хронологический разрыв по крайней мере, в полтора века. Культура наследников Народич – Гремячего, скорее всего, представлена местными восточноволинскими памятниками типа селища в Луке-Райковецкой, которое В.К. Гоичаровым датировано V–IV вв. до н. э. (Гоичаров, 1963, с. 288).

Итак, крайние точки милоградской абсолютной хронологии разделены примерно девятью столетиями, и притом для большинства её памятников верхний предел датировки приходится на время не позднее конца III в. до н. э. Соответствуют ли этому данные относительной хронологии? После того, как были достаточно изучены лебедовские, пожалуй, никакие другие из памятников поздней бронзы не могут претендовать на роль генетического предшественника милоградских. Все лебедовские датирующие вещи, судя по опубликованным материалам (Березанская, 1976, с. 212–214), оказались не моложе IX в. до н. э. Лебедовские древности в основном известны пока по результатам раскопок на Киевщине, но в пределах будущего милоградского ареала они представлены гораздо шире (Березанская, 1982, с. 74, рис. 2; Крывальцэвіч, Бычкоў, 1996, с. 61–76; Крывальцэвіч, 1999, с. 34, мал. 34: 1–3, 6–8; 2003), хотя их исследование в других местах только начинается. Так, поселение Заспа под Речицей дало серию керамики, очень близкой к лебедовской из Киевщины. Заспа предварительно датирована концом II тыс. до н. э. (Бычков, 1984, с. 350). Обращает внимание, что часто лебедовские материалы присутствуют в тех же пунктах, где имеются и ранние милоградские. Примером таких поселений могут служить Хильчицы на Полесье и Козинцы на Киевщине. В Козинцах и Хильчицах между ними наблюдается явный хронологический стык. Керамика могильников Прибор и Народичи II сочетает лебедовские черты с милоградскими. Интересно, что младший Народичский могильник трактуется и как

милоградский (Мельниковская, 1967, с. 164), и как лебедовский (Березанская, 1972, с. 168); сближается с предшествующей культурой и Гремячее (Березанская, 1976, с. 19). Наличие таких расхождений закономерно, ведь оба житомирских могильника по времени близки к рубежу между двумя генетически связанными культурами. Судя по всему, рубеж этот должен приходиться примерно на IX в. до н. э. На большей части её ареала милоградскую культуру, как известно, сменила зарубинецкая. По мере накопления данных все яснее становилась ошибочность первоначального представления о генетической связи между ними, на котором дольше всех настаивал покойный Л.Д. Поболь. Однако, как это хорошо прослеживается, к примеру, по данным раскопок на некоторых городищах бассейна Сожа, в частности, Ворновском, Волчасском и Нисимковичском, которые были перестроены на новый, совсем иной манер, а их первоначальный милоградский слой оказался выброшенным вон с площадки (Каваленя, 1936; Рассадни, 1984; с. 368; 1988, с. 376–377). Проиикновение носителей зарубинецкой во многих случаях прервало развитие милоградской культуры. Их абсолютные, соответственно начальные и финальные, датировки на этих территориях должны во многих пунктах примерно совпадать, как совпадают они, по-видимому, в Горошкове. Предполагая Шепотовичах между милоградским и зарубинецким заселением временную паузу, А.И. Дробушевский совместно с М.И. Лошенковым в подтверждение достаточных обоснований привести не смог, просто утверждая, что так «надо думать» (Дробушевский, Лошенко, 1995, с. 48). Так, самые ранние зарубинецкие поселения на среднем Днепре, согласно Е.В. Максимова, возникли в последней трети III в. до н. э. (Максимов, 1972, с. 112–114). Подгорцевские памятники не дали пока ни одной вещи, которая определённо датировалась бы II в. до н. э. В Верхнем Поднепровье после вторжения германских «зарубинцев» существование милоградской культуры продолжалось, но лишь в виде своеобразных «островов», о которых речь пойдет ниже.

Поистине счастливые находки фибул в Милограде, на сегодняшний день успешно выдержали неоднократные попытки дискредитации. Они по-прежнему успешно документируют продолжительность сосуществования «милоградцев» верхнего Днепра с пришельцами вплоть до I в. н. э. включительно. Обра-

тим внимание, что окончательное прекращение милоградской культуры совпадает с началом распространения в Верхнем Поднепровье культуры киевской (древности типа Адаменки).

Кажется, уже можно отказаться от деления развития милоградской культуры на три условных 200-летних этапа (ранний, средний, поздний), которые определялись в основном по особенностям декора посуды. Нет сомнения, что периодом расцвета милоградской общности было скифское время, когда установились и окрепли регулярные контакты с более передовой культурой соседней лесостепи. Временем появления и исчезновения скифской культуры отмечены, по-видимому, и главные внутренние рубежи милоградской хронологии, в которой, таким образом, можно выделить три следующих главных периода. Первый, предскифский – IX – начало VIII вв. до н. э. Переходный от лебедовских древностей бронзового века. Из абсолютно датированных памятников к нему можно отнести пока только Гремячее и Народичи. Второй, скифский – вторая половина VIII – середина, или, по новой хронографии, начало III в. до н. э. Период расцвета культуры, представленных во всех известных в ней вариантах. Внутри него можно выделить более мелкие составляющие. Ранний этап представлен памятниками, датированными вещами архаических типов (Дубой, Ясенец, Приборск), средний (например, Подгорцевский «клад» 1915 г.) и поздний (например, Куриловский могильник). Третий, послескифский – начало III в. до н. э. – I в. н. э., включительно. Характеризуется прекращением важных связей с югом, что привело к резкому уменьшению и притока вещей, пригодных для датировок. В результате возникает представление о более раннем, чем в действительности, возрасте памятников, комплексов, слоёв. Это период сосуществования с «зарубинцами», когда культура перестает быть единым целым, а представлена отдельными изолированными островами. К его началу принадлежит, например, горошковский клад 1957 г., а к концу – комплекс из известного жилища в Милограде. Понятно, что для определения рубежа скифского – послескифского периодов требуется региональная поправка. Начало последнего, наверное, совпадает с появлением в той или иной части милоградского ареала носителей зарубинецкой культуры: III в. до н. э. для Среднего, II в. до н. э. – для Верхнего Поднепровья.

§ 2. О хронологических признаках милоградской керамики.

Итак, круг находок, более или менее узко датированных по известным вне милоградского ареала аналогам вещей, ограничен. На многих исследованных памятниках такие вещи вообще отсутствуют. Конечно, заманчиво было бы выявить хронологические признаки милоградской глиняной посуды. Начнём с выяснения временных рамок жемчужной орнаментами милоградской керамики. Наличие «жемчужин» (вдавлений изнутри) было интерпретировано О.Н. Мельниковской в качестве главной отличительной черты милоградских керамических комплексов Южной Белоруссии VI–IV вв. до н. э. По мнению исследовательницы, этот приём орнаментации позднее совершенно вышел из употребления (Мельниковская, 1967, с. 104). Мнения о «жемчужинах», как о раннем хронологическом признаке милоградской керамики, придерживаются многие исследователи, в частности, В.Е. Ерёмченко. Однако, определяя рамки раннемилоградского этапа не VI–IV, а VII–VI вв. до н. э., он приурочил распространение этого орнаментального приёма к более раннему времени (Ерёмченко, 1989, с. 81). На наш взгляд, трактовка «жемчужин» в узких временных рамках отнюдь не бесспорна. Известны случаи, когда орнаментированная подобным образом милоградская посуда сопровождалась надёжно датированными вещами, не относящимися к указанному О.Н. Мельниковской тресотлетию. Для примера, сошлёмся на упоминавшуюся находку наконечника стрелы из Ясенецкого городища, аналогичного скифским VIII–VII до н. э. Но ведь ясенецкая керамика ещё не самая архаичная в милоградской культуре. Явно древнее неё должна быть посуда из могильника Народичи, а также некоторых других милоградских памятников с лебедовскими чертами. Ни один из них «жемчужин» не даёт. Согласно В.Е. Ерёмченко, «жемчужная» орнаментация милоградской посуды «уходит корнями в керамическую традицию памятников эпохи бронзы поречья Сейма, Десны, Сулы...» (Ерёмченко, 1989, с. 81). Эти территории в эпоху поздней бронзы были заняты бойдарихинской культурой (Археология Украинской ССР, 1985, с. 514–515). Но в бронзовом веке «жемчужный» орнамент также был известен и непосредственно в пределах будущего милоградского ареала, на лебедовских памятниках (Березанская, 1976, с. 204, рис. 11:61). Поэтому предположение не о лебедовском, а о бойдарихинском, фактически, происхождении этого ор-

намента в милоградской культуре выглядят довольно странно. Данных о существовании каких-либо бойдарихинско-милоградских связей пока нет вообще. Однако и простым продолжением лебедовских традиций орнаментации «жемчужины» на милоградской посуде не объясняются. Если они являются неприменным атрибутом всех частей лебедовского ареала, от Среднего Поднепровья до Центрального Полесья (Исаенко, Чернявский, 1967, с. 162), то в милоградской культуре «жемчужины» распространены отнюдь не повсеместно. В частности, «милоградцы» бассейна Горыни такой приём орнаментации не практиковали (Кухаренко, 1961, с. 5; Свешников, 1971, с. 68–81). Конечно, это вовсе не означает отсутствия здесь милоградских материалов VI–IV вв. до н. э., синхронных тому же Горошкову.

Зато такой же орнаментальный приём употребляли южновские соседи «милоградцев». В южновских комплексах «жемчужины», или «горошины», рассматриваются отнюдь не как наследие бронзового века, а как результат влияния традиции современников из соседней скифской лесостепи. На Сейме оно чувствительнее, чем на лежащем севернее Подесенье (Левенок, 1963, с. 89). Не является ли распространение «жемчужного» орнамента также и в милоградской культуре параллелью его проникновения в южновскую среду именно из скифской лесостепи? Чтобы выяснить это, вероятно, необходимо сопоставить по возможности подробные данные о распространении в милоградском ареале, с одной стороны, этого орнамента, и, с другой, находок вещей скифских типов. Говоря о последних, мы имеем в виду как скифский импорт, так и предметы местного производства, воспроизводящие скифские образцы и подтверждающие, таким образом, скифское влияние. Нужную информацию содержат табл. 1 и карта-схема (рис. 4); номера памятников на обеих совпадают. В общей сложности учтено 73 объекта – практически все памятники с милоградскими материалами, которые когда-либо подвергались сколько-нибудь значительным раскопкам. В качестве примечания к таблице укажем, что как памятники с «жемчужной» керамикой в ней фигурируют и те, где доля таких находок не больше десятой части процента. Видимо, это должно усилить надёжность результатов. Если наличие «жемчужной» орнаментации посуды и, соответственно, вещей скифских типов рассматривать как качествен-

ные признаки учтённых памятников, то для выявления устойчивых сочетаний обоих может быть применен коэффициент связи, рассчитанный по Формуле Кеидзла. Такая операция неоднократно применялась для анализа археологического материала (Белецкий, 1979, с. 91):

$$\frac{(AB) \times (ab) - (Ab) \times (aB)}{(AB) \times (ab) + (Ab) \times (aB)}$$

где АВ – совпадение обоих признаков, ав – отсутствие обоих, Ав – первый без второго, аВ – второй без первого. Выполним расчёт по этой формуле:

$$\frac{22 \times 34 - 8 \times 9}{22 \times 34 + 8 \times 9}$$

Итак, обнаруживается значительная (0,82) сопряжённость между присутствием «жемчужин» и скифских вещей на милоградских памятниках. Карта показывает, что в Среднем Приднепровье, где милоградские памятники располагались чересполосно со скифскими лесостепными, «жемчужинам» всегда сопутствуют находки скифских вещей. Там «милоградцы» заимствовали у скифских соседей также и другие орнаментальные приемы: защипы по верху веичика, сквозные проколы, налепные валики, которые постоянно встречаются на лепной керамике лесостепного Правобережья на протяжении всей скифской эпохи (Ковпаненко и др., 1989, с. 50, 101, рис. 7: 1–17). Тесное соседство сказало даже на ассортименте употребляемой среднеднепровскими «милоградцами» посуды – упомянем, хотя бы, скифскую миску из Подгорцев (Археология Украинской ССР, 1986, рис. 53: 8). Похожее сочетание вещей и керамики даёт также могильник Десиянка, где в кургане № 5 был найден скифский сосуд биконической формы, совершенно несвойственной милоградской культуре (Шекуи, 1995, рис. 1: 4). Севернее границы распространения скифских древностей, уже в лесной зоне, милоградские памятники, давшие «жемчужный» орнамент (реже также ещё валики и проколы), в большинстве сосредоточены в двух районах. Это правобережья верхнего Днепра и средней Припяти (восточнее устья Горыни). Оттуда также происходит и большинство известных на памятниках лесных «милоградцев» вещей скифских образцов (Рассадин, 1992, рис. 1). Получается, что присутствие «жемчужин» на посуде милоградских памятников представляет интерес прежде всего как указание на наличие у оставившего их населения контактов со скифской лесостепью. В плане же хронологической атрибуции такой орнамент есть не более, чем свидетельство принадлежности украшенной ими милоградской посуды к скифскому пятистолетию.

Поиск какой-то другой признак милоградской керамики, временные рамки которого будут еще. В своё время О.Н. Мельниковской была составлена таблица, в которой профили веичиков были объединены в три хронологических блока: VI–IV вв. до н. э., III–II вв. до н. э., I в. до н. э. – I в. н. э. (Мельниковская, 1967, рис. 45). Потом некоторые стали пользоваться этой таблицей как эталоном, или определителем.

«Параўнанне веічыкаў з гарадзішча Ястрабка з датаванай керамікай археолага В.М. Мельнікоўскай гарадзішчаў Мілаград, Гарошкаў, Асарэвічы, Мохаў, пішет М.І. Лошэнков, дае магчымасць датаваць ix IV – III стст. да н. э.» (Лашанкоў, 1983, с. 39). Однако на основе её же таблицы М.И. Лошэнков попытался установить датировки конкретных ястребских веичиков с точностью уже до одного столетия. Например, относящиеся к раннему этапу датируются им не VI–IV вв. до н. э., как у О.Н. Мельниковской, а одним лишь V в. до н. э. Положим, что VI в. до н. э. был выпущен из-за отсутствия «жемчужного» орнамента, а также упомянутого выше ошибочного представления о ранней дате булавки-«репера». Но IV в. до н. э. выпущен М.И. Лошэнковым уже без комментариев и вопреки его же утверждению, приведенному выше (Лошэнков, 1994, с. 61). Датируя следующую группу веичиков также одним III в. до н. э., М.И. Лошэнков снова противоречит и О.Н. Мельниковской, и самому себе. Ведь у О.Н. Мельниковской вплоть до II в. до н. э. продляется средний милоградской этап, а у М.И. Лошэнкова – существование милоградской Ястребки (там же, 1994, с. 63, 68). Но дело даже не во внутренней противоречивости, а в отсутствии оснований для «узкой» датировки незначительных обломков милоградских горшков. Рассмотрим, для примера, «эталонные» профили, датированные М.И. Лошэнковым III в. до н. э. К этому столетию О.Н. Мельниковская отнесла только одну керамическую серию – из постройки на Борховском городище. Ее возраст определен по найденной там же железной посоховидной булавке с перекрученным стержнем. О.Н. Мельниковская ссылается здесь на находку В.А. Ильинской на Басовском городище, которая по её мнению датируется IV – III вв. до н. э. и аналогична находке на Борхове (Мельниковская, 1967, с. 91, 107, рис. 37: 13, 47: 19, 21). Но, во-первых, басовская булавка не имеет такой твердой даты. Среди вещей, отнесенных В.А. Ильинской к IV – III вв. до н. э., заключительному периоду Басова, она вообще не фигурирует, так как происходит не из закрытого комплекса, а просто из слоя городища. Его же рамки, по В. А. Ильинской, довольно широкие – VI–III вв. до н. э. (Іллінська, 1952, с. 40, табл. 1: 31). Почти так же широко (V–III вв. до н. э.) датирован В.Г. Петренко и второй экземпляр посоховидной булавки с витым стержнем, известный в скифских древностях Каменского городища (Петренко, 1978, с. 17). Во-вторых, булавка из Басова близка борховской лишь приблизительно. Басовская не железная, а бронзовая, и стержень её в несколько раз длиннее. Говоря об аналогах находки из Борхова, надо иметь в виду булавку из днепродвинского городища Кострица на Витебщине, которая и по материалу (железо), и по размерам, а также по конструкции, тождественна интересующей нас милоградской. Нов Кострице представлены и псалии VI–V вв. до н. э., и серпы I – VI вв. н. э. Кострицкий аналог борховской булавки В.И. Шадыро помещает среди железных днеп-

родвинских булавок первых веков н. э. (Шадыро, 1985, с. 54–59, 64–65, рис. 38: 7). Таким образом, датировать в постройке на Борхове как булавку, так и серию веичиков именно III в. до н. э. нет достаточных оснований. Борховская керамика, равно как и вообще не сопровождающаяся датирующими вещами глыбовская, лишена определённой хронологической атрибуции. Согласно О.Н. Мельниковской, кроме Глыбова и Борхова, керамика III в. до н. э., точнее, III–II вв. до н. э., представлена ещё только в Горошкове, в одном комплексе с кладом 1954 г. (Мельниковская, 1967, с. 107). Выше подробно рассматривался вопрос о хронологии горошковских кладов. Видимо, приведённые аргументы не позволяют придерживаться предлагавшегося О.Н. Мельниковской варианта их временной атрибуции. Какого возраста милоградские веичики из Ястребки на самом деле, не ясно из-за отсутствия на этом городище вещей, датирующихся лучше пары упомянутых античных бус III в. до н. э. – II в. н. э. Однако М.И. Лошенковым упоминается о находках на этом городище единичных обломков зарубинецкой керамики (Лашанкоў, 1983, с. 39; 1994, с. 66). По О.Н. Мельниковской, такие включения – признак позднего этапа милоградской керамики и принадлежности её к I в. до н. э. – I в. н. э. (Мельниковская, 1967, с. 107). Как было замечено А.В. Ильютик, одинаковые по профилировке веичики у О.Н. Мельниковской датируются I в. до н. э. – I в. н. э., а у М.И. Лошенкова – III в. до н. э. (Ильютик, 1998, с. 27). Вывод из выше сказанного закономерен.

По её же тогдашнему наблюдению, веичики из городищ бассейна Березины находят соответствия не только в милоградской, но и в днепродвинской культуре. Не стоит лишней раз напоминать о принципиальных различиях между посудой этих культур, мелкие обломки которой, однако, выглядят весьма похоже. Итак, есть основания полагать, что гораздо более значимыми также и хронологически могут оказаться пропорции целых милоградских сосудов, или, во всяком случае, их верхних – до уровня максимального расширения – частей. Известно множество вариантов методики получения и обработки данных пропорций древней посуды (см., например: Генинг, 1973, с. 114–125; Русанова, 1976, с. 10–11, рис. 1; Обломский А.М., 1985, с. 96, 103). В сравнении с ними использованный в свое время О.Н. Мельниковской выглядит самым простым. Ею учитывалось соотношение только двух мерных признаков, общей высоты и наибольшего расширения сосуда. Но, при одинаковых максимальных диаметрах и высотах, у тех же горшков, к примеру, могут сильно различаться высоты отдельных частей, веичиков, плечиков и придоний. При учёте лишь двух параметров горшки с достаточно несхожими пропорциями частей попадали в одни и те же группы. О.Н. Мельниковская различила три группы сосудов: яйцевидные, с высотой больше диаметра; шаровидные, у которых они примерно равны; и приземистые, где высота уступает диаметру. Деле-

ние, конечно, чисто условное, так как на самом деле чётких граней между сосудами этих групп нет. Отнесение к той или иной из них, занимающей промежуточное положение, осуществлялось произвольно, что, хорошо видно в таблице (Мельниковская, 1967, с. 98). Другим недостатком данной методики является суженность области её применения. На изучение сосудов, сохранившихся только в верхней части, до уровня максимального расширения корпуса, она не рассчитана. Но ведь численно они превосходят сохранившиеся в полный профиль. Принято считать, что общие очертания сосудов изменению во времени подвержены в меньшей степени, чем очертания их верхних частей, веичиков и плечиков (Русанова, 1976, с. 11). Всё же О.Н. Мельниковская попыталась обосновать предположение, что эволюция милоградской посуды вела к появлению, наравне с яйце- и шаровидными, также и приземистых сосудов. По её мнению, это произошло не ранее I в. до н. э. и обусловило хронологическую специфику поздних милоградских керамических серий, представленных, как она считает, в Чаплине, Мохове II, Колочине I, Горошкове и, прежде всего, в Милограде (Мельниковская, 1967, с. 107–110). Но среди сосудов трёх первых памятников не представлено ни одного, который можно было бы рассматривать не как шаровидный или яйцевидный, а именно как приземистый (Третьяков, 1959, рис. 10; 1960а, рис. 23: 11; Сымонович, 1963, рис. 20: в). Приземистые горшки дал только Горошков. Но они не могут относиться ко времени позднее II в. до н. э. Вообще их точный возраст не устанавливается. Наконец, из Милограда происходит серия типичных шаро-яйцевидных горшков; приземистыми можно назвать только несколько сопутствовавших им чаше- и котловидных сосудов (рис. 10). Но, если сравнить эти предметы с некоторыми чашами, добытыми в курганах Житомирщины С.С. Гамченко, то выясняется, что в смысле приземистости последние отнюдь им не проигрывают (Петров, 1963, рис. 10). Значит, такие формы присутствовали также и среди раннемилоградской посуды. Указанные обстоятельства препятствуют, как видим, тому, чтобы поддержать гипотезу о возникновении сосудов с высотой, уступающей диаметру, только ближе к финалу милоградской культуры. Мы старались преодолеть отмеченные методические недостатки. Во-первых, для целых горшков учитывалось не два, а двенадцать параметров, а пропорции каждого из них характеризовались не одним, а шестью соотношениями. Во-вторых, обрабатывались также фрагментированные (фиксировалось восемь параметров, которые давали четыре употребляемые соотношения). Это позволило несколько расширить базу классификации, которая составила 60 полностью и 40 частично реконструированных горшков. В-третьих, рассматривался материал не одного какого-то региона, а весь пригодный для этой цели и доступный нам из всего милоградского ареала. В-четвёртых, была сделана попытка заменить эмпи-

рический, описательный подход классификацией милоградской керамики на основе использования методов многомерного статистического анализа (кластер-анализ). Классификация объектов, представленных сериями точек в многомерном пространстве признаков, как известно, не может быть выполнена «на глазок», она по силам только компьютеру (Бородкин, 1986, с. 70). Первый опыт автоматической классификации милоградских горшков состоялся, благодаря консультациям и практической помощи со стороны Л.И. Бородкина и А.В. Колесникова. Классификация целых горшков была сделана по разработанному А.В. Колесниковым алгоритму (Колесников, 1988, с. 2). В результате 60 сосудов разделились на 12 классов (I–XII), из которых в восьми оказалось представлено лишь по одному объекту. Интересно, что такие независимые классы образовали не только выделяющиеся своим явно немилоградским обликом сосуды, как корчага позднескифского типа из Куриловки, или оба грушевидных из Дубоя (Лагодовська, и др., 1956, рис. 3: 2; Кухаренко, 1961, табл. 1: 2, 8), но и некоторые другие. Например, дубойский же плоскодонный горшок с сильно расширенным туловом или горошковский круглодонный, настолько широкогорлый и слабо профилированный, что по очертаниям приближается к котелкам (рис. 7: 29–30). Остальные четыре класса оказались более многочисленными, включая от трёх до девятнадцати объектов (рис. 7: 1–28). С точки зрения хронологической интерпретации наибольший интерес представляет класс I, куда вошли только два дубойских горшка. Их пропорции тождественны: невысокий относительно плечика венчик, тулово овальное в сечении по вертикали, а высота плечика и придонья примерно равны. Заметно, что из милоградских именно эти плоскодонные горшки более других сопоставимы с лебедовскими, точнее, со вторым их типом (яйцевидные), согласно классификации С.С. Березанской (Березанская, 1976, с. 204, рис. 10: 6–10). Сосуды этого класса выше и уже, чем в двух следующих: в классе II они обладают высоким плечиком, но низким придоньем, а в классе III – наоборот. О хронологической или локальной обособленности обоих этих классов говорить не приходится. Здесь мы найдем горшки из явно раннего кургана в Дубое, с одной стороны, и из Луки-Райковецкой, Горошкова, Подгорья – с другой. В равной степени широки и хронологический, и территориальный диапазоны класса IV: от Забороля до Куриловки, Погребов и Милограда. Итак, результат автоматической классификации оказался несколько неожиданным. Выявилось, что между пропорциями горшков, принадлежащих к двум разным, как считалось, ведущим типам (шаровидным и яйцевидным), больше общего, чем различного. Получается, что их следует рассматривать как единый тип. Он был универсален не только для всех периодов развития милоградской культуры, но и для всех частей её ареала. Таким образом, выявление единого типа, опровергнув ап-

риорное расчленение на шаро- и яйцевидные, всё же подтвердило вывод О.Н. Мельниковской о единообразии и морфологической стабильности милоградской посуды и её трактовку керамики в качестве одного из самых устойчивых элементов этой культуры (Мельниковская, 1967, с. 116).

Знаменательно, что классификация в отдельности верхних частей горшков в целом удостоверяла существование типа IV, установленного для целых горшков. Из девятнадцати входящих в него сосудов четырнадцать и здесь попали в одну отдельную группу (кластер 3), тогда как принадлежащих к классам I–III в ней не оказалось (рис. 8). Многомерная классификация сотни верхних (венчик + плечико) частей милоградских горшков по восьми признакам осуществлена с помощью алгомеративно-иерархического метода, разработанного Л.И. Бородкиным (математическое обеспечение процедуры классификации, см.: Бородкин, Промахина, 1984, с. 270–275; Бородкин, 1986, с. 67–73). Результаты построения данной классификации наглядно представлены в виде деидрограммы (рис. 9), на которой, в соответствии с использованным Л.И. Бородкиным приёмом, цифрами в кружках показаны Евклидовы «расстояния», характеризующие как степень сходства объектов внутри отдельной структурной единицы (кластера), так и степень близости этих структурных единиц между собой (Бородкин, 1986, рис. 3). К примеру, число 0,26 показывает, что данное «расстояние» фиксирует уровень, уже достаточный для обособления от массы милоградских верха одного явно немилоградского сосуда, позднескифской корчаги из Куриловки, образовавшей свой собственный кластер. Эта «расстояние» может рассматриваться и как помечающее предел минимально необходимого сходства между объектами, попадающими в один кластер. Их выделяется одиннадцать. По-видимому, этот способ выделения соответствует обязательным требованиям выбора необходимого числа кластеров. Кроме верха корчаги из Куриловки, обособились также верхи обоих дубойских грушевидных сосудов (рис. 8: 74, 92). Итак, верхние части милоградских сосудов составили восемь кластеров, которые в свою очередь принадлежали к четырём хорошо различимым на деидрограмме ветвям – макрокластерам. Оказалось, что обособленное положение занимают кластеры 6, 7 (макрокластер В), 9, 10 (макрокластер С), 11 (макрокластер D), в которые вошли, за исключением двух горошковских и дубойского, только верхние части горшков из нижнесожских городищ (рис. 8: 89–100). Все эти сосуды из Посожья обладали широкими устьями, невысокими венчиками на высоких плечиках. Очевидно, наличие горшков с такими пропорциями верхних частей есть локальная особенность милоградского керамического комплекса Левобережья Верхнего Поднепровья, и, как видим, достаточно отчётливая. Деидрограмма показывает, насколько обособлен макрокластер А от практически нижнесожских, В, С, D. Между

тем, в этом слабодифференцированном макрокластере оказалось сосредоточенной основная масса изучавшихся объектов – 84 %. Особенно многочислен кластер 3. Его соответствие классу IV отмечалось; отметим ещё, что все верхние части целых горшков из класса I оказались представленными в одной из ветвей кластера 1 (рис. 8: 11–12, 14). Все же верхние части сосудов класса II вошли в особую ветвь другого кластера 5 (рис. 8: 77–81). Класс III рассредоточен по нескольким кластерам.

Итак, значительное совпадение результатов двух автоматических классификаций как целых горшков, так и их верхних частей двумя различными методами позволяет ещё увереннее говорить о том, что пропорции милоградской посуды этой категории вряд ли зависят от её хронологии. Наличие класса I и его соответствие части кластера 1 – вот и всё, что в полученных классификациях несёт временную нагрузку. Но этому противостоит, например, присутствие в одних и тех же кластерах верхних частей и дубойских горшков, и горшков из жилищ на Милограде (рис. 8: 5, 7, 12, 24, 26). Ветвистость иерархической схемы обусловлена преимущественно локальной спецификой части классифицированного материала, происходящего из Нижнего Посожья. Скорее всего, его особенности – проявление воздействия керамических традиций южновосточной культуры, памятники которой на левобережье Нижнего Сожа соседствуют с милоградскими. Пропорции верхних частей, обособившихся при классификации горшков из Подгорья, Присна, Любен достаточно близки пропорциям соответствующих частей типично южновосточных сосудов Подесенья. Несомненно сходство и в профилировке (Левенок, 1957, рис. 2; 1963, рис. 5). Получается, что по своей хронологической значимости пропорции милоградских горшков вряд ли намного превосходят их профилировку.

Далее, была сделана попытка истолкования в качестве хронологических признаков некоторых нюансов ассортимента милоградской посуды. Согласно О.Н. Мельниковской, в сериях старше III в. до н.э. не представлены «сосуды со срезанным верхом» (Мельниковская, 1967, с. 106–107), или котлообразные, согласно употребляемой нами терминологии. От чаш их отличает наличие плечей, а от горшков – отсутствие венчиков. Впрочем, на том же Горошкове есть «котловидные» горшки и «горшковидные» глиняные котелки, не уступающие горшкам по высоте и функционально вполне способные их дублировать (рис. 7: 29; 10: 16). Скорее всего, последние не что иное, как дериваты горшков. Из-за малочисленности как целых, так и фрагментированных сосудов данной категории, автоматическая их классификация, как и классификация чаш, невозможна. Но и визуально нетрудно заметить, что практически все варианты их пропорций и профилировки имеют аналоги среди таковых у горшков. Определить точную хронологию этих сосудов, по-видимому, невозможно. В Милограде

выявлены приземистые сосуды, а в Горошкове, наоборот, вытянутые; котелки с высокими плечиками представлены также и в Глыбове (рис. 10: 7–9, 17, 18). Но хронологические ли, а не локальные это отличия? К тому же для серий с этими котлами и их обломками из Борхова и Глыбова, на которые ссылается О.Н. Мельниковская, надёжные датировки отсутствуют, во всяком случае, III в. до н.э. для Борхова не доказан. С другой стороны, на памятнике, уверенно датированном гораздо более ранним временем, – самым началом скифской эпохи – на Ясенецком I городище – обломки котлообразных сосудов представлены (Залашка 1979, с. 223). В Луке-Райковецкой есть обломки мисок, украшенных «жемчужным» орнаментом (Гоичаров, 1963, рис. 4: 2, 3). Согласно известным положениям О.Н. Мельниковской, этот приём орнаментации должен был исчезнуть ещё накануне появления «сосудов со срезанным верхом».

Надежда интерпретировать плоскостность части милоградских горшков как более или менее точный хронологический признак, наверное, тоже напрасна. Вспомним, как при классификации их целые экземпляры в большинстве своем не обособились, а разделились по группам, обнаружив таким образом большее, чем между собой, родство с соответствующими круглодонными горшками. Впрочем, группировка на основании сходства пропорций точно также независима от наличия или отсутствия «жемчужин», как и какого-либо другого вида орнаментации. В Асаревичах плоскостные сосуды, по О.Н. Мельниковской, многочисленны, как нигде в Верхнем Поднепровье (Мельниковская, 1967, с. 104). Она объясняла это возрастом памятника: не позднее IV в. до н.э., с чем имеются основания не согласиться. Судя по приведенным выше датировкам бусин, «милоградцы» обитали в Асаревичах и веком позднее. Значит, допустимо, что дело тут не в хронологии. Асаревичи среди верхнеднепровских милоградских городищ едва ли не самое близкое к подгорцевским селищам. По-видимому, Асаревичи лидируют также и по степени скифизации. Именно отсюда О.Н. Мельниковской было получено более половины выявленных ею в Беларуси скифских наконечников стрел, около половины общего числа аптичных бусин, наибольшее число обломков посуды с «жемчужинами» (Мельниковская, 1967, с. 70, 94, 104). Как основное её отличие от употреблявшейся «милоградцами» на верхнем Днепре круглодонной Е.А. Петровская в свое время отметила плоскостность посуды «подгорцевцев» на Днепре среднем (Петровская, 1971, с. 11). Может, в плоскостности керамики Асаревич надо видеть свидетельство не её архаичности, а просто большей близости к культуре подгорцевских селищ? Конечно, логично предполагать, что в милоградской культуре плоскостные сосуды должны быть древнее круглодонных, ведь в «материнской» для неё лебедовской культуре круглодонность отсутствует. Однако это соображение не может автоматически

подтверждать старшинство любого милоградского плоскодонного сосуда перед круглодонными, ведь неизвестно, как рано появились вторые, и как долго с ними существовали первые.

Наконец, нельзя не упомянуть и о попытке установить хронологию милоградской посуды Беларуси по составу примесей. Л. Д. Поболь, характеризуя особенности самой ранней милоградской, по его мнению, керамики, утверждал: «Она представлена теми же формами и типами орнамента, что и на городищах. Разница лишь в том, что в своей основной массе догородищенская керамика в качестве примеси содержит растительные остатки в виде травы или, вероятно, сена, а более поздняя – городищенская – в своей основе в качестве отощителя имеет дресву или песок, а на Полесье – шамот» (Поболь, 1983, с. 70). Ранее им же керамика с растительными примесями из Знаменки, бывш. Слепцы, уроч. Скотомогильник на Туровщине определялась как милоградская, но имеющая «явные следы бронзового века» (Поболь, 1969, с. 10). Конечно, интерпретация растительной примеси в качестве наследия традиций бронзового века выглядит неожиданной. Наверное, следует разобраться с этим подробно.

Специалисты утверждают, что на территории Беларуси в тесте керамики той эпохи «уже почти не встречаются такие характерные для неолита примеси, как трава или толчёные раковины. В бронзовом веке, как правило, в тесто примешивается песок, дресва и другие неорганические примеси» (Очерки..., 1970, с. 114). Растительные добавки долго использовались в Подвинье. На будущей милоградской территории – в Припятском Полесье – уже в позднем неолите, наравне с растительными применялись также минеральные добавки. Нередко они комбинировались (Исаенко, 1973, с. 74). Начиная с раннего её периода, в эпоху бронзы минеральные господствуют и в Полесье, и в Верхнем Поднепровье. В шнуровой, среднеднепровской, тшинцевой, сосницкой, лебедовской керамике как отощители использовались песок, дресва, толчёный камень (гранит, кремль), шамот – в общем-то тот же набор веществ, что позже использовался и «милоградцами» (Артёмко, 1967, с. 14; Очерки..., 1971, с. 124, 126; Березанская, 1976, с. 114, 191; Калечиц, 1987, с. 113; Мельниковская, 1967, с. 97; Свэшников, 1971, с. 75). Присмотримся внимательнее к керамике, опубликованной Л. Д. Поболем в качестве ранней милоградской, из так называемых «стоянок-селищ». Во-первых, вопреки выше процитированному его высказыванию, среди этой керамики довольно широко представлена и такая, которая среди достоверно милоградской на городищах не встречается никогда, даже в самых ранних комплексах. Там нет этих утолщённых, отогнутых наружу веичков, срезанных наискось или имеющих валик под краем. Нет «чётчного» орнамента, отпечатков мелкозубчатого штампа или шнура сверху (Поболь, 1983, рис. 91: 25, 27; рис. 93: 31). Впрочем, в них легко узнаются обломки горшков

лебедовской культуры, тем более, что во всех пунктах, откуда они происходят, выявлены материалы разных периодов бронзового века. Культурно-хронологическая принадлежность некоторых, в том числе и веичков из Знаменки (Поболь, 1969, рис. 8: 9 – 15) трудно определима или вовсе не выясняется, и это во-вторых. Не исключено, что часть из них, с «жемчужным» орнаментом под краем веичика и растительной примесью в тесте, относится к эпохе неолита. Это вполне допустимо в отношении мелких обломков из Берёзовки, Вербович, Дернович (Поболь, 1983, рис. 91: 11, 20, 24). На каждой из этих «стоянок-селищ», помимо проблематично милоградских, выявлены определённо неолитические находки (Исаенко, 1968, с. 39, 48, 50). По нашему мнению, уже по причине отсутствия достоверно раннемилоградской керамики с растительными добавками в тесте, предложенный Л. Д. Поболем приём хронологизации вряд ли может быть принят. Отсюда вытекает и скептическое отношение к соответствующей части информации и выводов В. Е. Ерёмко, использовавшего тот же приём (Ерёмко, 1989, с. 78, 86, рис. 2).

Итак, кажется, все признаки милоградской посуды, имевшие хоть какую-нибудь перспективу временной атрибуции, рассмотрены. В результате пришлось признать, что определённым хронологическим значением обладают только «жемчужный» орнамент, да ещё пропорции пары архаичных горшков. Впрочем, не говоря о единичности горшков дубойских очертаний, уже сама малочисленность «жемчужин» и налепных валиков, а также отсутствие их на значительной части милоградских памятников скифского времени, резко снижает их значение как основания для хронологической атрибуции того или иного комплекса. Тем более, что бытовали «жемчужины» в милоградской культуре на протяжении большей части её истории. По-видимому, вряд ли стоит надеяться, что удастся создать для этой культуры на основе её керамики хронологическую схему, которая смогла бы дублировать таковую, опирающуюся на датированные по аналогам находки из металла и стекла. Конечно, обнаружение орнаментов наподобие имеющегося на веичках из Народичского II могильника, представляющего явную реминисценцию эпохи бронзы, или нанесённых по верху веичков из Ворновки, Ленина, Щаткова и Янова, тождественных практиковавшемуся зарубинецкими современниками и соседями верхнеднепровских «милоградцев», способствует уточнению хронологических аспектов. Но пока это редкие исключения, число которых в процессе изучения милоградских древностей увеличивается крайне медленно. Согласно Л. Д. Поболю, обломки посуды есть самый главный вещественный источник милоградских памятников (Поболь, 1983, с. 10). С этим можно согласиться, если иметь в виду массовость таких находок – но не их информативность. К примеру, по сообщению М. И. Лошенкова, наполовину раскопанное им городище

Ястребка дало огромное количество фрагментов посуды – 2385. Но вешиков из них было всего 180 штук (Лашанкоў, 1983, с. 39). Соотношение типичное: всегда абсолютно преобладают обломки стенок, неотличимые от обломков круглых днищ. Невозможно установить, горшку, котелку или чаше они принадлежат. Вешики же часто настолько фрагментированы, что по ним ни о пропорциях, ни о профилировке, ни о размерах милоградских сосудов судить невозможно.

В заключение рассмотрения хронологически значимых находок из милоградских памятников объясним, почему некоторые из считающихся таковыми нами не упоминались, как, например, те же «рожковые», четырёх-семилучевые глиняные грузики. М.И. Лошенко пытается датировать их «ранним этапом милоградской культуры – VI–IV стст. до н.э., а магчыма і больш ранній парой» (Лашанкоў, 1989, с. 76, рис. 1: 1–14). Выше нами уже указаны некоторые аналоги этих незамысловатых вещей, представленные на самых разных в культурном и хронологическом отношении памятниках. Впрочем, ещё раньше В.С. Вергей отмечала, что крестовидные грузики встречаются на памятниках не только милоградской, но и других культур (от комаровской до скифской). Исследовательницей никакого хронологического значения за ними, по-видимому, не признаётся (Вергей, 1996, с. 91). Но трудно найти его также и для некоторых металлических находок, наподобие тех же булавок с кольцевым навершием. Как мы упоминали, такая булавка из

Шепотович была датирована А.И. Дробушевским и М.И. Лошенко IV–II вв. до н.э., несмотря на то что приведённые ими её аналоги I в. н.э. Но самостоятельно М.И. Лошенко вскоре стал датировать такие булавки уже только III в. до н.э. «Такіх шпілек, – пише он, – на помііках цэнтральнабеларускага арэала культуры штрыхавнай керамікі іяма» (Лашанкоў, 1997, с. 153, мал. 1: 10–12), и это совершенно неверно. А.Г. Митрофановым была опубликована железная булавка с кольцевым завитком из верхнего горизонта Лабенщины (Митрофанов, 1978, 21: 29). Гораздо в большем количестве железные булавки с такими же элементарно кольцеобразными навершиями представлены в северной Беларуси. На основании многочисленных аналогов из Прибалтики, Смоленщины, Волго-Окского междуречья В.И. Шадыро предлагает датировать этот тип днепродвинских железных булавок концом I тысячелетия до н.э. – началом нашей эры (Шадыро, 1985, с. 63, рис. 38: 18–24) А.М. Медведев булавку этого же типа из городища культуры штрихованной керамики Кашеличи по находкам в слое, где она найдена, датирует I–II вв. н.э. (Медведев, 1996, с. 28, рис. 48: 2). Однако, с другой стороны, подобные несложные булавки известны и в средней (Gedl, 2003, рис. 7: 2), и в поздней бронзе (Березанская, 1976, с. 210, рис. 2: 25–27, рис. 7: 25), а также в архаической Скифии VII–VI вв. до н.э. (Степи европейской..., 1989) табл. 41: 6, 7). Неудивительно, что датировка, с помощью таких булавок, тоже оказалась, как видим, довольно «эластичной».

ГЛАВА III.

АРЕАЛ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

§ 1. Границы и эволюция милоградского ареала

В методике определения межкультурных рубежей эпохи железного века на западе восточноевропейской лесной зоны представлены два подхода. Первый восходит ещё к А.Н. Лявданскому, который проводил на карте Белорусской ССР четкую «демаркационную» линию через Слуцк – Бобруйск – Рогачёв – Оршу, ооконтурившую с севера ареал памятников, аналогичных по своей культуре южным городищам («типа североукраинских»), то есть как раз типа именуемых сейчас милоградскими (Лявданский, 1932в, с. 56). Тем же методом, с привязкой к современным географическим ориентирам, были намечены границы максимального распространения подгорцевских памятников на юг и милоградских на запад, север и восток. По В.Н. Даниленко, самым южными подгорцевскими местонахождениями являются Букрин на правом и Рудяки на левом берегу среднего Днепра, то есть пункты, находящиеся на линии Ржищев – Переяслав-Хмельницкий (Даниленко, 1953, с. 199). О.Н. Мельникова также упоминает милоградские пограничные памятники, Дубой в устье Горыни, и Холопеничи на Птичи. По её мнению далее в восточном направлении линия границы проходит через устье Березины, пересекает Днепр в районе Жлобина – Рогачева, потом Сож в районе Кричева, а также Ипуть в районе Новозыбока (Мельникова, 1967, с. 17–18). Другой подход был предложен П. Н. Третьяковым. «Говоря о границах распространения культуры древних смоленских городищ – писал он, – нельзя не отметить, что границы эти, даже там, где они были хорошо прослежены, повсюду являются очень неопределёнными. Это замечание в равной мере относится к границам всех других культур «раннего железного века» в лесной полосе Восточной Европы. Между отдельными культурами лежали широкие зоны с более или менее смешанной материальной культурой. Такое явление наблюдалось на границах не только близких и родственных культур, но и на границах культур, значительно отличающихся друг от друга, например, милоградской и литовско-белорусской со штрихованой керамикой» (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 21).

Каждый из этих подходов имеет свои «за» и «против». Следуя первому, мы, например, довольно точно представим себе пределы, которые милоградский ареал достиг при своём максимальном расширении. А ареал археологической культуры представляется

одной из наиболее динамических её характеристик. История создателей этой культуры, их перемещения, взаимоотношения с соседями, запечатлены в виде зон смешения и контактов, которые как-то блекнут и теряются из виду, если принимать в расчёт только обнимающие эти зоны максимальные рамки ареала. С другой стороны, возникает сомнение, правильно ли, в соответствии со вторым подходом, считать границы ареала культуры непременно чем-то аморфными, следовательно, малозначимыми? Да и так ли уж неопределёнными были все межкультурные рубежи древности? Известно, что не все. Вспомним, например, о длительном разделении Полесья на две самостоятельные культурно-исторические области, западная из которых в скифское время принадлежала лужицкой и поморской культурам, а восточная – милоградской. Согласно Ю.В. Кухаренко, граница этих областей, проходившая по Ясельде – Горыни и по Припяти между их устьями, была неизменной многие столетия (Кухаренко, 1965, с. 24). Полосы же со смешанной материальной культурой здесь нет. Привлекает возможность использовать сильные стороны означенных подходов, сочетая оба: конечно, не синкретически, а органически. Итак, есть задача попытаться, во-первых, проследить разрастание территориального ядра милоградской культуры вплоть до достижения максимальных границ распространения её памятников. Во-вторых, установить, где эти границы выглядели как чёткие рубежи, а где они представляют собой «полосы смешения». И в-третьих, надо бы выяснить причины возникновения каждой такой полосы.

Принципиальным представляется вопрос о том территориальном ядре, из которого развивается милоградский ареал. Согласно В.Е. Ерёмченко, милоградская культура складывается на основе местных культур эпохи бронзы (Ерёмченко, с. 86). Культуры эти им прямо не названы. Во всяком случае, лебедовскую к их числу В.Е. Ерёмченко не относит, поскольку ей, наравне с лужицкой и высоцкой, им отводится лишь роль источника внешнего влияния на сложение милоградских древностей, соответственно, на среднем Днепре, западном Полесье, Волыни. Отмечается также, что древности кануна эпохи железа на юге – юго-востоке Беларуси известны пока слабо. «Отчасти этот пробел, – пишет В.Е. Ерёмченко, – восполняют собранные Л.Д. Поболем и картографированные нами памятники с чертами эпохи бронзы (рис. 2),

основное скопление которых было обнаружено в Белорусском Полесье» (Еремёнко, 1989, с. 78). Выше мы пытались объяснить, почему нельзя считать одной из черт эпохи бронзы наличие керамики с растительными примесями. Нередко такая керамика ещё и украшена «жемчужинами», чем дополнительно подчёркивается её неолитический возраст. Но в других случаях основанием для картографирования «стоянок-селищ» были единичные обломки керамики эпохи ранней – средней бронзы, что также было оговорено. Они «возникли» также из-за сообщений, в частности, К.М. Поликарповича, о находках на стоянках каменного века нескольких (или даже одного) фрагментов керамики «типа городищ» (см., например, соответственно: Поболь, 1983, с. 236, № 115, с. 262, № 458 и Паликарпович, 1928, с. 173, № 35; 1930, с. 446, табл. 20: 15). Согласно А.Г. Митрофанову, использование опубликованных Л.Д. Поболем сведений, в том числе о «стоянках-селищах», из-за допущенных многих неточностей, ошибок, искажений, связано с большим риском (Митрофанов, 1986, с. 286 – 293). К сожалению, В.Е. Ерёменко широко и некритически воспользовался этими сведениями. В результате все, за единственным исключением, «милоградские памятники с чертами бронзового века» (ср. по Л.Д. Поболю, «милоградская культура бронзового века») оказались только в пределах Беларуси. Сосредоточение этих «стоянок-селищ» на востоке Белорусского Полесья, по нашему мнению, не является надёжным основанием для предпочтения данного региона другим при определении исходного ядра милоградской территории.

Мы исходим из того, что милоградская культура раннего железного века есть потомок памятников лебедовского типа позднего бронзового века. Следовательно, милоградский ареал надо считать развившимся из лебедовского (рис. 11). Согласно С.С. Березанской, центр распространения лебедовских древностей охватывает территорию Киевщины между Припятью и Росью, а также Черниговщину между Днпром и низовьями Десны. Южная граница лебедовского ареала может быть проведена по Роси, а восточная – по Суле (Березанская, 1976, с. 190; 1982, с. 74, рис. 2). Северные и западные рубежи менее чётки, однако ясно, что их надо наметить в пределах современной Беларуси. «Лебедовцы» обитали на верхнем Днепре, где им принадлежали упомянутое поселение Заспа и курганный могильник Прибор, в бассейне нижней и средней Припяти (поселения Копотоп, Загорин, Знаменка, Хильчицы) (Каваленя, Шутаў, 1930, с. 360–361; Исаеико, Чернякский, 1967, с. 162). Бухличский хутор в низовьях Горыни и Озерное в бассейне Орессы подтверждают значительное распространение лебедовской культуры в западном и северном направлениях (Кривальцевич, 1994, с. 128, мал. 8; Кривальцевич, 1999, с. 34, мал. 34: 1 – 3, 6 – 8). Итак, вписываясь в основном, в милоградский, лебедовский ареал на юге – юго-востоке выходил за его пределы. Что можно сказать о причинах некоторого перемещения «лебе-

довцев» на север и запад? Хорошо известно, что поздняя ступень чернолесской культуры отмечена широкой экспансией её носителей. Очевидно, что вместе с другими соседями «чернолесцев» от неё могли пострадать также и носители лебедовской культуры. Оттеснённые, они, наверное, ушли с берегов Роси. Насколько массовым был этот отход, мы пока не знаем, но можно предполагать, что он привёл к расширению лебедовского ареала в нынешней Беларуси. Если следовать А.И. Тереножкину, в финале предскифского периода осёдлое население Среднего Поднепровья подвергалось и нашествию воинственных степных кочевников-киммерийцев. Судя по оставленным следам, их военные отряды достигали даже окраин лесной зоны (Тереножкин, 1976, с. 202, рис. 1). По Ю.В. Буйнову, давление киммерийцев испытывали и восточные соседи «лебедовцев», носителей бондарихинской культуры, вынужденных из-за агрессии степняков покинуть обжитые места и также перебраться на север, в Подесенье, где от них произошла юхновская культура (Буйнов, 1979, с. 86, 89). Возможно, «киммерийский фактор» сходным образом повлиял также на трансформацию ареала генетических предшественников «милоградцев». Но если степная волна неминуемо должна была схлынуть, то осёдлые носители позднего Чернолесья на Киевщине обосновались (Тереножкин, 1961, рис. 1). Считалось, что лебедовского населения в Среднем Поднепровье не осталось – предполагалось, что оно было или изгнано, или ассимилировано поздними «чернолесцами», а подгорцевские потомки «лебедовцев» вернулись сюда уже в скифское время (Березанская, 1976, с. 218 – 219; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 276). Согласно В.Е. Ерёменко, в VI в. до н. э. Киевщину населяли потомки обитателей «стоянок-селищ» с чертами эпохи бронзы, концентрацию которых, на основании данных Л.Д. Поболя, он отмечает в восточной части Белорусского Полесья (Еремёнко, 1989, с. 86). Но качество этих данных, видимо, не позволяет надеяться, что эти гипотетические восточнополесские предки «милоградцев» составят успешную конкуренцию носителям лебедовской культуры, генетическая связь которой с милоградской достаточно очевидна. К тому же непонятно следующее. Если, как считает В.Е. Ерёменко, жители восточного Полесья покинули родные места из-за набегов скифов, то почему они искали спасения в Среднем Поднепровье, то есть, на вражеской территории? Интерпретация датирующего материала с новых позиций позволяет предполагать, что в Среднем Поднепровье, как и в Белорусском Полесье, наблюдается хронологический стык между лебедовской и милоградской культурами (например, в Козинцах). Территорию Киевщины, по нашему мнению, нельзя исключить из числа тех, где происходило сложение милоградской культуры. Получается, что область совместного проживания носителей разных культур Среднее Поднепровье стало ещё в предскифскую эпоху. Итак, первым вариантом про-

исхождения коитактных зон в милоградском ареале надо считать следующий: уже предки «милоградцев» и «скифов» Киевщины, соответственно местные «лебедевцы» и «чернолесцы», расселялись чересполосно, что и унаследовали их потомки. Возможно, в таком же направлении и с такими же результатами развивались события и восточнее, в верхней части бассейна р. Тетерев. Здесь, в районе Житомира, с одной стороны, известны древности позднечернолесского – раннескифского времени (Тереножкин, 1965, с. 23, 26; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 286–287), а с другой – милоградские тех же возрастов (Махно, 1949, с. 205–211; Гончаров, 1963, с. 288, 290).

Восточнее, в Киевском Заднепровье и на Черниговщине, соседями «милоградцев» являлись левобережные скифы. В. А. Ильинская считала их носителями посульского варианта собственно скифской культуры. Наверное, это были беспокойные и даже опасные соседи. По мнению Е. Е. Черненко, исконная трасса кочевнических набегов шла левым берегом Днестра, через низовья Десны. Её отмечают курганы степных воителей, известные здесь при Борзне и Загоровке (Черненко, 1987, с. 82). Территория, занятая местной деснянской группой милоградских памятников рассматривается как часть области формирования этой культуры в целом (Жаров, Шекун, 1991, с. 22). Заметно, однако, что на Левобережье «милоградцам» достались далеко не все земли, которые принадлежали здесь их лебедевским предшественникам. Часть заняли «юхновцы» Черниговщины: они обосновались близ бывших лебедевских поселений у Мезина и Гришевки, продвинулись по Десне и ниже, до рр. Борзна и Сейм, соорудив в устье последнего упомянутое выше Шебалинское городище (Мельниковская, 1968, с. 233; Березанская, 1976, с. 191; Ковальова, 1979, с. 85–88).

Следующим событием, вызвавшим существенные изменения очертаний их ареала, был выход «милоградцев» на среднюю Горынь и занятие ими района теперешнего г. Ровно (Свэшников, 1971, рис. 1). Согласно Л. И. Крушельницкой, они застали там носителей культуры могильянского типа, частично их вытеснив (Крушельницка, 1974, с. 24, рис. 4; 1976, с. 81). На Горыни, по нашему мнению, возник другой, отличающийся от среднеднепровского вариант взаимодействия милоградской с иной культуры. Здесь тоже наблюдается соседство милоградских памятников с инокультурными: висоцким Деревянним, лужицким Морочно, потом с поморским Крыловом (Кухаренко, 1966, с. 12; Исаенко, 1984, с. 357; Крушельницка, 1968, с. 194, 198). Но местная милоградская культура окрасилась влиянием культуры соседей, особенно сказавшимся, на наш взгляд, в погребальном обряде, не только и не столько благодаря прямому проникновению висоцкого населения, хотя какие-то его группы, по данным Ю. В. Кухаренко, достигали даже берегов р. Ствига на Туровщине (Кухаренко, 1965, с. 12). «Милоградцы» Погорынья оказались вблизи терри-

тории, пересеченной в бронзовом – начале железного веков важнейшими путями сообщения между центром и востоком Европы. Согласно Л. И. Крушельницкой, Прикарпатье и запад Волыни представляли собой тогда зону активных коитактов, где аккумуляровались элементы не только соседних, но и отдаленных культурных центров. По её мнению, такая оригинальная культура, как висоцкая, сама по себе не что иное, как продукт этих коитактов (Крушельницка, 1985, с. 141). Видимо, данная такая оценка ситуации на западе Волыни ставит под сомнение правильность представления о чрезвычайной слабости коитактов с внешним миром местных «милоградцев» (Ерёменко, 1989, с. 87). Ведь их памятники в бассейне Горыни обнаруживают глубокое висоцкое влияние. Видимо, посредством висоцкой и какая-то часть милоградской культуры была втянута в сферу действия тогдашних европейских интеграционных процессов, в результате чего и возник её особый западноволынский, или горынский, локальный вариант. Скифское воздействие в нём мало ощутимо; во всяком случае, висоцкое над ним явно преобладает.

Следующее существенное расширение ареала милоградской культуры привело к образованию коитактной зоны по третьему варианту, отличающейся своим происхождением от возникших как на Киевщине, так и на Ровенщине. Имеется в виду приход «милоградцев» в бассейн Южного Буга, расселение их среди коренных скифских жителей этих мест. В исследованных к настоящему времени милоградских памятниках, Жемельницах, Куриловке, Мизякове, Лепесовке, Коськове, отчетливо видно влияние этой местной среды (Лагодовська и др., 1956, с. 19; Лобай, 1977; Крушельницка, 1985, с. 92; Терещук, Терещук, 1985, с. 90–92). С другой стороны, в эту среду могли проникать элементы пришлой культуры, о чём говорит, например, упоминавшаяся находка типичного подгорцевского навершия на здешнем скифском селище Сорока.

Итак, в теперешней Украине южную часть милоградского ареала окаймляет, в основном, полоса смешения милоградских и скифских лесостепных памятников, проходящая, примерно, от Винницы – Хмельницкого на Житомир и Фастов и далее до Переяслава (Ильинская, Тереножкин, с. 228, карта). Трудно пока утверждать, имела или эта полоса своё продолжение также и восточнее, на Черниговщине. С одной стороны, такой скифско-подгорцевской чересполосицы, как на соседней Киевщине, здесь, конечно, уже не наблюдается. Судя по составленной В. А. Ильинской карте, на реках Остре и Удае, где отмечаются лишь единичные их курганные захоронения, кочевые скифы постоянно не обитали (там же, с. 306). Зато по Удаю и его притокам были открыты большие – от 7 до 30 га – городища скифской культуры, датированные, предварительно, IV–III вв. до н. э.: Городня, Плоское, Сребное, Сулак. Судя по публикации, среди скифской, а также аитичной амфорной, там представлена и милоградская керамика (Жаров, Жарова, 2003, рис. 4:

3, 10). Возможно, здесь также имело место сосуществование милоградского и скифского населения в пределах одного и того же поселения, как и на городищах Веприк и Ходосовичив Среднем Поднепровье (Батуревич, 1991, с. 18–19).

В отличие от Нижнего Подесенья, в Припятском Полесье существовала скорей разделительная межа, чем коитактная зона. По соседству, в среднем–верхнем течении крупных правых притоков Припяти концентрируются памятники разных культур: на Стыри лужицкие и высоцкие (Крушельницька, 1976, карта II), а на Горыни милоградские. И так, стырско-горынский водораздел играл тогда роль не только природного рубежа. Кстати, конечно, вряд ли стоит игнорировать замечание такого высококлассного специалиста, как Л.И. Крушельницкая, насчёт возможной лужицкой атрибуции некоторых западнополесских находок. По её мнению, комплекс, выделенный в своё время Ю.В. Кухаренко, невыразителен. Из типично лужицких вещей здесь найдено только два браслета – в Горбове. Что касается керамики, то сам этот исследователь характеризует её как лужицкую только с оговорками. Эта керамика собрана в основном на территории, где потом существует поморская культура, а, как известно, критериев для отделения керамики лужицкой от ранних форм подклёшево-поморской мы пока ещё не имеем (Крушельницька, 1976, с. 39). Это аргумент вовсе не в пользу предположения В.Е. Ерёмченко об особом лужицком влиянии на милоградские древности запада Полесья. Кстати, в чём оно сказывалось конкретно, он не уточняет (Ерёмченко, 1989, с. 78). Наконец, вспомним, что некоторые местонахождения милоградской культуры, например, в Кринице у г. Беловежа на Белостотчине, локализуется гораздо западнее, а поморской могильник в Камне на р. Бобрике – гораздо восточнее намеченной Ю.В. Кухаренко границы (Gorska, 1976, s. 109–134; Исаенко, 1984, с. 357). Однако, отмеченные случаи, вряд ли что-то иное, чем следы спорадических дальних передвижений отдельных мелких групп, хотя, возможно, их и следует приурочить, вслед за В.Е. Ерёмченко, именно к последней трети IV в. до н. э. Тогда, по его мнению, из-за давления кельтов какая-то часть «поморцев» вынуждена была переместиться на восток (Ерёмченко, 1989, с. 88, рис. 4). Однако серьёзных изменений вроде оттеснения «милоградцев» или массового поселения пришельцев на их территории, видимо, не произошло. Основная поморская территория не простиралась далее теперешнего Пинска, а сплошная зона милоградских поселений начинается восточнее его (Нікіціна, 1964, рис. 2; Вергей, 1996, рис. 1).

«Милоградцы» с левых притоков Припяти – Лани, Случи, Птичи, и Орессы – были сперва соседями населения, оставившего городища типа нижнего горизонта Лабенщины, а после поглощения их «штриховиками» – и соседями этих опасных пришельцев с северо-запада, захвативших здесь также много первоначально милоградские поселения, например, упо-

минавшиеся Сорочи. Юг Минщины насыщен городищами, внешний облик которых зачастую сходен. Внести ясность в вопрос о проходящей где-то здесь границе ареалов культур милоградской и штрихованной керамики, о времени и причинах перемещения этой границы, могли только результаты раскопок. Оказалось, например, что Холопеничское имеет отношение только к милоградской, городища Ленино и Мысли – только к культуре штрихованной керамики, а городище Ивань – к ним обеим (Егорейченко, 1982, с. 69–71; 1996, с. 23; Гурин, 1981, 359; 2000, с. 24–39). Как уже отмечалось, сопоставление датировок из комплексов обеих культур из северной части Белорусского Полесья позволило А.А. Егорейченко сделать вывод о том, что в I в. до н. э. – I в. н.э. местные «милоградцы» подверглись экспансии сперва со стороны «зарубинцев», а потом и «штриховиков», обосновавшихся на этой территории. И так, коитактная зона вдоль северополесского рубежа милоградского ареала образует следующий, четвертый вариант: вселение на милоградскую территорию носителей иной культуры, в данном случае штрихованной керамики.

А как развивались взаимоотношения «милоградцев» и «штриховиков» на соседней территории правобережья Верхнего Днепра, в бассейне нижней Березины и Друти? П.Н. Третьяков считал, что в низовьях Березины вплоть до устья издревле проживали носители культуры штрихованной керамики, продержавшиеся там вплоть до рубежа н. э. и помешавшие продвижению вдоль Днепра «зарубинцев» (Третьяков, 1966, с. 231). Совсем другого мнения держался Л.Д. Поболь. «В связи с находками такой керамики со штрихами в Щаткове, писал он, можно было считать, что на этом городище имеются отложения культурного слоя культуры штрихованной керамики. Но подобному предположению противоречит полное отсутствие форм сосудов, характерных для упомянутой культуры: горшки баночных типов, горшки ребристых типов с зашипами по ребру и др. Отсутствуют здесь также и другие предметы материальной культуры, хорошо известные в городищах культуры штрихованной керамики: пряслица, напоминающие собою шляпки гриба и др.» (Поболь, 1967, с. 197). Действительно, если по средней Березине «штриховикам» удалось завладеть всеми городищами типа нижнего горизонта Лабенщины, то в нижнем её течении такой же успех им явно не сопутствовал. Считается, правда, что немного восточнее, на Друти, «штриховикам» повезло больше. А.И. Дробушевский для так называемой рогачёвской подгруппы предполагает исторический сценарий, обратный реконструированному для Полесья. Если там, согласно А.А. Егорейченко, милоградцы были вынуждены уступить сперва «зарубинцам», а потом «штриховикам», то здесь, по предположению А.И. Дробушевского, они сперва испытали воздействие «штриховиков», и только потом оказались в сфере зарубинецкого влияния (Дробушевский, 2000, с. 63). Как было

сказано выше, заселения жилища из раскопа IV на городище Милоград «штриховиками» мы не признаём. А штриховка, или расчёсы на посуде из Рогачёвского городища в устье Друти, из расположенных выше по Днепру Зборова, Кистеней и Янова (Поболь, 1969а, с. 88–100; 1974, с. 222; Льюцік, 1985, с. 78), а также из многих городищ Посожья, в том числе Чечерского и Шепотовичского (Дубінскі, 1928, с. 280–281; Ляўданскі, 1932б, 54–61) заслуживают, по нашему мнению, такой же интерпретации, как на Холопеничах. Холопеничская керамика также имела штриховку, но, замечает на этот счёт А.А. Егорейченко, «ввиду того, что ни баночные, ни острорёберные формы горшков, характерные для культуры штрихованной керамики, на городище не обнаружены, нет оснований связывать штрихованные обломки сосудов с вышеуказанной культурой» (Егорейченко, 1982, с. 70). К тому же, теперь проводится чёткое различие между «классической» штриховкой и расчёсами, которые рассматриваются в качестве не балтийской северной, а западной – латенской – традиции, устойчиво сохранявшейся в зарубинецкой культуре (Третьяков, 1982, с. 58; Лопатин, 2003, с. 210). По нашему мнению, восточнее Березины свидетельств экспансии «штриховиков», по существу, не обнаружено. По-видимому, её направлением был не восток, а юг.

Но, помимо «штриховиков», предполагалось проникновение в бассейн Друти ещё и носителей днепродвинской культуры (Седов, 1969, с. 120, 122, рис. 1). Основываясь на результатах подробного разбора относящихся к ним данных, Л.Д. Поболь высказался против предложенной В.В. Седовым атрибуции многих городищ (Поболь, 1974, с. 138–140). Его аргументы в отношении большинства этих памятников достаточно веские. Бесспорно, что на них представлены разновременные материалы. Некоторые городища, обозначенные В.В. Седовым как днепродвинские, могут вообще не иметь отношения к эпохе старшего железа. На наш взгляд, лаконичные сведения В.Р. Тарасенко, на которые только и ссылается В.В. Седов, недостаточно надёжное основание для означенной атрибуции, например, Черенковского городища. В.Р. Тарасенко сообщает о находке в 1930 г. на этом памятнике обломков лепной гладкостенной керамики, рисунков не приводится. После повторного обследования оказалось, что гладкая лепная керамика из Черенков не днепродвинская, а колочинская (Тарасенко, 1932, с. 238; Збор помнікаў..., 1986, с. 365). С другой стороны, поддержать сомнения Л.Д. Поболя относительно днепродвинской принадлежности древнейших напластований на Девичьей Горе в Мстиславле определённно не позволяют результаты раскопок Л.В. Алексеева (Поболь, 1974, с. 139; Алексеев, 1963, с. 76, 78). Только такая же принадлежность предполагается также и для расположенного в 40 км южнее старшего Кричевского городища «Городец». Однако результаты раскопок на нём, опубликованные А.А. Метельским, не выглядят однозначно. Для

керамики из основания культурного слоя найдутся, конечно, ещё и милоградские аналогии. Согласно А.А. Метельскому, «ияма дакладных аналогій» медной подвески-кольца, украшенного волотообразными завитками (Мяцельскі, 2003, с. 10, мал. 9, 10, 16). Это, по-видимому, не так, поскольку гораздо ближе к ней, чем умбоновидные бляхи из Батек и Буракова такая же, только двухоборотная, подвеска с тремя волотами и ушком наверху, обнаруженная в Старом Однополье. Оттуда происходит уже целая серия украшений, частично опубликованных, дающая основание предполагать наличие разрушенного могильника милоградской культуры (Археалогія..., 1999, мал. 31: 4, 8, 10). Кроме того, нельзя, конечно, сбрасывать со счетов результаты раскопок на этом же городище М.А. Ткачёва, несмотря на отмеченную выше необоснованную попытку их дискредитации. М.А. Ткачёвым не только утверждалось, но и подтверждалось наличие милоградской и зарубинецкой керамики, такой же, как и, к примеру, в Чечерске, так же и в Кричеве (Ткачёв, 1974, рис. 4). Другое дело, что кроме неё, в его отчёте приведены изображения обломков также и днепродвинской посуды, однако, в наличии на данном памятнике, в силу его пограничного местоположения, и той, и другой нет ничего удивительного: наоборот, этого надо было ожидать. Однако на расположенном всего в 15 км к северо-востоку от Кричева Волчасском городище днепродвинские материалы отсутствуют, зато милоградские представлены довольно хорошо. При раскопках здесь были обнаружены, например, образцы «жемчужного» орнамента, а также подвеска подгорцевского типа (Рассадин, 1988, с. 376–377). Следующее после старшего Кричевского вниз по Сожу городище раннего железного века – Славгородское, шурфорка которого также подтвердила наличие милоградской керамики (Штыхов, 1969, с. 72, рис. 4: 4). Если А.А. Метельский основывается на материалах раскопа в Кричеве площадью 214 кв. м, то М.И. Лошенко – только на материалах одного из шурфов, там же, размером 4 x 4 м, выполненном А.А. Метельским. «В свете новых данных, которыми располагает автор, – пишет он, – расселение милоградского населения по реке Сож несколько не достигало Славгорода» (Лошенко, 2002, с. 32). Что это за данные, которые опровергают, результаты М.А. Ткачёва, Г.В. Штыхова, а также наши, он, опять же, умалчивает. Известно, однако, что как раз до Славгорода границу днепродвинской культуры на Соже доводит Е.А. Шмидт (Шмидт, 1992, с. 206). Но Е.А. Шмидт основывается, однако, не на каких-то новых, а на данных своей совместной с белорусскими археологами разведки 1969 г. (Будько и др., 1970, с. 298).

По нашему мнению, также и раскопками городища на р. Волчасье было подтверждено предположение П.Н. Третьякова, что по Сожу область милоградских городищ доходит до Кричева (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 21). Попытка несколько расширить её за счёт неко-

торых пунктов южнее Мстиславля вряд ли была удачной. Л.Д. Поболь считал, что городище Городок III дало здесь зарубинецкую и милоградскую керамику, тогда как близлежащее – Городок II – зарубинецкую и днепродвинскую. Но при сравнении опубликованных им небольших серий веичиков из этих обоих Городков легко убедиться в их тождестве, ровно как и в том, что близких милоградским среди них нет (Поболь, 1974, с. 237, рис. 81: 12–17).

Днепродвинские городища Смоленщины, согласно Е.А. Шмидту, вплотную подходили к границе Беларуси по рр. Вихра, Сожа, Остёр, Беседь и Ипуть (Шмидт, 1976, рис. 31, 35, 42, 61, 64). С другой стороны, на Брянщине в районе Красной Горы некоторые городища дают уже юхновские находки (Поболь, 1974, с. 352; Кашкин, 1975, с. 53). Где именно на левобережье Сожа соприкасались «юхновцы» и «днепродвинцы» с «милоградцами», пока не ясно. Благодаря исследованиям В.И. Шадыро городища Каничи, а также нескольких соседних с ним на Беседи около г. Костюковичи удалось установить, что, по его замечанию, «ДДК на Беларусі межавала з юхнаўскімі паселішчамі» (Шадыра, 1998, с. 88–97). «Милоградцы» же, на наш взгляд, вряд ли далеко продвинулись по междуречью Беседи и Сожа. Милоградская культура, однако, ещё хорошо представлена на городище Нисимковичи восточнее г. Чечерска (Рассадин, 1984, с. 367–368). Выяснилось, что полевые его притоки к Сожу юхновская территория подходит немного плотнее, чем считалось. Уваровичское городище расположено в сожском Правобережье, но и здесь отмечено некоторое юхновское влияние (Дробушевский, 1991, с. 26). Юхновские материалы дали городища Казацкие Болсуны, Светиловичи, Новые Громыки на Беседа, Вылево на Ипуте и Яново в их междуречье. В верховьях правого притока Сожа, р. Ути, там, где сходятся границы трёх восточнославянских государств, нами было исследовано типичное милоградское городище, Ленно (Рассадин, 1984а).

Итак, на Гомельщине восточная граница милоградского ареала проходила по низовьям Покати, Беседи и Ипуте. На Черниговщине эта граница проводится по р. Снову, а милоградско-юхновская коитактная зона помещается южнее, на территории Сосницкого степка (Жаров, Шекуи, 1991, с. 22). Завершая наш экскурс вокруг милоградского ареала, сделаем одно замечание относительно изменения рубежей на его восточной окраине. «Милоградцам» здесь удалось несколько расширить свою территорию вверх по Ипуте, потеснив своих юхновских соседей. Мы судим об этом по результатам раскопок городища Подгорье, в основании слоя которого залегают юхновские материалы, перекрытые милоградскими напластованиями (Рассадин, 1984, с. 367–368). Некоторое своеобразие милоградской культуры в Подгорье, особенно заметное в керамическом комплексе, где наравне с типично милоградской посудой представлены тяготеющие к юхновской традиции экземпляры, обуслов-

лено, конечно, контактами с соседями. Но вряд ли милоградское проникновение в юхновскую среду бассейна Ипуте было таким значительным, что привело к возникновению здесь коитактной зоны. Во всяком случае, по этой реке они вряд ли продвинулись далее разрушенного теперь Вылевского городища, где среди юхновских, в своей основной массе, находок можно обнаружить отдельные милоградские. Материалы же древнейших среднеиупутских городищ соседней Брянщины представляют смешанные юхновско-зарубинецкие, а не юхновско-милоградские серны (Куликов и др., 1974, с. 62–63). Обратим также внимание, что расстояния между соседними юхновскими и милоградскими городищами на Ипуте и Беседи превышают таковые между однокультурными поселениями в глубине их ареалов. Здесь, наверное, уместно вспомнить, что, согласно Тациту, в его время германцы от племен имдаков и сарматов были отделены горами и «взаимным страхом», то есть, необитаемой нейтральной полосой (Тацит, 1949, с. 222). По-видимому, ещё не утратили своего научного значения данные, опубликованные Ф. Энгельсом, который писал, что у племен с родственными языками эта полоса была уже, чему разноязычных, и что между германцами и славянами в раннем средневековье, например, тоже был такой защитный лес, буквально, «Branibor», откуда позднее немецкое «Brandenburg» (Энгельс, 1976, с. 99).

Следуя предложенной трактовке ареала археологической культуры, как одной из её наиболее динамических характеристик, мы должны рассматривать территорию расселения «милоградцев» в очерченных границах максимального распространения оставленных ими памятников в качестве условного предельного рубежа, до которого развитие ареала шло по восходящей, а после которого, соответственно, по нисходящей. Рубеж этот был достигнут, скорее всего, в IV в. до н. э., когда, по нашему мнению, «милоградцы», полностью овладевшие на предыдущем этапе расширения ареала бассейном Горыни, проникли также и на Южный Буг. Датированные вещи, время бытования которых, безусловно, приходится также и на IV в. до н. э., известны во всех уголках всей громадной территории распространения милоградских памятников. Датировки, по крайней мере, части этих находок могут быть продлены также и до III в. до н. э. включительно. Итак, IV – III вв. до н. э. – время оптимального состояния милоградского ареала; видимо, это было также и время существования наиболее благоприятных условий для развития самих «милоградцев».

На наш взгляд, одним из этих условий была интеграция большей их части в состав грандиозной культурно-политической общности Северного Причерноморья во главе со скифами «царскими». Скифизация милоградской культуры хорошо чувствуется и не только в тех частях, где её носители проживали чересполосно с носителями лесостепной скифской культуры. Милоградская металлургия – производство орудий труда и оружия, даёт не меньше основания для

наименования себя «скифо-днепровской», чем известная тогда на Смоленщине (Третьяков, Шмидт, 1963, с. 20). Набор милоградских украшений, также как и серии из юхновских и смоленских городищ, несёт печать скифской ювелирной традиции. Отметим ещё, что с некоторыми образцами раннелатенских украшений верхнеднепровское население, согласно П.Н. Третьякову, могло познакомиться благодаря посредничеству тех же скифов (Третьяков, 1970, с. 210). При выяснении палеоэтнографического облика милоградской культуры то и дело обнаруживались элементы, которые можно считать, с одной стороны, несомненно, скифскими лесостепными по происхождению, а с другой – общими для «милоградцев», «юхновцев» и «днепродвинцев» Смоленщины, и, наконец, с третьей – отделяющими вышеперечисленные группировки от культуры ранней штрихованной керамики, памятников типа нижнего горизонта Лабенщины и западнодвинского варианта днепродвинской культуры. Связи оставившего их населения были ориентированы не на юг, а на север, в Прибалтику. Свидетельство тому – полное господство, или, во всяком случае, несомненное преобладание инвентаре изделий не южных, скифских, а северных – прибалтийских – образцов. В связи с этим, в виде отступления, заметим, что оригинальная и продуктивная концепция «семимирья» М.Б. Щукина (Щукин, 1989, с. 56 – 58) нуждается, на наш взгляд, в некоторой корректировке. IV-й «мир смешанных лесов», обнимавший, по его мнению, древнебалтийские милоградскую, юхновскую, днепродвинскую и культуру штрихованной керамики, очевидно, не был таким единым. Южная, смоленско-милоградско-юхновская, часть этого мира, возможно, наряду с финно-угорскими ананьинской и лесостепным вариантом городецкой культур, явно тяготела больше к VI-му «миру». В него, по нашему мнению, кроме скифов и близких им культурно степняков, обязательно надо включать скифизированное население восточноевропейских лесостепей. Благоприятное воздействие прочных контактов со Скифией на развитие обитателей юго-восточной Белоруссии, Брянщины и Смоленщины, кажется, не нуждается в подробной аргументации. Его роль неоднократно и совершенно однозначно отмечается во многих работах: на некоторые из них мы уже ссылались. Добавим к этому лишь небольшую иллюстрацию. В.И. Шадыро специально подчеркнул застойность западнодвинского варианта изучавшейся им культуры по сравнению с её смоленским (Шадыро, 1985, с. 111). Из числа причин большого прогресса «днепродвинцев» Смоленщины, гораздо раньше заменивших каменно-костяную индустрию железной, вряд ли можно изъять влияние скифского юга (Шмидт, 1992, с. 107). Конечно, «милоградцы» располагали гораздо большими, чем их смоленские современники, возможностями контактов со скифами: они не нуждались в посредничестве, прямо и непосредственно соседствуя с ними в южной части своего ареала.

Видимо, для полноты характеристики милоградского ареала в IV – III вв. до н. э. необходимо указать на его двучастное деление – по линии, проходящей несколько севернее границы леса и лесостепи. К югу от неё «милоградцы» проживали большей частью чересполосно со скифами, здесь пролегла широкая коитактная зона. Впрочем, в определённом смысле коитактной зоной можно считать и земли северных, лесных «милоградцев» – хотя бы уже потому, что через их территорию шёл водный путь по Днепру. Согласно Й. Херрману, этот путь в I тыс. до н. э. был важной торговой дорогой, по которой скифские импорты поступали на Смоленщину (Herrman, 1985, S. 148, Abb. 1). По-видимому, без учёта роли, значения и масштабов скифского влияния на милоградскую культуру трудно понять также её дальнейшую судьбу, в том числе и быстрое разрушение всего огромного ареала во II в. до н. э. Но мы считаем, однако, что новый (он же последний) период милоградской культуры начался на столетие раньше, уже где-то на рубеже IV – III вв. до н. э. вследствие финала Большой Скифии. Такая утрата культурной метрополии привела к прекращению (полному, или практически полному) регулярного поступления в милоградский ареал не только скифских, античных и, по-видимому, основной массы раннелатенских импортов, но также и новых идей – как технических, так и художественных. По-видимому, милоградскими умельцами воспроизводились только те из соответствующих образцов, которые уже были ими ранее усвоены: клиновидные топоры, гвоздевидные булавки, рубчатые браслеты и т. д.

М.И. Лошенко попытался объяснить само исчезновение «милоградской общности» непосредственно теми же причинами, что и гибель самой Великой Скифии, изменением природно-климатических условий в сторону их ухудшения вследствие усыхания южнорусских степей, а также вражескими нашествиями с востока и запада. «Оба этих фактора, – пишет он, – привели в течение III в. до н. э. к постепенному угасанию милоградской культуры» (Лошенко, 1994, с. 69). Позже В.Е. Ерёмченко тоже были упомянуты те же удары сарматов. Передвижки степного населения, по его мнению, обязательно должны были отразиться также и на обитателях южной части лесной зоны, то есть, на «милоградцах» (Ерёмченко, 1997, с. 47).

Остановимся на этом подробнее. Во-первых, относительно климатических изменений, а именно масштаба последствий усыхания. Вряд ли аридизация таврических степей и, как следствие, подрыв основы скотоводства у кочевавших там скифов «царских», автоматически означала хозяйственную катастрофу также и для «милоградцев» в заболоченных местностях Полесья. Скорее даже наоборот. Согласно данным палеоклиматологии, как раз на III в. до н. э. пришлось окончание трансгрессивной фазы, холодной и влажной (Шнитников, 1973, с. 9, рис. 1). Так что

на юге лесной зоны среда обитания должна была тогда скорее улучшиться. Впрочем, в том же III в. до н. э., согласно известиям письменных источников, в южной Европе были избыточно влажными целых четырнадцать лет, в которые вымокали посевы, а население потом голодало (Бараш, 1989, с. 15). Вторых, относительно вражеской экспансии С.В. Полиным был обоснован следующий принципиальный вывод: никаким набегом не может объясняться исчезновение скифского кочевого и оседлого населения в степи и лесостепи Северного Причерноморья на рубеже IV – III вв. до н. э. По его мнению, из-за заведомого превосходства скифской кавалерии, как тактического, так и стратегического, это в принципе было не под силу пешему войску кельтов. К тому же, всё это кельтское нашествие с запада предполагается на основании одного-единственного источника – знаменитого декрета в честь Протогена. Но ведь декрет этот, безусловно, появился позднее, так как он «узко» датируется 180 – 170 гг. до н. э. К тому же, упомянутых в этом декрете «галатов» С.В. Полин, как многие и многие другие, тоже считает бастарнами – то есть, соплеменниками германских скиров, совместно с которыми они и угрожали Ольвии, а также жившим окрест неё туземцам, согласно данному декрету (Полин, 1992, с. 30, 32, 88). Сославшись на сделанный С.В. Полиным историографический обзор этих мнимых завоеваний Скифии как кельтами, так и сарматами (Лошенко, 1994, с. 69), М.И. Лошенко совершенно проигнорировал его основные выводы, в том числе по части хронологии. Ведь гипотетическое «исчезновение милоградцев» именно в III в. до н. э. никак не удастся поставить в связь с переселением сарматов, если принять во внимание доказательства С.В. Полина. Они свидетельствуют, что никакого завоевания Большой Скифии ни с запада, ни с востока на самом деле не было, а сарматы переселились в Северное Причерноморье, когда скифы уже давно покинули свои прежние места обитания. В бывшей Скифии первые сарматские захоронения были совершены лишь в II – I вв. до н. э., и это хорошо согласуется с их древнейшим упоминанием в Северном Причерноморье, которое содержит херсонесский декрет в честь Диофанта 110 / 109 гг. до н. э. С другой стороны, он решительно отказывает в обоснованности первому появлению сарматов в Скифии, близ Сиваша, уже в конце IV в. до н. э., по Д.А. Мачинскому (Мачинский, 1971, с. 46). Одного только сходства в описаниях интенсивности и зловония этого залива у Страбона, с одной стороны, и некоего безымянного озера в Сарматии у Гераклида Поитийского (390 – 310 гг. до н. э.), с другой, для их отождествления, согласно С.В. Полину, ещё недостаточно (Полин, 1997, с. 85, 88, 94, 97, 146). Но В.Е. Ерёмченко давление кочевников даже и на лесных «милоградцев» связывается именно с этим, якобы, появлением сарматов в Присивашье уже в IV в. до н. э. А «подгорцевцы», по его мнению, тогда же вынуждены были вообще оста-

вить свои лесостепные края и уйти на север, в леса (Ерёмченко, 1989, с. 88; 1997, с. 47). Однако нет ни малейших следов ни военного, ни мирного соприкосновения с сарматами ни на милоградских памятниках Верхнего, ни на подгорцевских Среднего Поднепровья. Здесь, между реками Стугна и Тясмин, согласно А.В. Симоненко, какое-то сарматское племя, или даже целый союз племён, обосновалось только в I в. н. э. (Симоненко, 1981, с. 52). Ранее этими кочевниками были разгромлены поселения оседлых жителей среднего Днепра, но это были отнюдь не подгорцевские селища, а уже зарубинецкие городища. Хотя сарматы и поселились в южной его части, в Среднем Поднепровье подгорцевские отложения оказались перекрытыми вовсе не сарматскими, а зарубинецкими (Максимов, 1982, с. 77 – 78, 156). Известно, что для ведения кочевого хозяйства очень удобна лесостепь, а в лесах номады наведывались, главным образом, за яском и ясырями. А вот «зарубинцы» и среди этих лесов желали, как говорили древние, земли и воды, покусившись тем самым не только на целостность, но и на само существование милоградского ареала, как такового.

Наверное, не стоит выдумывать причину постигшей «милоградцев» катастрофы в виде некоего кельтского или сарматского нашествия, когда она давно лежит на поверхности. Тем более, что самим же М.И. Лошенковым в сожжении одного из жилищ городища Милоград уже обвинялись отнюдь не галлы или номады, а балтские «штриховики». Согласно А.А. Егорейченко, их мощное вторжение в северную часть милоградского ареала произошло в I в. до н. э. Однако носители культуры штрихованной керамики осуществили эту свою экспансию уже по следам зарубинецкого вторжения в Полесье. Здесь «зарубинцами» было захвачено, например, Холопеничское городище (Егорейченко, 1996, с. 73). Имея тот же тип и примерно такой же уровень хозяйства, «зарубинцы» нуждались в угодьях и даже в местах поселения, уже занятых «милоградцами». Взаимоотношения, сложившиеся в Верхнем Поднепровье между этими конкурентами во второй половине II в. до н. э., были раскрыты в общих чертах П.Н. Третьяковым. «Скорее всего, – писал он, – «милоградцы» были вынуждены покинуть свои поселения в результате военных поражений. ... зарубинецкие племена первоначально селились здесь на захваченных ими милоградских городищах» (Третьяков, 1970а, с. 38). Им же предполагалось, впрочем, что какая-то часть «милоградцев» не была изгнана, а подверглась ассимиляции, усвоив зарубинецкую культуру и исполняя для неё роль одного из субстратов (Третьяков, 1960, с. 40). Впрочем, как и прежде, всё ещё продолжает оспариваться даже сама эта идея постепенного поглощения милоградской культуры. Интересно, что верхний её рубеж определяется практически одинаково: первой половиной – началом III в. до н. э. – и у Л.Д. Поболя, и у В.Е. Ерёмченко, несмотря на то, что первый всегда настаивал на наличии у неё генетической связи с заруби-

нецкой, а второй между ними предполагал лауну в целых 100 – 150 лет (Поболь, 1971а, с. 176 – 177; Ерёмко, Журавлёв, 1992, с. 71; Ерёмко, 1997, с. 59). Концом III – началом II вв. до н. э. датирует финал милоградской культуры на верхнем Днепре А.И. Дробушевский. В отличие от В.Е. Ерёмко, её роль субстрата им отнюдь не отрицается. В частности, по его мнению, одна из ведущих форм зарубинецкой посуды, сильно профилированный округлобоний горшок, могла быть унаследована из милоградской культуры (Дробушевский, 2000, с. 51). Результаты исследований Е.В. Максимова убедительно свидетельствуют, что и в Среднем Поднепровье подгорцевские памятники также послужили субстратом для местного варианта зарубинецкой культуры (Максимов, 1972, с. 127). Кстати, их пример демонстрирует, как круто меняется судьба «милоградцев» с самого начала зарубинецкого времени. С носителями местного варианта скифской культуры «подгорцевцы» много веков успешно сосуществовали бок о бок, не теряя своей самобытности. Появление здесь носителей новой культуры обернулось для них стремительной ассимиляцией. Кроме того, вторжение «зарубинцев», по-видимому, способствовало последовавшему вслед за ним нашествию «штриховиков», завершивших разгром остатков милоградского ареала около рубежа н. э.

Зарубинецкая культура точно охарактеризована как днепровский, или восточноевропейский, латен, но это ещё не определяет этнос её носителей (Третьяков, 1966, с. 209; 1982, с. 34). Нами оно определяется как германский, а зарубинецкую культуру, вместе с бесспорно родственной ей пояншти-лукашевской, мы связываем с историческими бастарнами. Зарубинецкой их части соответствовали, на наш взгляд, племена атмонов и сидонов, известных по Страбону «Географин». После возвращения бастарнов из их балканского похода около 170 г. до н. э. к ним добавились, ещё одна группировка, – венеты, – как раз и оставившая, по нашему мнению, верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры (Рассадин, 1994б, с. 9–20; 2002, с. 112–122). В округе зарубинецкого селища Лески на Черниговщине были найдены бронзовые гривны-короны, появление которых в этих местах объяснялось в 1960-х гг. связями «зарубинцев» с населением областей кельтско-латенской культуры (Попко, 1965, с. 172–175). Это вполне соответствовало определению зарубинецкой культуры как «днепровского латена», однако раньше, в 1930 г., такие находки из Украины, также синхронизированные с этой культурой, считались одним из доказательств её германского происхождения (Tackenberg, 1930, S. 268–295). В 1990 г. речь снова идёт о таком же происхождении гривны-корон. Согласно М.Б. Шукину, это были сакральные, не предназначенные для торговли предметы, концентрация которых наблюдается в Ютландии и северной Германии (Шукин, 1993, с. 92–93; Szczukin и др., 1993). Как это уже подчёркивалось нами, для

найденного в торфе осушенного болота Киселёвского клада первоначально кельтское его происхождение предполагалось так же, как и для гривны-корон. Однако жертвы духу болот – *Sumpfmooergeist* – предполагал именно древнегерманский обычай (Рассадин, 2000, с. 20). Таким образом, освоение милоградского ареала «зарубинцами» вовсе не означало, как это долго считалось, его славянизации.

В заключение немного о двух моментах, освещение которых в какой-то мере комментирует процесс деградации ареала милоградской культуры. Расселение «зарубинцев» на север, согласно П.Н. Третьякову, шло не по самому Днепру, а по его восточным притокам, Сожу и Десне. Значит, из верхнеднепровских сожские «милоградцы» должны были первыми ощутить последствия появления зарубинецких пришельцев, чего в действительности не наблюдается. Пришлось выяснить, из каких посылок исходил исследователь. Он, считая «зарубинцев» бесспорными славянами, при реконструкции путей их расселения апеллировал к мнению лингвистов о начале славянизации Верхнего Поднепровья не с западных, а с восточных областей, к которым относится и Посожье (Третьяков, 1966, с. 40). Далее, нами уже отмечалось, что П.Н. Третьяков придерживался представления о наличии в низовьях Березины мощной балтской группировки «штриховиков», преграждавшей, якобы, «зарубинцам» путь по течению самого Днепра. Препятствие оказалось мнимым, но благодаря ему у П.Н. Третьякова и «свернули» «зарубинцы» с Днепра на Сож, в область раннеславянских гидронимов. Однако, на самом деле в низовьях последнего концентрируются милоградские городища без зарубинецких напластований (раскопки здесь велись нами на Ленинском, Любенском, Узовском городищах). Наоборот, получается, что этот милоградский «остров» запирает сожский путь для «зарубинцев». Памятников последних в Посожье южнее г. Гомеля вообще пока не выявлено. Может быть, милоградская культура здесь удержалась до самого своего финала. Таким образом, мы уже коснулись и второго интересующего нас сейчас вопроса, вопроса об остаточных частях разрушенного милоградского ареала. На верхнем Днепре таких «островов» в зарубинецком окружении сейчас выявляется, по крайней мере, два (помимо нижнесожского, и в районе Милограда). Первый датирующим материалом не обеспечен, зато находки из второго позволили утверждать его длительное существование с близлежащим зарубинецким Чаплином (Третьяков, 1966, с. 214). Согласимся с Ю.В. Кухаренко, что подобные милоградские «острова» должны были уцелеть и в Полесье, однако, вряд ли допустимо, что их культура законсервировалась и просуществовала как таковая вплоть до начала средневековья (Кухаренко, 1961, с. 12). Конечно, неизбежные процессы интеграции с соседними зарубинецкими древностями и там должны были закончиться гораздо раньше.

§ 2. Локальные различия (по данным погребальной обрядности)

Сейчас очевидно, что милоградский массив не монолитен, а распадается на ряд локальных вариантов. Различается западноволынский (горынский), восточноволынский (житомирский), припятский, или полесский, верхнеднепровский, а также подгорцевский. В составе последнего выделяется ещё идеснинская группа на Черниговщине (Мельниковская, 1967, с. 164–166; Очерки..., 1970, с. 109; Петровська., 1971, с. 9–22; Свешников, 1971, с. 68–81; Ерёмченко, 1989, с. 77). Выше шла речь о путях и сроках формирования некоторых из этих вариантов, однако пока милоградский ареал рассматривался нами в качестве некоей целостности. Действительно, в нём повсеместно обнаруживаются черты, которые и формируют облик этой культуры в целом. При этом локальные особенности милоградских поселений менее значительны, чем соответствующие различия милоградских погребений, которые, на наш взгляд, выступают наиболее рельефно. Эти различия касаются расположения могильников относительно поселений, взаиморасположения могил, а также их устройства, типа надмогильных сооружений, формы погребения и погребальной инвентаря. Видимо, будет правомерным, стремясь к выяснению локальных особенностей внутри милоградского ареала, обратиться к погребальной обрядности.

Ввиду того, что она представляет собой своеобразный источник информации, требуется сделать несколько замечаний методического характера. Наверное, разнообразие обрядовой практики отражает различия в связанных с погребальным культом идеологических представлениях милоградских общин, оставивших те или иные могильники. Предполагается, что данные представления формируются под влиянием двух важнейших факторов: социального и этнического, причём их роль в каждом конкретном случае неодинакова (Массон, 1976, С. 149, 162, рис. 17). Зависимость обряда захоронения от общественного статуса умершего достоверно определяется путем сравнения погребений одного и того же могильника. Так, например, И.И. Артёмченко были установлены особенности ритуала захоронения представителей племенной верхушки среднеднепровского населения (Ходосовичский могильник) (Артёмченко, 1964, с. 16). Подобное сравнение милоградских погребений аналогичных результатов не даёт. Если находки кладов на Горошковском городище свидетельствуют

о накоплении индивидуальных богатств, то погребения могильника при этом городище одинаковы по обрядности, инвентарю, никогда не включавшем сколько-нибудь ценных вещей. По-видимому, последнее объясняется наличием соответствующего обычая, то есть наличие преобладание не социального, а этнического фактора в погребальном культе. По-видимому, детерминированные этносом обряды милоградского, как, впрочем, и любого другого традиционного погребального культа, по их происхождению условно можно разделить на несколько групп:

1. Восходящие к «предковому» («предковым») комплексу обрядности. Примером может служить близость ритуалов прохоровских и сарматских курганных захоронений (Смирнов, 1984, с. 17).

2. Субстратные: унаследованные от обрядности ассимилированного иноэтничного населения. Примеров имеется множество: обратим внимание на женские погребения со своеобразным ритуалом в обособленных от основной группы курганах костромских могильников XI–XIII вв. н.э. По мнению Е.И. Горюновой, это были захоронения мерянских женщин, вышедших замуж за русичей (Горюнова, 1961, с. 233–234).

3. Заимствованные у соседей: восходящие к оказавшимся в конкретной ситуации престижным чертам иноэтничного погребального культа. Так, перенимался тип надмогильных сооружений (распространение на севере Украины курганов в ранней бронзе) (Березанская, 1982, с. 147) и форма погребения распространение трупосожжения в Западной Европе с началом эпохи железа) (Никитина, 1974, с. 5).

Необходимо учитывать естественное отмирание одних и возникновение других черт обрядности в процессе развития культа умерших. Известно, например, что со временем происходит замена жертвоприношений животных помещением в могилы их символических изображений, что демонстрирует рост абстрактности древней идеологии. Попытаемся дифференцировать по предложенной схеме обрядность милоградских погребальных памятников разных локальных вариантов. Определение в них соотношения обрядовых элементов разного происхождения и установление источника такового даст, по-видимому, дополнительные сведения о происхождении и соотношении самих этих вариантов.

Древнейшими милоградскими погребениями являются, по-видимому, курганные захоронения в Народицах, Гремяче и Приборе. Обрядность их идентична: кремация на стороне с помещением её результатов на горизонте или в подкурганной яме в сопровождении характерного инвентаря – кремни, бронзовые украшения и обломки специально разбитой посуды, сочетающей милоградские черты с лебедовскими. Таким образом, поиски «предковых» черт ранних милоградских захоронений определенно направляются к лебедовским могильникам. Их погребальный ритуал в своей основе тождественен описанному выше (трупосожжение на стороне вместе с металлическими деталями одежды и кремнёвыми орудиями, результаты которого помещались в яму вместе с фрагментами специально разбитой посуды) (Березанская, 1976, с. 202). Использование урн некоторых захоронениях отражает, видимо, влияние позднего Чернолесья, которое чувствуется также и в керамике (Тереножкин, 1961, с. 47; Березанская, 1976, с. 12–13).

Наиболее близка к лебедовской довольно хорошо известная обрядность милоградских могильников Верхнего Поднепровья, где исследовано около полутора сотен погребений и открыто свыше десяти могильников (Даўгяла, 1927, с. 368; Палікарповіч, 1928, с. 182, табл. XXXI: 1; Мельниковская 1967, с. 41–47; Льюцік., 1985, с. 77; Поболь, 1983, с. 268; Лошенко, Барцева, 1995, с. 87). Если судить по опубликованным данным, курганные погребения, возможно, с милоградской посудой, выявлены на Гомельщине в конце XIX в. Е. Р. Романовым близ д. Любны и Д. М. Струковым близ д. Терюха (Романов, 1889, с. 133; 1910, с. 32). Курганы с лебедовской и милоградской керамикой, практически одинаковая обрядность которых совершенно тождественна древнейшим милоградским погребениям Житомирщины, исследованы близ д. Прибор (Кривальцэвіч, Бычкоў, 1996, с. 61–76). Приборский могильник относится, по-видимому, к рубежу эпохи бронзы и железа. В сущности, отличие самых ранних милоградских погребений как от предшествующих им лебедовских, так и от более поздних, состоит в том, что яма с остатками сожжения перекрыта насыпью кургана. Возможно, это свидетельствует о заимствовании данного типа надмогильного сооружения извне, аналогично происшедшему на севере Украины в бронзовом веке. Причину исчезновения курганов у «милоградцев» Верхнего Поднепровья можно связывать со сменой у них типа поселения. Значительное число могильников расположено непосредственно на жилых площадках городищ, где места для сооружения курганов просто не было. Такой выбор места могильника, по-видимому, отнюдь не случаен, и представляет собой локальную особенность милоградского погребального ритуала на верхнем Днестре, обусловленную определенными идеологическими представлениями. Так, на Горошковском городище могилы предков располагались в самом безопасном месте, под валом, и были всегда на

виду у их живых потомков. Обрядовый характер именно такого местоположения милоградских могильников виден при сравнении с топографией зарубинецких, как соседних на верхнем, так и на среднем Днестре, где на одном мысу имеется городище (место для жнвых), а на другом – некрополь (Максимов, 1982, с. 58–59).

Менее изучены милоградские могильники бассейна средней и нижней Припяти, на котором распаны лишь отдельные погребения (Поболь, 1969, с. 15–17; Березанская, 1976, с. 19). Заметна большая схожесть их обрядности с верхнеднепровской, хотя ранние курганы и захоронения на площадках городищ на Припяти пока неизвестны. Но, вероятно, что «милоградцы» на Припяти, как и их родичи на верхнем Днестре, не отступали от лебедовских традиций.

Итак, обрядность могильников на севере милоградского ареала не осложнена ни заимствованием, ни воздействием социального фактора. Практически различия между погребениями, скажем, Горошковского могильника, сводятся к разной конфигурации ям для помещения остатков кремации. Возможно их круглая или овальная форма связана с полом погребенных, как, например, связана с ним ориентировка скелетов на Ходосовичском могильнике среднеднепровской культуры (Артёменко, 1964, с. 77). Обряд погребения здесь сугубо консервативен. Все его основные элементы имеют аналогию у лебедовских предшественников. Так, положение камий в милоградских захоронениях увязывается с наличием в лебедовских кремнёвых орудий. Кроме камней и обломков ритуально разбитой посуды, другие вещи в погребениях большинства милоградских могильников Верхнего Поднепровья и Полесья редки. Этот момент при внешней их схожести существенно отличает милоградские трупосожжения от зарубинецких, даже если они размещены на одном могильнике. Разнообразные предметы повседневного обихода, помещённые рядом с прахом в зарубинецких могилах Чаплина, безусловно, являются свидетельством определённых представлений о загробной жизни (Поболь, 1958, с. 13). Отсутствие подобного инвентаря в милоградских погребениях Верхнего Поднепровья и Полесья указывает на иные воззрения. Заметим, что в этнографии известен обычай истребления имущества покойного, которое становилось табу (Токарев, 1964, с. 178). Обращает внимание, что в Верхнем Поднепровье комплекс обрядов древнего происхождения просуществовал практически без изменения чрезвычайно длительный срок. Тот же ритуал, который установлен на милоградских могильниках, в деталях воспроизводится в погребениях III–V вв. н. э. киевской культуры. Их тождество демонстрирует сравнение захоронений Горошковского могильника, с одной стороны, а также Абиденского и Новобыховского с другой. И в Горошкове, и в Абидне остатки сожжения на стороне помещались не в урну, а непосредственно в яму. В Новом Быхове 93% безурновых погребений. Урно-

вые, скорее всего, более поздние и относятся не к киевской, а уже к колочинской культуре. Во всех трёх могильниках прах сопровождали обломки ритуально разбитой посуды при почти полном отсутствии других предметов (Поболь, 1974а, с. 159 – 180; Поболь, Ильютик, 2003, с. 61 – 70). С другой стороны, очевидно отличие захоронений второй четверти I тыс. н. э. от зарубинецких.

Стабильность обряда захоронения на верхнем Днепре, вероятно, в немалой степени была обусловлена на устойчивостью здесь этноисторической ситуации на протяжении всего скифского времени. Иная картина наблюдается на среднем Днепре, где, как уже говорилось, сложная этнографическая картина складывается уже в предскифское время, когда на территории лебедовской культуры распространились позднечернолесские памятники. Чересполосица сохранилась здесь и в скифскую эпоху. По-видимому, такая ситуация обусловила, во-первых, отличия подгорцевского обряда захоронения как от «предкового лебедовского», так и от верхнеднепровско-милоградского, и, во-вторых, преобладание в нём явно заимствованных элементов. На Киевщине милоградская (подгорцевская) принадлежность установлена для серии погребений скифского времени в Подгорцах, Рудяках, Погребях, Казаровичах, а также в Приборске (рис. 13). Она документируется находками специфических керамики и украшений, которые сопровождают, в основном, труположения в неглубоких ямах с северной и северо-западной ориентировкой. Состав инвентаря, по-видимому, зависел от пола и возраста погребённых. Женские захоронения имели богатый набор характерных нагрудных и нашейных украшений, которые беднее в детских и совершенно отсутствуют в мужских. Наверное, также мужчину-воина сопровождали и пряжки-пронизи, обнаруженные на разрушенном могильнике Замглай вместе с фрагментами человеческого черепа (Жаров, 1995, с. 46). В мужском захоронении в Казаровичах (Покровская, 1971б, с. 148 – 150) у черепа помещался сосуд-приставка и, по-видимому, железный акинак (рис. 13: 17 – 18). Следов применения огня при похоронах нет; бронзовые украшения попадали в могилы необожжёнными. Можно было бы предположить, что, в отличие от Верхнего, в Среднем Поднепровье преемственности между погребальной обрядностью младшей эпохи бронзы и старшей эпохи железа вообще не наблюдается, однако недалеко от одного такого типичного подгорцевского труположения, в Казаровичах на р. Ирпене, на р. Тетерев был обнаружен, безусловно, грунтовый могильник в Приборске, все погребения которого были совершены, по-видимому, исключительно только по обряду трупосожжения (Рассадин, Скоры, 1991, с. 79). Остальные подгорцевские захоронения по ритуалу и характеру инвентаря ближе не к лебедовским, а к скифским грунтовым погребениям на могильниках Пирогов и Гришеницы (Петренко, 1962, с. 142 – 152; Петровська, 1970,

с. 129 – 144). Впрочем, не исключено, что эти захоронения, как скифские, так и лебедовские, по крайней мере, в ряде случаев перекрывались небольшими курганными насыпями, впоследствии распаханными. Косвенно это предположение подтверждает одиночный характер подгорцевских труположений, а также наличие на той же территории одновременных скифских курганов. В Десяняке севернее Чернигова А.В. Шекуном исследовано семь курганов, датированных им VI – IV вв. до н. э. По инвентарю и обряду (ямные труположения с западной – северо-западной ориентировкой) подкурганные погребения этого могильника близки синхронным подгорцевским погребениям Киевщины. Исключение составляет захоронение по обряду сожжения на стороне, с помещением результатов кремации в подкурганную яму – как в раннемилоградских курганах (Шекун, 1995, с. 152 – 158). Может быть, количество погребений подгорцевского варианта увеличится ещё и за счёт отнесения к ним отдельных труположений Корчеватовского могильника (погребения №№ 58, 77, 81, 86, 102). И.М. Самойловский рассматривал их как захоронения иноплеменников (Самойловский, 1959, с. 68), скифское происхождение которых предполагается Е.В. Максимовым на основании сходства по обряду с курганными захоронениями Поросья (Максимов, 1972, с. 104). Но сходство между ними весьма относительное. В то же время, эти корчеватовские погребения близки также к труположениям в Подгорцах и Рудяках. Отметим находки характерной подгорцевской керамики из Корчеватого, которые В.Н. Даниленко считал свидетельством наличия там труположений до зарубинецкого времени (Даниленко, 1956, с. 11).

По-видимому, локальные особенности захоронений подгорцевского варианта сложились под влиянием обряда лесостепных «скифов». Это влияние обусловлено как территориальным взаимопроникновением обеих групп населения, так и, по-видимому, социально-политическими взаимоотношениями между ними, о которых археологические данные дают некоторое представление. Скифизация среднеднепровских «милоградцев» проявилась не только в погребальной обрядности, но и в ассортименте их бытовой посуды, который включал сосуды скифских типов, неизвестные ни в одном из остальных милоградских вариантов. Их культура, приобретая под скифским влиянием особенности локального варианта, не теряла, однако, своей самобытности. Трансформация погребальной обрядности также не привела к её полному тождеству со скифской. Обусловленность локальных особенностей милоградских захоронений Среднего Поднепровья именно скифским влиянием подтверждается существованием следующей параллели. Подобно подгорцевским на Правобережье, юхновские памятники лесостепного Левобережья также отличаются от однокультурных им древностей лесной зоны некоторой скифизацией (Седов, 1965, с. 80). Так, на материалах Мезинского городища про-

слеживается влияние культуры лесостепи (Мельниковская, 1968, с. 233). Несколько севернее него расположено Кудлаёвское городище, на котором исследовано ямное погребение остатков трупосожжения на стороне, южновская принадлежность которого бесспорна. Но обоснована она также и для Мезинского и Долинского могильников с трупоположениями (Мельниковская, 1970, с. 50–53; 1977, с. 60–65). Если обряд кудлаёвского погребения сходен с известным на милоградском Горошкове, то захоронения в Долинском и Мезине близки по ритуалу к скифским грунтовыми могилам. Подобно захоронениям в Подгорцах, Рудяках и Казаровичах, они отличаются от последних только керамикой. Относительно существования деснинской группы подгорцевских памятников на Черниговщине (Ерёменко, 1989, с. 78) заметим следующее. В неё, в всяком случае, нельзя включать городища, типа, например, Грабовского, поскольку они практически ничем не отличаются от таких же милоградских городищ в соседних районах Беларуси (Жаров, Жарова, 2002).

Курганы в Народичах, Гремячем, Псище, Крошине в число милоградских древностей В.Е. Ерёменко почему-то не были включены (Ерёменко, 1989, с. 81). С этим мы согласиться не можем, равно как и с предложенной О.Н. Мельниковской, в соответствии с разработанной ею схемой развития милоградской культуры, трактовкой памятников Житомирщины, как хронологического варианта, следующего за западноволыньским и предшествующего верхнеднепровскому. Свообразие милоградских памятников Житомирщины видно при сравнении их с древностями соседних частей милоградского ареала. Трактовке житомирских курганных захоронений милоградской культуры как прототипа южнобелорусских могильников противоречит уже их явное разделение на две группы – раннюю и позднюю. Курганы, относящиеся к первой из них исследованы возле Народич и Житомира в уроч. Гремячем (Левицькій, 1931, с. 191–235; Махно, 1949, с. 205). Они очень близки между собой и содержат захоронения под невысокими, в плане круглыми или овальными, насыпями, по обряду кремации на стороне, с помещением её результатов на горизонт или в подкурганную яму овальной формы. Ивентарь представлен обломками специально разбитой посуды, обожжёнными бронзовыми украшениями и кремнёвыми орудиями. По найденным в погребениях бронзовым вещам их дата определяется, как говорилось выше, рубежом эпох бронзы и железа. Судя по находкам в них, наряду с круглодонной, керамики лебедовского типа, народичские курганы более ранние, чем гремяченские. Представляется вероятным, что житомирские курганы ранней группы должны быть примерно синхронны древнейшим верхнеднепровским Приборским курганам и немного моложе лебедовских грунтовых захоронений на среднем Днепре (рис. 13). Никаких скифских элементов в их культуре не обнаруживается: по-видимому,

все эти памятники принадлежат ещё к предскифскому периоду развития милоградской культуры. К поздней группе, видимо, следует отнести курганы, раскопанные С.С. Гамченко близ дд. Псище и Крошино на р. Тетерева под Житомиром (Петров, 1963, с. 35–37). Также как в Гремячем и Народичах, здесь практиковался обряд трупосожжения на стороне, а погребения сопровождалось обожжёнными кремнёвыми изделиями. Близка и найденная в курганах обеих групп керамика. Однако существенное различие заключается в том, что во второй группе кости вместе с остатками костра ссыпались в сосуд-урну, накрытый плиткой или миской, рядом с которым иногда помещался сосуд-приставка. Причину такой трансформации деталей обряда можно видеть в следующем. На юго-западе Житомирской области по рр. Тетерева и Гнилопяти известны раннескифские древности могильянского типа, датирующиеся VII – VI вв. до н.э. (Визъжев, 1952, с. 200–204; Тереножкин, 1965, с. 22–35; Крушельницька, 1974, с. 22). На могильнике близ д. Могиляны обнаружены грунтовые погребения по обряду трупосожжения в урнах с сосудами-приставками (Смишко, 1957, с. 54–57). По мнению А.И. Тереножкина, у скифского населения на севере лесостепи и юге Полесья господствовал единый обряд с трупосожжениями в урнах и бескурганных могильниках, а на юге Житомирщины имел место их контакт с милоградцами (Ильинская В.А., Тереножкин, 1983, с. 288). Таким образом, поздняя группа милоградских курганов восточной Волыни, наподобие подгорцевских погребений Среднего Поднепровья, обнаруживает в своём ритуале явно заимствованные (у могильянского населения) элементы обрядности. Дата житомирских курганов, очевидно, не может определяться только рамками VII – V вв. до н.э. (Мельниковская, 1967, с. 164), так как их ранняя группа относится, по-видимому, к предскифскому времени. Возникает также сомнение относительно того, можно ли, вслед за О.Н. Мельниковской, рассматривать, например, псищенские или крошинские курганы в качестве прямых предшественников милоградских погребальных памятников на верхнем Днепре. Разница в деталях их обрядности существенна: на юго-востоке Белоруссии нет милоградских урновых сожжений, равно как и иных могильянских элементов. К сожалению, определение верхней даты житомирских курганов поздней группы затруднительно, но совсем не исключена их частичная синхронность верхнеднепровскими могильниками. Видимо, этому не противоречит кажущаяся архаичность псищенских и крошинских курганов, в которых найдены кремнёвые, а не железные вещи. Курганы раннесредневековой пражской культуры в Сельце на той же Житомирщине дали только керамику и кремль (Кухаренко, 1963, с. 316–319). Житомирский вариант милоградской культуры представляется нам не хронологическим, а локальным.

Можно предполагать, что в пределах бывшего лебедовского ареала прослеживаются две линии раз-

вития милоградской погребальной обрядности. В лесной зоне, на Припяти и верхнем Днепре, в практически неизменном виде сохранялся лебедовский обряд. В лесостепи «милоградцы» оказались в сфере влияния различных групп скифской культуры. На среднем Днепре и юге Житомирщины это влияние было настолько глубоким, что привело к замене некоторых существенных деталей погребального ритуала «предкового» происхождения заимствованными у разных групп лесостепняков обрядами. Все это, по-видимому, и вело к возникновению локальных особенностей милоградской культуры каждого из упомянутых вариантов.

Если предложенная в начале параграфа схема верна, то локальные особенности милоградских могильников западной Волини должны быть обусловлены наследием погребальной обрядности местного домилоградского населения. В нижнем и среднем течении Горыни и в прилегающей части бассейна Южного Буга известно около полусотни милоградских поселений и могильников (Канівець, 1953, с. 52; Лагодовська и др., 1956, с. 17–20; Кухаренко, 1961, с. 21; Свешников, 1971, с. 68–81; Крушельницька, 1976, с. 81; Лобай, 1977, с. 77–84; Воробей, 1981, с. 53; Залашко, Ерёмченко, 1984, с. 238). Отсутствие датированного материала из поселений повышает значение раскопок милоградских захоронений в этом районе. Привлекает внимание их разнообразие. Здесь известны трупоположения на стороне, под курганными (Забороле, Курганы), урновые (Корост), ямные (Корост, Левановщина) трупоположения, одиночные и групповые, в грунтовых могилах (Городок) и под курганами (Дубой, Владимирец, Мизяков, Куриловка) (рис. 12). Наблюдаются различия в деталях обрядности и в инвентаре. По мнению И.К. Свешникова, такая пестрота отражает этапы развития милоградского обряда погребения на могильниках, хронологические рамки которых определены им от конца эпохи бронзы до V–IV вв. до н. э. (Свешников, 1971, с. 76). По мнению О.Н. Мельниково́й, как это уже отмечалось, ранние милоградские захоронения бассейна Горыни хронологически предшествуют не только верхнеднепровским, но и житомирским. Согласиться с этим мешают два обстоятельства. Во-первых, в бассейне Горыни, за исключением самой северной, белорусской его час-

ти, нет памятников эпохи бронзы, с которыми генетически увязывались бы здешние милоградские древности. Во-вторых, какая-либо преемственность между обрядностью выше названных могильников совершенно не прослеживается. Лебедовские памятники на верхней и средней Горыни отсутствуют. Основной район концентрации милоградских памятников в бассейне этой реки, окрестности г. Ровно, в раннескифском периоде занимали памятники могильянского типа (Крушельницька, 1974, с. 22, 24, рис. 4). По мнению Л.И. Крушельницкой, милоградская культура на этой территории выглядит пришлой. Допускается возможность частичного вытеснения ее носителями местного могильянского населения (Крушельницька, 1976, с. 81). Отсутствие на данной территории древностей, совмещающих лебедовские и милоградские черты, может быть объяснено предположением о появлении здесь милоградской культуры в результате миграции населения из соседних районов, где имеются древности переходного типа. Оно находит подтверждение в наличии среди раннемилоградских могильников Горыни аналогов древнейшим курганам соседней Житомирщины (Народичи и Гремячее). Полное тождество с ними в деталях обрядности обнаруживают подкурганные захоронения трупосожжений на стороне в ямах близ дд. Забороле (уроч. Бичаль) и Курганы. В Забороле инвентарь состоит из обломков разбитых сосудов, кремнёвых орудий и железных наконечников копий.

В кургане №3 близ д. Курганы* обломкам милоградской посуды сопутствовала булава, также железная (Свешников, 1973, с. 330). Наличие железных изделий, а также отсутствие лебедовских элементов указывает на несколько более поздний возраст милоградских курганов из этих могильников по сравнению с житомирскими. Возможно они относятся к началу уже скифского периода. Следующий этап развития милоградского погребального обряда на Волини представляют, как кажется, могильники Дубой**, Владимирец и Городок. Погребения во всех дубойских курганах, исследованных Ю.В. Кухаренко (Кухаренко, 1961, с. 22, 24, рис. 11, 12), совершены по одинаковому ритуалу: умершие, от одного до трёх, помещались в овальную яму головой на юго-восток, у ног

* Курган с милоградской керамикой соседствует здесь с могильянским и комаровским подкурганными захоронениями (курганы №2 и 1, соответственно). Такое соседство напоминает, во-первых, о предложенной Л.И. Крушельницкой трактовке милоградско-могильянских взаимоотношений. Во-вторых, оно представляет, видимо, аналогию Прибору на Гомельщине, где, согласно Н.Н. Кривальцевичу, в четырёх курганах была представлена «позднесосницко-лебедовская» керамика, а в трёх милоградская (Кривальцевич, Бычко, 1996, с. 67–68). 1985, С. 383). Впрочем, как известно, нахождение в одном могильнике курганов бронзового и железного веков – довольно обычное дело.

** Мы не согласны с В.Е. Ерёмченко, у которого главным критерием выделения локальных вариантов милоградской культуры служила территориальная ограниченность групп её памятников, тем более, что она, как отмечено самим исследователем, иногда относительна (Ерёмченко, 1989, с. 78, 79). Помимо миграций «милоградцев» за пределы своего ареала, происходили, вероятно, также и передвижения внутри него, на территорию соседних локальных вариантов. Так, Дубойский могильник, находясь в Полесье, тяготеет всё же к западноволыньскому варианту и должен рассматриваться вместе с близкими ему Владимирцем и Городком. В них ярко проявляется влияние высоцкой культуры, которого не обнаруживают полесские памятники.

располагались сосуды-приставки, у черепа – украшения и оружие. Над могилой возводилась столбовая домовина, которая затем поджигалась, а после огня насыпался курган. Ритуал погребения в Городке аналогичен, но могила не перекрывалась насыпью (Свешников, 1971, с. 71 – 73). Очевидно, что эти могильники отчетливее обнаруживают отличие, чем сходство с раннемилоградским погребальным ритуалом. Переход к труположению, появление сосудов-приставок, видимо, обусловлены не хронологией, а, скорее всего, представляют результат заимствования инородных погребальных обычаев. Источник заимствования помогает выявить вещевой комплекс. Неизвестные на милоградских поселениях бассейна Горыни грушевидные сосуды с выступами, найденные в дубойских курганах, как и металлические вещи отсюда же, имеют аналог в висоцкой культуре (Крушельницька, 1976, рис. 18: 10, рис. 21: 19, рис. 22: 15). Сравнение ритуала погребений в Дубое и Городке с обрядностью висоцких могильников VIII – VII вв. до н. э. обнаруживает их большую схожесть. Связи юго-западной группы милоградских памятников с висоцкой культурой отмечались неоднократно. На территории западноволынского варианта милоградской культуры имеется несколько висоцких памятников (Кухаренко, 1961, с. 11; 1965, с. 13; Крушельницька, 1972, с. 33). Присутствие висоцких традиций в ритуале милоградских погребений, таким образом, вполне объяснимо. Возможность подобного заимствования становится очевиднее при сравнении двух грунтовых могильников, открытых на средней Горыни: милоградского в Городке и висоцкого в Деревянном (Кухаренко Ю. В., 1966, с. 112). Оба они датируются примерно одинаково: VII – VI вв. до н. э. Существовавший на Горыни в VIII – VI вв. до н. э. милоградский обряд погребения, сложившийся, по нашему мнению, под висоцким влиянием, продолжал существовать и позднее. Известную близость к дубойским обнаруживают курганы близ дд. Куриловка и Мизяков в верхнем течении Южного Буга. Как и дубойские, куриловские и мизяковские курганы позднескифского времени имеют домовины, хотя в инвентаре и обрядности последних имеются элементы скифского ритуала, известного по раскопкам могильника в Переорках (Лобай, 1977, с. 77 – 84; Артамонов, 1947, с. 134). В бассейне же самой Горыни ко времени более позднему, чем дубойские курганы, относятся, по-видимому, грунтовые захоронения с трупосожжениями близ д. Корост в среднем и в уроч. Левановщина в нижнем течении этой реки. На могильнике Корост остатки сожжений на стороне ссыпались на дно ям, одно из погребений ямисто-урновое. Захоронениям сопутствовали фрагменты бронзовых украшений и глиняных

сосудов. По-видимому, большинство коростских по обрядности и типу сопровождающей керамики аналогично погребениям в Левановщине. О. Н. Мельниковская, датирующая подгорцевские памятники VI – IV вв. до н. э., по найденным на них аналогам украшений могильника Корост определяет его время этими же рамками (Мельниковская, 1967, с. 51). Но наличие подгорцевских по типу украшений не исключает, как мы попытались показать выше, и более позднюю датировку. Интересно, что в Левановщине милоградское погребение расположено рядом с зарубинецкими I в. до н. э. – I в. н. э. Таким образом, висоцкое влияние на милоградскую погребальную обрядность бассейна Горыни, очевидно, со временем затухает. Не ощущается оно и на Жнтомирщине, и, тем более, на Гомельщине. Вообще наличие каких-либо связей между милоградской культурой юго-востока Белоруссии и висоцкой в Прикарпатье и западной Волыни весьма проблематично. О. Н. Мельниковская смогла отметить лишь сходство форм и орнаментации милоградских грузиков и висоцкой посуды, также присутствие в обеих культурах культовых фигурок лошадей (Мельниковская, 1967, с. 117, 124). Однако, для этих явлений может быть предложено и другое, возможно, более убедительное объяснение, потому что это же есть не только в висоцкой, но и в скифской лесостепной культуре (Рассадин, 1987а, с. 196). Очевидно, милоградские памятники бассейна Горыни и верховий Южного Буга следует рассматривать не как хронологический, а как локальный её вариант. Их своеобразие во многом определено ассимиляцией некоторых висоцких элементов при отсутствии подобных связей с раннескифскими древностями могильянского типа. Свообразие культуры милоградского населения бассейна Горыни, по-видимому, обусловлено также и отсутствием у неё здесь генетических корней. В целом она выглядит синхронной памятникам скифского периода других частей милоградского ареала. Имеющиеся данные, по нашему мнению, исключают возможность трактовки милоградских памятников бассейна Горыни как предшественника жнтомирских и верхнеднепровских, равно как и предположение о полной скифизации «подгорцевцев» на Киевщине (Мельниковская, 1967, с. 161 – 169). Эти данные свидетельствуют о независимом развитии погребальной обрядности в каждом из названных вариантов, при максимальной её близости на начальном этапе. Этот этап представлен, по нашему мнению, ранними могильниками в Гремячем, Забороле, Народицах и Приборе, которые объединяет наличие «предковых» лебедовских черт. Локальные различия возникают с началом и отчетливо прослеживаются в течение всего скифского времени.

§3. Проблема милоградских миграций. Νευρίδα, Νευροί, Σκίθαί γερουοί

Рассмотрение эволюции ареала милоградской культуры, по-видимому, должно быть дополнено рассмотрением вопроса о миграциях её носителей (см.: Rassadin, 1992, S. 1 – 9). Тем более, что этот вопрос в милоградской проблематике, пожалуй, едва ли не самый популярный, особенно в той своей части, которая затрагивает не только археологические, но также и исторические известия. «Поводом для гипотезы О.Н. Мельниковской о продвижении носителей милоградской культуры с юго-запада на северо-восток, – пишет В.В. Седов, – послужили совсем не данные археологии, а, по всей вероятности, сообщение Геродота о миграции невра, с которыми исследовательница отождествляет милоградцев» (Седов, 1970а, с. 268). Об археологических данных, исключаящих, по нашему мнению, всякую вероятность проникновения из западной Волыни в южную и юго-восточную Беларусь в VI, и, наоборот, из южной Беларуси на Киевщину и Винничину в VI – V вв. до н. э. (Петровська, 1970, с. 21; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 276) подробно говорилось выше, при рассмотрении датирующего материала, а также эволюции погребальной обрядности. Однако не так давно исследователи вообще не располагали данными археологии. Ощутимую неполноту источниковедческой базы они пытались компенсировать путем массивного использования фольклорно-этнографических данных, в основном, лингвистическо-топографических данных. Эта тенденция оказалась устойчивой. Начало здесь было положено ещё П. Шафариком. Определяя место локализации Геродотовой Невриды, этот выдающийся славист ориентировался, прежде всего, на концептрацию названий наподобие Нарев, Нарва, Нурка и т. п. в бассейне Западного Буга – т. е., в пределах Нурской земли средневековых хроник. «Дело очевидное, – утверждал он. Что Геродот называл **Νευρίδα**, то славяне называли и называют Нурской землей». По мнению П. Шафарика, там же, в Западном Побужье, а также и в соседнем Полесье, веками сохранялся знаменитый Геродотов сюжет о ежегодных превращениях невра в волков. Таким образом, у П. Шафарика выходило, что локализация «неврских» гидро-топонимов совпадала с местонахождением «первобытного источника всех наших сказаний о волколаках» (Шафарик, 1848, с. 322–327). Несмотря на то, что данный вывод стал очень популярен (Нидерле, 1956, с. 130; Шпилевский, 1853, с. 6–7), его

опровержение тоже не заставило себя ждать. Так, А.К. Погодин указал на широкое распространение и вне пределов летописной «Нурской земли» как названий, производных от основы ‘нар-, ‘нер-, так и преданий о волках-оборотнях (Погодин, 1902, с. 346–348). Позднее основательный разбор топонимическо-фольклорных средств топографизации Геродотовых невра был осуществлён С.М. Быковским. Названия наподобие «Нуров», «Нарев», которые будто бы заставляли связывать невра исключительно с Западным Побужьем, были отмечены им также в Поволжье, Западной Сибири, на Кавказе, в Южном Прикаспии. Имея в виду предположение о славянской принадлежности корней типа nar-, ner-, С.М. Быковским было приведено хайтйское ‘nog – «мыш», албанское ‘negi – «человек», персидское ‘nug – «свет», и т. д. Получилось, что народы, принадлежащие к самым разным языковым группам, имеют такие же, как и славяне, лингвистические «основания» претендовать на связь с неврами. Предания о волках-оборотнях, согласно С.М. Быковскому, были распространены на просторах Евразии едва ли не так же широко, как и названия на «нар», «нур». Например, он ссылался на то, что, кроме отмеченных П. Шафариком в относительном соседстве с Нурской землей славян-лютичей, «волками» считались также древние обитатели Гиркании – «страны волков» на юго-восточном побережье Каспийского моря (Быковский, 1930, с. 840–842). Таким образом, бесперспективность топографизации невра по фольклорно-топонимическим данным была подробно обоснована ещё в 1930 гг. Однако, попытки отыскать их следы в географической номенклатуре или в фольклоре тех или иных регионов наблюдались и позднее, но ни одна из них сколько-нибудь удовлетворительных результатов, кажется, не принесла (Удальцов, 1947, с. 6; Мельниковская, 1967, с. 175–176; Рыбаков, 1988, с. 152). По-видимому, дело здесь не только в чрезвычайной распространённости соответствующих названий и сюжетов: кстати, припомним ещё римскую провинцию Норик на среднем Дунае, племя нервийев на севере древней Галлии, департамент, реку и город Невер в современной Франции (Стрижак, 1988, с. 70–71). Отметим также, что, аналогично Геродотовым неврам, на несколько (десять) дней превращались в волков герои норвежской «Саги о Волсунгах» (Сага., 1934, с. 114–115). Дело, собственно, в том, что подоб-

ные сюжеты и названия не имеют сколько-нибудь определенной хронологической атрибуции. К тому же, например, такой, казалось бы, «неврскнй» гидроним, как Невда, успешнее связывается не с древностью, а со средневековьем. Кстати, с культурой потомков Геродотовых невра С.М. Быковский попытался отождествить Люцинский могильник. Сейчас это представляет сугубо историографический интерес, однако, не надо забывать, что это была самая первая попытка как-то использовать данные археологии (Расадзін, 1994, с. 74–81).

М.И. Артамонов, вслед за П. Шафариком, считал Геродотово упоминание о «змеях» аллегорией, символом неких враждебных пришельцев – по его мнению, носителей поморской культуры, экспансия которых в юго-восточном направлении хорошо известна. Сами невра, современники Дария и Геродота, отождествлялись им с носителями высоцкой культуры Прикарпатья и западной Вольны, а невра «за одно поколение перед Дариевым походом» – с носителями лужицкой культуры в Западном Побужье, в летописной Нурской земле – опять же, как у П. Шафарика (Артамонов, 1946, с. 73, 76–78). Эта версия долго считалась вполне удовлетворительной. В несколько модифицированном виде она воспроизводилась и в 1970-е гг. (Кобычев, 1973, с. 30, 37). Но со временем существенные недостатки в археологическом обосновании становились все очевиднее. Оказалась далеко неточной датировка высоцкой культуры – VIII–I вв. до н. э. (по Т. Сулимирскому), которой воспользовался М.И. Артамонов. В.И. Канивцом была разработана и обоснована другая хронология высоцких древностей, в пределах X–VI вв. до н. э. (Канивец, 1955, с. 94–96). Она позволила Л.И. Крушельницкой убедительно отвергнуть саму возможность сопоставления высоцкого населения и невра Геродота (Крушельницкая, 1990, с. 122). Результаты исследований подтвердили, что она целиком права. Оказалось, что, судя по закрытым комплексам высоцкой культуры, её верхняя хронологическая граница относится ко времени не позднее VII в. до н. э. (Kruschelnycka., 1987. S. 369–380). Таким образом, эта культура прекратила свое существование, в любом случае, до событий с участием невра, произошедших, согласно Геродоту, «за одно поколение перед Дариевым походом». С другой стороны, финал высоцкой культуры ещё более отдалён во времени от начала экспансии поморской культуры. Действительно, в бывшем высоцком ареале и даже возле тех же самых населенных пунктов (например, Звенигород и Жуличи на Львовщине) известны и поморские памятники, но только с конца IV (или даже с III в.) до н. э. (Крушельницкая, 1974а, с. 60–72). Очевидно, что принадлежать «змеям», изгнавшим, по легенде, Геродотовых невра, они тоже не могли.

Таким образом, сделанная М.И. Артамоновым попытка «расшифровки» Геродотовых известий о неврах в соответствии с П. Шафариком, но уже с помощью и археологических данных, оказалась не-

удачной. Но эта попытка, наверное, подготовила отождествление невра с другой археологической культурой, памятники которой имеются также и в Западной Вольны, – с милоградской. В отличие от высоцкой, милоградская хронология охватывает и VI, V вв. до н. э. – и Геродотовы, и Дариевы времена, и время бегства невра от «змея». Их локализацию О.Н. Мельниковская пробовала обосновать, исходя из своего представления о хронологическом соотношении локальных вариантов милоградской культуры, поэтому совершенно логично исход невра у неё начинается именно из западной Вольны, а страна Неврида отождествляется со всем милоградским ареалом целиком. О.Н. Мельниковская пыталась подкрепить свою гипотезу также лингвистическими данными. В частности, в качестве аргумента в пользу гипотетической миграции милоградского населения на север и северо-восток из-за Припяти она попробовала использовать факт наличия по обоим берегам этой реки «зеркальной» славянской гидронимии. Новедь, во-первых, славянская этническая принадлежность «милоградцев» весьма и весьма проблематична. Во-вторых, на эту гидронимику здесь имеются более реальные претенденты. В частности, присутствие среди названных «зеркальных» гидронимов производных, например, от этнонима «дулеб» показывает невозможность их отнесения ко времени ранее середины I тысячелетия н. э. (Седов, 1970, с. 34–35, 142–143). Следы невра середины I тысячелетия до н. э. О.Н. Мельниковская попыталась усмотреть также и в неславянской гидронимике. Так, продолжая, в сущности, идущую ещё от П. Шафарика традицию, она обратилась к знаменитой «Нурской земле» по Западному Бугу, где представлены названия с апеллятивами *pag/pug*. Эти названия предположительно, тоже связывались исследовательницей с возможной инфильтрацией сюда милоградского населения (Мельниковская, 1967, с. 50). Как было сказано, действительно было зафиксировано продвижение отдельных групп милоградского населения далеко на запад, вплоть до р. Нарев. Но адекватны ли этим данным те «неврские» особенности местной топонимии, на которые упорно пытались обратить внимание последователи П. Шафарика? В.В. Седовым, например, отмечалась концентрация подобных гидронимов, также и в Занемонской Литве. По О.Н. Мельниковской, они не уступают по численности тем «неврским» названиям, которые она смогла указать в пределах милоградского ареала и вблизи от него. Два очага концентрации созвучных им гидронимов в Подляшье и в литовском Занемонье, сейчас сопоставляются специалистами, конечно, не с неврами. Ведь эти названия, хорошо объясняющиеся из языка летописных ятвягов, концентрируются на территории сосредоточения могильников этой западнобалтской народности средневековья (Седов В.В., 1964, с. 39).

Таким образом, за счёт её дополнительной лингвистической иллюстрации и происхождения, в основ-

ном, дальнейшее развитие этой гипотезы, основанной ещё П. И. Шафариком. Сложилось мнение, что в интерпретации О. Н. Мельниковской данная гипотеза стала соответствовать Геродотовым данным о неврах и Невриде «наиболее полно» (Скржипиская, 1977, с. 50; Рыбаков, 1979, с. 147–148). Посмотрим, так ли это. Напомним, что О. Н. Мельниковской, в отличие от П. Шафарика, Геродотову Неврида отождествляется не только с летописной Нурской землёй около Подляшья, а со всем ареалом милоградской культуры, включая его верхне- и среднеднепровские части, что хорошо видно на соответствующей карте (Мельниковская, 1967, рис. 65). Однако у Геродота место обитания современных ему неврав указано достаточно ясно для того, чтобы не связывать их с какой бы то ни было частью течения Днепра (рис. 14). «Отец истории» посчитал необходимым особо подчеркнуть это в соответствующем параграфе своего труда. «От гавани борисфенигов... первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними другое племя, которое называется алазоны... Над алазонами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи. Выше этих живут негры, а над неврами – земля, обращённая к северному ветру, на всем протяжении безлюдная. Это племена, которые обитают вдоль реки Гипаниса, к западу от Борисфена» (там же, 1982, с. 106–107). Итак, на Борисфене-Днепре никаких неврав, вопреки О. Н. Мельниковской, «отец истории» не знает. Действительное местонахождение Невриды, по Геродоту, западнее Днепра, видимо, следует также и из того, что для определения южного рубежа этой страны у него служит исток Днестра – аитичного Тираса. «Тирас, – пишет Геродот, – движется в направлении северного ветра; он берёт начало из большого озера, которое отделяет Скифию от Неврской земли» (там же, с. 118–119). Кстати, и по нашему мнению, за верховья текущего на самом деле с запада Днестра Геродот принимал, по-видимому, один из левых притоков этой реки: иначе направление «северного ветра» не может быть выдержано.

Соседями неврав, согласно «отцу истории», были агафирсы и западные скифы: «... Скифия ограничена в начале агафирсами, после неврами...» (там же, с. 140–141). С этими же племенами, по Геродоту, Неврида граничила и несколько ранее, в конце VI в. до н. э. Ведь маршрут пресловутого «бегства» скифов от персидских войск Дария Гистаспа описывается им так: «... (Скифы) стали завлекать персов в Невриду. А когда те пришли в смятение, скифы, ускользнув, пошли к агафирсам... Скифы не стали торговаться к агафирсам, которые это им запретили, и из страны Невриды стали заманивать персов в свою страну» (там же, с. 148–149). Повествуя о скифо-персидском противоборстве, которое, согласно Геродоту, разворачивалось также и в стране будинов, никаких неврав он там не упомянул. Равно как ни словом о них не обмолвился, когда довольно подробно описывал современное ему

состояние земли будинов и города Гелона. Поэтому совершенно неожиданным выглядит Геродотово сообщение о массовой неврской эмиграции именно в Будинию ещё задолго до персидского нашествия. «Вышло так, пишет Геродот, что за одно поколение до похода Дария они (негры) совсем покинули свою страну из-за змей. Дело в том, что много змей появилось у них в стране, а другие, более многочисленные, устремились к ним сверху из пустыни, пока, наконец, (негры), теснимые ими, не поселились вместе с будинами, покинув свою землю» (там же, 1982, с. 140–143). Данное известие «отца истории» заинтриговывало многих, и многие пытались его, на разные лады, истолковать. Оставляя пока вопрос о таинственных «змеях», остановимся сначала на проблеме «негры – будины». Надо заметить, что Геродотово сообщение о переселении первых ко вторым оценивалось по-разному. Некоторые в наличии у него исторически достоверной основы даже не сомневались. «Мы не имеем права не доверять этому преданию, представляющему нам в столь определенной, хотя и несколько легендарной форме. Очистив его от фантастических прикрас, мы получим крупный исторический факт, подтверждаемый побочными сообщениями», – считал, например, Ф. Браун (Браун, 1899, с. 234). Его современник Ф. Г. Мищенко, наоборот, подчёркивал, что слово «будины» обязано своим появлением в данном пассаже, просто-напросто, технической ошибке (Геродот, 1886, с. 520). Досадной опиской, вызывающей здесь противоречие «отца истории» самому себе, счел это позднее и А. И. Тереножкин (Тереножкин, 1987, с. 7). Впрочем, вопреки А. И. Тереножкину, а также и В. А. Ильинской, неожиданно фактически получила дальнейшее развитие одна из гипотез Б. Н. Гракова, который исходил, в общем, из тех же представлений, что и Ф. Браун (Граков, 1977а, с. 14). Имеется в виду предложенное Б. Н. Мозолевским отождествление мнимой «миграции» Геродотовых неврав к будинам и археологически установленной экспансии носителей позднечернолесской культуры днепровского Правобережья на Ворсклу. В результате ее, будто бы, и возник град Гелон – Бельское городище, центр «союза гелонских (Восточное укрепление) и неврских (Западное укрепление) племен, занявших южную часть будинской земли» (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 226). Но ведь ещё исходная гипотеза Б. Н. Гракова была убедительно опровергнута. В том числе, и потому, что, как известно, финал чернолесской культуры приходится на VII в. до н. э. (Тереножкин, 1961, с. 11, 182). То есть, до указанного у Геродота времени бегства от «змей» эта культура попросту не доживает – наравне с высоцкой, ещё одним отвергнутым кандидатом на эквивалентность неврам. Лишенная археологических оснований, гипотеза Б. Н. Гракова – Б. Н. Мозолевского, по существу, лишена также и соответствия Геродотовым известиям. В которых, как было выше сказано, не нашло никакого отражения присутствие неврав среди буди-

нов и гелонов. В.А. Ильинская прокомментировала желание всё же отыскать их там следующим образом: «К тому же, Бельское городище получается тогда не Гелон, а Неврон, или как-то иначе» (Ильинская, 1977, с. 86–87).

Действительно, неврам внутри этого великого города ни посредством археологических изысканий, ни даже путём явного «перенапряжения» Геродотового текста обнаружить ещё никому не удалось. Но зато обнаруживается, каким именно образом в этот текст могла вкратиться та самая ошибка, или описка, которая была отмечена ещё Ф.Г. Мищенко. Обратим внимание на то, что в процитированном выше сто пятом параграфе книги IV Геродотовой «Истории» трижды упоминаются «Скифия», «обычай скифские», «скифы», – помимо явно неуместных «будинов». Возможно ли появление там «Βουδίνωι», вместо авторского «Σκιδῶι», благодаря ошибке кого-то из многочисленных Геродотовых переписчиков? Обратим внимание также и на то, что следом, в сто восьмом параграфе, говорится именно о переселении, и именно к будинам («эллинов»-гелонов). Может быть, этим техника интересующей нас описки, путем механического заимствования, как раз и проясняется?

Сам Геродот писал, по нашему мнению, о вселении неврам к скифам. Это подтверждается, кстати, если учесть ещё одно Геродотово известие. Об истоках той реки, самые верховья которой, согласно «отцу истории», как раз и населяли современные ему, уже переселившиеся неврам. «Третья же река (Скифии), Гипанис, пишет о ней Геродот, движется из (пределов) Скифии, вытекая из большого озера, вокруг которого пасутся дикие белые лошади» (Доватур и др., 1982, с. 138–139). И так, эта река сбегавших от пока неразъясненных «змей» неврам целиком помещается «отцом истории» в пределах Скифии. Правда, это некоторые пытались оспорить, отодвигая Геродотово озеро – «мать Гипаниса» слишком далеко на север. На том основании, что «белые лошади» были сочтены полесскими тарпанами, и озеро, вокруг которого они водились, смещалось куда-то в бассейн Припяти. Но, согласно мнению специалистов-зоологов, нынешний лесной тарпан может считаться только поздней угнетенной формой степного дикого коня. Он деградировал и измельчал в лесах, куда был отеснен в результате прямого преследования человеком. Причем относительно недавно, так как ещё в XVIII в. дикие тарпаны, действительно, преобладающей светлой масти, водились также и в Южном Побужье, в том числе в окрестностях г. Винницы (Кеппен, 1896, с. 107–163; Млекопитающие..., 1961, с. 718, 722). И как раз на Винничине, на Южном Буге, расположены упоминавшиеся милоградские курганные могильники V–IV вв. до н. э., Куриловка и Мизяков. Сопоставление этих подкурганых погребений Южного Побужья, с одной стороны, с такими же захоронениями из примыкающего с севера бассейна Горыни, с другой, позволили сделать вывод, что Куриловка и

Мизяков, собственно, представляют собой результат дальнейшей эволюции той самой милоградской погребальной традиции, к предшествующей фазе которой относятся Владимирец и Дубой. Ведь хронология двух последних могильников ограничена, по нашему мнению, VII–VI вв. до н. э. Таким образом, в данном случае полностью подтверждается справедливость вывода В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина, которые рассматривали в качестве результата миграции, именно с севера, из бассейна Горыни, присутствие, среди массы скифских древностей восточной Подолии, также и некоторого числа милоградских памятников (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 289). Кроме того, и территориальным, и хронологическим соотношением упомянутых комплексов милоградской культуры, подтверждается, по-видимому, также и достоверность неиспорченного Геродотового известия о бегстве неврам «за одно поколение до похода Дария» в Скифию, точнее, к «скифам-пахарям» Подолии.

На наш взгляд, тот факт, что Геродоту удалось собрать о неврах заметно больше сведений, чем, например, об андрофагах, как раз и объясняется проживанием какой-то группы их в пределах Скифии на верхнем Гипанисе, то есть в относительной близости от Ольвии. Сообщая, например, о ликантропоморфии неврам, «отец истории» ссылается на «росказни» не только самих скифов, но и на клятвенные утверждения эллинов, живущих в Скифии. (Доватур и др., 1982, с. 140–141). Обратим внимание, что, когда «отец истории» повествует о других нескифских племенах, на рассказы этих живущих в Скифии эллинов он больше не ссылается. Роль информаторов тогда принадлежала уже путешествующим торговцам, скифским и греческим, «из гавани борисфенитов и из других понтийских гаваней», караваны которых рисковали уходить на край света, вплоть до плешивых аргипшеев (там же, с. 138–139).

Если такая локализация неврам правомерна, то она должна помочь нам и в разрешении крайне запутанного вопроса о «змеях». В принципе, существуют два варианта их идентификации. Некоторые исследователи конца XIX – начала XX вв., Ф. Брун, В.И. Семенович, С.М. Середонин видели в Геродотовых «змеях» настоящих рептилий (Быковский, 1930, с. 231). Но такая, излишне упрощённая, трактовка никогда не была преобладающей, а к настоящему времени она, кажется, вовсе лишилась сторонников. Ведь ещё П. Шафарик удалось привести целый ряд убедительных доказательств широкой распространенности эпитета «змеи» в отношении неприятелей, враждебных племен и народов (Шафарик, 1848, с. 325–326). Наверное, это и положило начало попыткам идентификации «змей» с каким-то древним народом, врагом Геродотовых неврам. Название этого народа, по предположению Г. Тейлора, было созвучным древнегреческому – *οφιός*, «змея», благодаря чему и возникла соответствующая легенда, дошедшая до нас в Геродотовом изложении (Доватур и др., 1982, с. 348).

Действительно, подобные этнонимы в древности были известны – хотя бы то же племя малоазийское офио-генов, о которых упоминает Страбон (Страбон, 1964, с. 551). Однако более популярным было и остается предположение о происхождении легенды не благодаря названию, а из-за офиолатрических верований, будто бы, изгнавшего невраов народа. Соответствия этим змеепоклонникам предлагались самые различные. Врагов невраов пробовали отождествить с германцами-бастарнами, славянами-венетами, даже с кавказскими иберами (Браун, 1899, с. 246 – 247; Быковский, 1930, с. 852 – 853; Артамонов, 1946, с. 77). Но окончательный выбор, кажется, был сделан в пользу балтов. Объясняется это, по-видимому, укоренившимся взглядом на змеиный культ, как на именно балтскую этнографическую особенность, хотя это вовсе не так (Рассадзин, 1997а, с. 157 – 161).

Видимо, тем же руководствовался и Б. А. Рыбаков, когда подчеркивал специально, что под Геродотовыми змеями следует подразумевать прибалтийские племена «с их извечным культом змей». Он попытался подкрепить этот, казалось бы, и сам по себе надежный этнографический аргумент археологическим, доказывающим, будто бы, приход на Волинь древнебалтского населения с севера, из-за Припяти. Согласно Б. А. Рыбакову, «археология позволяет нам уловить этих змей, вторгшиеся в Невриду: именно в бассейне Случи расположена особая археологическая группа скифского времени. «Скифская триада» – оружие, сбруя, звериный стиль – не распространялась на эту территорию. В культуре наблюдаются очень архаические черты, как, например, серпы с кремнёвыми вкладышами. Сюда почти не доходил античный импорт. Вполне возможно, что население балтской Случи, жившее в VI – V вв. до н. э. чересполосно с неврами-милоградцами, является тем самым пришлым «из северной пустыни» элементом, который привел невраов в движение» (Рыбаков, 1979, с. 190). Но приведенных Б. А. Рыбаковым данных явно недостаточно, чтобы согласиться со сделанным им выводом. К тому же его данные нуждаются в уточнении. Например, элементы «скифской триады» на этой территории всё же представлены – находками наконечников стрел, меча-акинака, ритонов с протомами барана (Археология..., 1971, с. 103). Таким образом, следует говорить не об изолированности, а только о провинциальности этой части Волини по отношению к центрам скифской культуры. Провинциальность, наравне с известной архаичностью волинских древностей скифского времени, вовсе не свидетельствует, разумеется, именно о балтском их происхождении. В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным архаичность этих памятников гораздо убедительнее объяснялась отставанием развития производительных сил Волини скифского времени по сравнению, например, с соседней Подолией. Но одновременно эти же исследователи обосновали общее происхождение обеих групп населения, волинского и подольского –

от племён чернолесской культуры (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 288). Если с чернолесью волинские древности на Случи соединяются выразительными генетическими связями, то с синхронными памятниками к северу от Припяти они ничего общего не имеют. В силу своей очевидности это не требует никаких особых доказательств. Кстати, никак нельзя рассматривать доказательством северного или балтского происхождения упомянутые Б. А. Рыбаковым серпы с кремнёвыми вкладышами. По той простой причине, что на древнейших городищах средней и северной Беларуси подобные орудия практически неизвестны несмотря на широкое распространение там каменного инвентаря (Археология..., 1999, с. 131). Они употреблялись не северными, а южными соседями древнего населения Волини, например, в Подолии и Молдове (Мелюкова, 1984, с. 225 – 229). Получается, что аналоги архаичных волинских орудий происходят не из балтской, а из фракийской среды. Между тем, именно с фракийским этносом связывается, полностью или частично, чернолесская культура доскифского и сохранившие её наследие древности скифского времени (Березанская, 1988, с. 12 – 18). Итак, рассмотрение археологических аргументов Б. А. Рыбакова, наверное, свидетельствует, что наличие на западе Волини, поблизости от местных милоградских памятников какой-либо балтской культуры очень проблематично. А вот присутствие фракийских древностей в их ближайших окрестностях, наоборот, бесспорно. В Прикарпатье и Подолии их оставили несколько мощных волн переселенцев из Карпато-Дунайского региона, первые из которых двинулись на восток ещё в эпоху гальштата. В скифскую эпоху, как считают исследователи, к фракийской общности принадлежали агафирсы – по Геродоту, ближайшие соседи невраов с запада или юго-запада. Согласно Ю. К. Колосковской, во время персидского нашествия невраы даже были подчинены агафирсам, входили в союз племён, который они возглавляли (Колосковская, 1984, с. 186). Поэтому интерес вызывают данные о большой популярности во фракийской среде змеино-го культа, подробно зафиксированной различными античными источниками. У древних фракийцев, как и у современных народов, сформировавшихся на фрако-иллирийском субстрате, румын, молдаван, болгар, сербов, албанцев, змея считалась символом достатка и плодородия, а также защитником дома, семьи, общины. Не случайно главные боги фракийцев имели её своим атрибутом, а фракоязычные дакийцы шли в бой под штандартами в виде змеи или дракона (Златковская, 1974, с. 32 – 40). Получается, что фракийцы могут создать конкуренцию балтам в смысле соответствия Геродотовым «змеям». Но в этих «змеях», на наш взгляд, не стоит по-прежнему усматривать обязательно какой-то воинственный народ с тотемом змеи. Несмотря даже на то, что с этими врагами Геродотовых невраов сопоставлялись, например, змеи «с человеческими головами, блестящими

ми, как солнце» из одной сибирской легенды. Согласно этой легенде, народность аринцы на Енисее стала малочисленной после нападения этих зооантропоморфных чудовищ (Миллер, 1937, с. 185). Поэтому и не стоит, кажется, предлагать «фракийскую» версию идентификации Геродотовых «змей», хотя эта версия ничем не хуже известной «балтийской». Попробуем поискать принципиально новый подход, ключ к которому, кажется, скрыт в извечной мифологической символике змеи. В фольклоре и искусстве разных эпох и народов змея выступает как символ влажности, воды, дождя (Рыбаков, 1981, с. 191). Учтём, что, согласно Геродоту, множество змей породила собственная земля невров. Считать и этих враждебными чужеземцами, по-видимому, затруднительно. Более логично рассматривать данное Геродотово известие в качестве сообщения не о военно-политических, а о природно-климатических событиях. В соответствии с универсальными представлениями, змеи символизируют возрастание увлажнения. В этой связи очень интересны результаты палеоклиматологических исследований. Начало одного из семи больших периодов возрастания влажности и понижения средних температур, выделяемых для территории Европы, приходится на вторую половину VI в. до н. э., что совпадает, как видим, с Геродотовой датировкой нашествия змей. По мнению специалистов, подобное ухудшение климатических условий проявлялось в особенно сильных дождях, высоких паводках, также и в летние месяцы (Борисенков, Пасецкий, 1983, с. 21, 113). Понятно, что подобные изменения не могли не иметь негативного влияния на жизненные условия древнего населения, в том числе и милоградского.

Выше были упомянуты оба памятника, на которых обнаружены самые ранние в Беларуси датированные городищенские находки: Ясенец I, давнее раннескифский наконечник стрелы с шипом VIII – VII вв. до н. э., и Лиски с парой раннетагарских зеркал VII – началом VI вв. до н. э. И Лиски, и Ясенец I были устроены на незначительных всхолмлениях среди низин, а не на мысах. Мысовые городища таких архаических находок, наоборот, не дали. Как уже говорилось, из шести приведённых О.Н. Мельниковской в качестве наиболее ранних (Мельниковская, 1967, рис. 64), только датировка одноштыковой серьги из Горошково и «узкая», и ранняя: VI – V вв. до н. э. Поэтому хронология милоградских мысовых городищ, согласно О.Н. Мельниковской, и начинается только с конца VI – V вв. до н. э., в чём с ней, конечно, следует согласиться. Но нельзя не учитывать и наличия неподалёку от тех же мысовых городищ милоградской культуры на верхнем Днепре памятников культуры лебедовской, наподобие упомянутой Заспы. Хронологического разрыва между обоими культурами здесь, очевидно, не было, в том числе и потому, что мысовым в юго-восточной Беларуси предшествовали, наверное, городища более раннего типа. Городища можно было основывать и в низинах, когда

их заболоченность ещё не достигла своего максимума, как в V в. до н. э., на который в Европе приходится, согласно А.В. Шнитникову, пик холодной трансгрессивной фазы, сопровождавшейся также и возрастанием влажности (Шнитников, 1973, с. 16, рис. 1). Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что около середины I тыс. до н. э. действительно произошло значительное перемещение «милоградцев» – но не как это предполагалось О.Н. Мельниковской, из Житомирщины на Гомельщину, а лишь в пределах последней, когда прежние обитатели из низин вынуждены были перебраться повыше, на мысы. По нашему мнению, одновременно с аналогичными проблемами пришлось столкнуться и населению другой, юго-западной части милоградского ареала. Особенность локализации милоградских памятников на западе Вольни – сосредоточение основной их части в относительно небольшом районе к северу от г. Ровно, припадении в Горынь р. Устьи (Свэшиков, 1971, с. 68 – 81). Увеличение влажности здесь неизбежно должно было вызвать экономические затруднения из-за уменьшения пригодных для сельскохозяйственного использования площадей, которых, видимо, и так не доставало. В этом мы видим причину выселения некоторой части милоградского населения западной Вольни. Переселенцы перешли через водораздел и оказались в более возвышенной Подолии. Именно это событие, по нашему мнению, и легло в основу Геродотовой легенды о бегстве невров.

Таким образом, точный смысл подтвержденных археологическими данными известий «отца истории» заставляет нас связать все события с их участием со сравнительно небольшим регионом на средней и верхней Горыни, а также в верховьях Южного Буга. Но тогда большая часть обширного милоградского ареала оказывается вне пределов Невриды. Конечно, какую-то часть его займут «пустыни». Например, где-то на западной окраине припятского локального варианта милоградских древностей неизбежно окажется та страна «выше» Невриды, которая согласно Геродоту, была никем, кроме пресловутых «змей», не заселена (Kolendo J., 1998, s. 360 сл.).

Однако ни с какой из Геродотовых «пустынь», безусловно, не может сопоставляться район концентрации подгорцевских памятников на Среднем Днепре. Среднее Поднепровье, безусловно, принадлежало к известным «отцу истории» и его коллегам частям ойкумены. Поэтому центральная часть украинской Лесостепи обязательно отводится тому или иному из упомянутых Геродотом племён. Впрочем, постепенно возобладала тенденция относить, например, теперешнюю Киевщину, именно к земледельческой Скифии. Но тогда имеется вероятность, что Геродотовым наименованием **Σκίθαι** неизбежно перекрываются также носители милоградской культуры, её подгорцевского локального варианта. Могла ли и какая-то часть «милоградцев» восприниматься своими эллини-

ми современниками в качестве «скифов»? Это заслуживает специального рассмотрения.

Как отмечалось выше, уже в предскифское время лебедовские предки подгорцевского населения проживали в Среднем Поднепровье чересполосно с гораздо более могущественными позднеролюсскими племенными центрами. Эта традиция сохранялась и на протяжении всей последующей скифской эпохи. При этом структура расселения была весьма характерной. В ней, безусловно, главенствовали большие лесостепные городища – племенные центры, согласно В.Г. Петренко (Петренко, 1967, с. 55). Наоборот, подгорцевские поселения, по размерам весьма скромные, укреплений не имеют никогда. Подчинённое положение их обитателей В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин попытались, как было сказано выше, на примере кургана № 20 в Холодном Яре, относящемся к киевской локальной группе скифской культуры. Здесь основную могилу сопровождало погребение, по мнению этих исследователей, «рабыни подгорцевского племени» (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 255). Но считается также, что захоронениями выходцев именно из среды оседлых носителей скифской культуры сопровождается основное погребение в монументальном кочевническом кургане Перепятиха (Скорий, 1990, с. 75). Вероятно, в скифскую эпоху на среднем Днепре существовала довольно сложная социальная структура, которая к тому же должна была соответствовать полиэтничности, характерной тогда для этого региона. Пришлилые иранцы-кочевники, первоначально обитавшие непосредственно в правобережной лесостепи, господствовали над оседлыми аборигенами, прямыми потомками чернолесья, по-видимому, совершенно чуждыми им по языку и этносу. Этнос чернолесской культуры традиционно определяется как праславянский, хотя довольно популярной стала также и древнефракийская его атрибуция (Березанская, 1976, с. 12 – 18). Но, так или иначе, в последующую эпоху прежняя этническая принадлежность основной массы обитателей Среднеднепровского Правобережья, по-видимому, не изменилась, и «скифами» они стали лишь номинально (Тереножкин, 1961, с. 239). И произошло это, по-видимому, прежде всего по политическим причинам. Но оседлые «скифы», обладатели среднеднепровских городищ, имели, в свою очередь, собственных данников – в лице обитателей подгорцевских селищ. Кстати, эти археологические подтверждения предлагаемой реконструкции межэтнических взаимоотношений в среде обитателей Среднего Поднепровья можно дополнить, наверное, также историко-этнографическими. Русские землепроходцы обнаружили в Сибири XVII в. аналогичную структуру: телеуты и буряты, имея собственных данников, «киштымов», в свою очередь, и сами выплачивали ясак кочевавшим в Джунгарии калмыкам (Никитин, 1990, 1984, с. 11). Енисейским киргизам его платили качинские «татары», то есть, тюркоязычные, как и они,

хакасы, среди которых на правах данников проживали арины, первоначально самодийская или кетоязычная народность (Костров, 1884, с. 208). Несмотря на довольно глубокую скифизацию, свою этническую самобытность «подгорцевцы», наверное, сохраняли. Об этом, в частности, можно судить по существованию у них оригинального ажурного стиля, от скифского «звериного» совершенно независимого. Но, вследствие низкого статуса – данники данников! – эта самобытность должна была игнорироваться, и для внешнего мира подгорцевское население, наверное, терялось в общей массе среднеднепровских «скифов». «Земледельцев» или «пахарей»?

Ещё со времён А.А. Спицына Среднее Поднепровье принято отводить именно скифам-пахарям (Спицын, 1918, с. 87). Прямой смысл Геродотового известия об обитании $\Sigma\kappa\iota\theta\alpha\iota \psi\epsilon\omega\rho\gamma\omega\iota$ на Гипанисе, а вовсе не на Борисфене, обычно попросту игнорировался. Получило хождение другое, расширительное толкование: Геродот-де, указывая скифов-пахарей на Гипанисе, якобы имел в виду, что они обитали на правом берегу Борисфена (Нейхардт, 1982, с. 106). Яркая земледельческая культура Правобережья среднего Днепра не позволила окончательно изъять отсюда скифов-пахарей также и Б.Н. Мозолевскому, даже вопреки тому, что памятники Киево-Черкасского региона отводились им Геродотовым неврам (Тереножкин, Мозолевский, 1987, с. 225 – 226).

Вопрос о правильной локализации $\psi\epsilon\omega\rho\gamma\omega\iota \Sigma\kappa\iota\theta\alpha\iota$ исследовался нами специально (Рассадни, 1999, с. 15). Остановимся на нём ещё раз. Итак, их отличие от $\Sigma\kappa\iota\theta\alpha\iota \alpha\rho\omega\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$ удалось объяснить некими «агркультурными» причинами. Согласно Э. Боннелло, «пахари» отличались от «земледельцев» тем, что выращивали, кроме зерновых, также овощи и фрукты (Bonnel, 1968, S. 84). По Б.Д. Грекову, «скифы-пахари» – это пашенные земледельцы, а «скифы-земледельцы», наоборот, примитивные мотыжные (Греков, 1949, с. 45). В.И. Абаев Геродотов термин $\psi\epsilon\omega\rho\gamma\omega\iota$ объяснял как огреченное скифо-иранское $gaumvarga$, «разводящие скот» (Абаев, 1981, с. 74 – 76). Подобный перевод, позволял, будто бы, снова вернуться к опровергнутой локализации Геродотовых скифов-земледельцев не на среднем, а на нижнем Днепре (Степи европейской... , 1989, с. 44). Однако достоверные следы земледельческой оседлости на Левобережье нижнего Днепра Геродотова времени, как известно, отсутствуют (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 193–195). Но теперь и памятники степняков, казалось, можно было рассматривать в качестве древностей скотоводов- $gaumvarga$. Правда, объявить их, как того требовала логика, скифами-кочевниками, не решился никто: например, Б.Н. Мозолевский оперировал непорочным наименованием – «скифы георгой» (Тереножкин, Мозолевский, 1987, с. 182). Но от путаницы здесь поможет нам избавиться сам Геродот. Ведь никакого противоположного смысла в его обозначении $\Sigma\kappa\iota\theta\alpha\iota \psi\epsilon\omega\rho\gamma\omega\iota$, безусловно, нет: это –

земледельцы, а никак не скотоводы. Скотоводам они недвусмысленно противопоставляются по типу хозяйствования: «...Эти скифы-земледельцы к востоку (от реки Борисфен) занимают пространство на три дня пути вплоть до реки, носящей название Пантикапа ... К востоку от этих скифов-земледельцев, за рекою Пантикапом, обитают уже скифы-кочевники, ничего не сеющие и не пашущие» (Доватур и др., 1982, с. 106–107). Следовательно, **Σκίθων γεωργοί**, наоборот, занимались и тем, и другим. «Скифы георгой» обитали, по-видимому, по обоим берегам Днепра, но не в нижнем, а среднего течения. Согласно В.А. Ильинской, в начале VI в. до н. э. в лесостепном Посулье обосновалась скифская орда подлинно иранского и кочевнического происхождения (Ильинская, 1968). По нашему мнению, это и были те самые Геродотовы **Σκίθων νομάδες**, а р. Сула и должна быть пограничной рекой Пантикапом, соответственно (Рассадин, 1999, с. 15–16).

Получается, что, в соответствии с Геродотовым указанием о трёх днях пути до владений номадов, мы должны отнести скифам-земледельцам довольно узкую полосу лесостепи Левобережья среднего Днепра. В интересующий нас период эта территория была населена, судя по археологическим данным, этнически неоднородным, но одинаково скифизированным населением. Так, ближе к Днепру располагаются подгорцевские памятники, а дальше к востоку, на Десне и Сейме – юхновские. Интересно отметить, что в лесостепном Поднепровье наблюдается характерный параллелизм в трансформации обеих культур, юхновской и милоградской, под воздействием одного и того же фактора – скифизации. Из-за одинакового внешнего воздействия в одном направлении эволюционирует погребальная обрядность обеих. Поэтому юхновский могильник Долинское, например, даже было ошибочно причислен к памятникам скифской культуры Посеймья (Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 344). Что, впрочем, вполне объяснимо, ведь вне этой зоны интенсивной скифизации юхновский погребальный обряд выглядит совершенно иначе. Соответственно, не обнаруживает влияния скифизации также и милоградский в Верхнем Поднепровье. Но тамошнее милоградское население тоже подверглось скифизации, хотя и в меньшей, конечно, степени, чем подгорцевское. Непосредственного скифского присутствия Верхнее Поднепровье не знало, однако, скифские курганы известны в Малых Ладьжичах в устье Припяти (Антонович В.Б., 1899, с. 21). Правого берега этой реки, по предположению А.И. Тереножкина, могли достигать и отдельные поселения носителей киевского варианта скифской культуры (Тереножкин, 1965, с. 34). Вверх по Днепру и Сожу лесостепное влияние, конечно, ослабевает, но, наверное, остается достаточноым для того, чтобы верхнеднепровские «милоградцы» не попадали под Геродотово определение «народ ... совсем не скифский».

Такую характеристику уместнее, видимо, оставить для какой-то другой археологической культуры,

находившейся вне зоны скифского влияния. Ей соответствуют памятники типа нижнего горизонта Лабенщины в бассейне средней и верхней Березины, а также соседние с ними ранние днепровские западно-днепровского варианта (Рассадин, 1992а, с. 61–73). В этом нас убеждают, прежде всего, известия самого «отца истории». «В сторону северного ветра, говорит он о стране скифов-земледельцев, эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше над ними пустыня на большом пространстве. За пустыней живут андрофаги, племя особое и совсем не скифское. Страна, которая находится выше их, уже настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном протяжении» (Доватур и др., 1982, с. 106–107). Эту «пустыню» Б.А. Рыбаков размещал непосредственно внутри милоградского ареала, между Припятью и Днепром. «Это – пустота внутри Неврнды, – писал он, – на юго-запад и северо-восток от неё памятники неврам неизвестны ... До наших дней эта обширная лесная и болотистая область и припятско-днепровский клин остаются крайне малонаселенными» (Рыбаков, 1979, с. 150). Б.А. Рыбаков руководствовался картой О.Н. Мельниковской, уже устаревшей. На основании дальнейших исследований городищ милоградской культуры было сделано существенное уточнение, что «максимальная их концентрация наблюдается как раз в междуречье Днепра и Нижней Припяти» (Лошенко, 1990, с. 15–16). И так, «пустыня» здесь исчезает, вслед за неврами и Неврндой на Борисфене. На наш взгляд, вообще не стоит подыскивать, как эквивалент, некую территорию, напрочь лишённую археологических памятников. Ведь эта «пустыня» на Борисфене, между скифами-земледельцами и андрофагами, не характеризуется Геродотом с помощью эпитетов «безлюдная», или «настоящая». Вообще относительно «пустынь», указанных Геродотом вокруг андрофагов, Е. Колендо предполагает, что это были зоны безопасности на подступах к агрессивному племени (Kolendo, 1998, s. 73–84).

Где именно обитали эти Геродотовы **Ανδροφαγοί**, можно определить, опять же, только верно поняв Геродота. У него андрофаги – самый верхний народ на Борисфене. «Только у этой реки и у Нила я не могу назвать истоки и, полагаю, никто из эллинов не назовет», подчёркивает «отец истории» (Доватур и др., 1982, с. 118–119). «Я положительно думаю, писал, в свою очередь, Сигизмунд Герберштейн, что эту Березину древние считали за Борисфен, на что, по-видимому, указывает и само созвучие ее названия» (Герберштейн, 1988, с. 166). Имеется еще одно гидронимическое дополнение в пользу, опять же, Березины. Согласно И.Е. Забелину, «у самой вершины Березины существует озеро Берешта, через которое проложен Березинский канал; это, быть может, прародитель самой Березины» (Забелин, 1908, с. 233). Этот Борисфен аитичных авторов, по мнению В.А. Булкина, мог отклоняться еще юго-западнее, продолжаясь

уже по правому притоку Березины. Свислочи (Булкин, 1983, с. 6–7). Итак, **Αυβροφαγοί** неизбежно оказываются в районе городищ Августово, Лабенщины и Оздятич, образуя за «пустыней» северный ориентир для милоградских **Σκίθαι γερῶροι**.

Но необходимо остановиться ещё на одной проблеме, без решения которой предложенная здесь локализация как скифов-земледельцев, так и невров может быть поставлена под сомнение. Некоторые позднеантичные авторы связывают невров не с верховьями Тираса и Гипаниса, а с Борисфеном. Это позволило О.Н. Мельниковской предполагать следующее: «Такая перемена в локализации невров в ранних и более поздних источниках может соответствовать, как нам представляется, и археологическим данным о передвижениях племен милоградской культуры с запада на восток» (Мельниковская, 1967, с. 172). Из подобного понимания тех же самых античных известий исходила также и М. Гимбутас, но переселение этих невров = «милоградцев» было приурочено ею к событиям не середины, а конца I тысячелетия до н. э. «... Из-за вторжения носителей зарубинецкой культуры в ареал милоградской, считает она, первоначальное население, сопоставляемое мною с неврами было вынуждено мигрировать на север, в верховья Днепра и Западной Двины». М. Гимбутас попыталась развить соответствующее предположение О.Н. Мельниковской, путём сопоставления известий писателей римской эпохи с летописными, о данниках Руси *nerava*, *neroma* (Gimbutas, 1983, S. 115).

Итак, попытаемся выяснить причины и происхождение разногласий позднейших античных авторов с Геродотом. Таких авторов около десяти, но всем им, вместе взятым, явно не под силу конкурировать в отношении объёма информации о неврах с Геродотом, подчеркивать необычайную осведомлённость которого, особенно о востоке Европы, по сравнению с остальными его древними коллегами, стало уже традицией (Ельницкий, 1961, с. 131). Показательно, что, говоря о неврах, некоторые авторы попросту воспроизводят фрагменты Геродотовых известий. Так, у Псевдо-Скимна мы прочтем следующее: «Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды, затем пахари, далее невры вплоть до необитаемой вследствие холода страны...» (Псевдо-Скимн, 1947, с. 311). Если ничего не опущено в Псевдо-Скимновом пересказе, то, надо полагать, в оригинале у младшего современника «отца истории», Эфора (Эфор, 1947, с. 319–320), имелось не более, чем искажённое изложение Геродотова известия об обитателях берегов Гипаниса (Доватур и др., 1982, с. 106–107). И в появившемся спустя пятьсот лет «Землеописании» Помпония Мелы сведения о неврах являются, в сущности, такой же компиляцией из Геродота, причем, также не всегда добротной. Например, согласно Меле и вопреки Геродоту, «река Тира» берёт начало непосредственно в земле невров (Помпоний Мела, 1949, с. 280). Но вариант пересказа Мелы, как и все более поздние, проигрывает приведению у Эфора – Псевдо-Скимном: локализация невров, равно как и других Геродотовых племен, на Тире-Днестре, в I в. н.э. представляла собой несомненный анахронизм. К тому времени этническая ситуация на западе бывшей Скифии давно вы-

глядела совсем иначе. Её действительное состояние, современное Помпонию Меле, отражает, в частности, Страбона «География». Географ сообщает о населении этих земель следующее: «Всё пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимает, во-первых, пустыня гетов, затем тирегеты, за ними – язиги-сарматы, так называемые царские, иурги... Внутри материка бастарны живут в соседстве с тирегетами и германцами, вероятно, и сами принадлежат к германскому племени и будучи разделены на несколько племен..., а самые северные (племена), занимающие равнину между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами. Вся северная страна от Германнии до Каспия, насколько мы знаем, представляет равнину; живут ли какие-нибудь народы выше роксоланов, нам неизвестно» (Страбон, 1964, с. 116). Как видим, у «отца географии», который, по общему мнению, старался оперировать только точными и практически полезными сведениями, в Европейской Сарматии не нашлось места ни для невров, ни для кого-нибудь ещё из Геродотовой днафесы племен. Зато у Дионисия Геродотовы невры упоминаются между мифическими Гомеровыми гиппемолгами и гиппоподами (Дионисий, 1948, с. 238–239). У Присциана (V–VI вв. н.э.) к неврам, гиппемолрам и гиппоподам добавилось «потомство племени бастарнов, полчища даков, воинственные аланы...» (Присциан, 1949, с. 300). Конечно, информация подобного качества вряд ли пригодна для уточнения локализации невров послегеродотова времени. Невольно отмечаешь справедливость мнения крупнейшего специалиста по истории античной географии Дж. Томсона, подчеркивавшего деградацию уровня знаний о востоке Европы в позднеимператорском Риме. Между прочим, весьма нелестно отзывался он и о Плиниевых географических штудиях. По Дж. Томсону, из источников Плиний «отдавал предпочтение римским, особенно произведениям неразборчивых компиляторов, таких же, как и он сам... Другие же разделы («Естественной истории») производят впечатление мозаики из цитат, что они, собственно, собой и представляют» (Томсон, 1953, с. 324). Что и говорить, оценка необычная и... вполне обоснованная. Но ведь именно Плиний был первым, кто поместил невров на Борисфене. Поэтому с его сведениями здесь придётся разобраться подробнее. И, надо сказать, мнение Дж. Томсона целиком подтверждается. Ведь в «Естественной истории» можно прочесть, например, следующее: «... На побережье от Каркины расположены города: Тафры на самом перешейке полуострова (Тавриды)... От Тафр по направлению внутрь от материка живут авхеты, во владениях которых берет начало Гипанис, невры, от которых вытекает Борисфей, затем гелосы, будины, базилиды и темиволосые агафирсы, выше их живут номады, потом агитрофаги, а от Бука выше Местиды – савроматы и эседоны...» (Плиний, 1949, с. 279). Как видим, и Плиний, подобно Меле, экстраполирует на свою эпоху этногеографические данные из Геродота, причём изрядно перепутанные. Впечатление искажённости усиливается при сравнении двух Плиниевых замечаний о Гипанисе: «... очень ошибаются те, которые передают, что эта река находится в азиатской части» и тут же:

«Гипаннис течет через земли номадов и гилеев искусственным руслом в Бук, а естественным – в Карет. Эта область называется Синдской Скифией» (Плиний, 1949, с. 279–280). Получается, что, настаивая на европейской локализации Гипанниса, Плиний следом описывает Гипаннис азнатский (Кубань), ведь Карет, согласно самому же Плинию, это «залив Меотийского озера». Что касается Гипанниса европейского, Южного Буга, то вызывает сильнейшее недоумение, почему Плиний поместил его исток ... на левобережье нижнего Днепра, в земле авхетов, которые «привязаны» у него к г. Тафрам, находившемуся, несомненно, на Перекопском перешейке (Томсон, 1953, с. 342, 484–488). На черноморский берег западнее Днепра область Плиниевых авхетов не простиралась; от Буго-Днепровского лимана к востоку он последовательно называет народы лимнеев, сардов, сираков, энекадиев (Плиний, 1949, с. 278–279). Если Плиний «заставил» Гипаннис Геродота протекать вслять и поперек Борисфена, то почему бы последнему не вытекать, подобно Тире у Мелы, от невра? Непозволительно вольное обращение автора «Естественной истории» с данными своих источников замечалось неоднократно. Так, указывалось, что он «перенёс» ближе к Ольвии Аррнанову Ахейскую гавань с кавказского и Страбоновых сираков сазовского побережий (Ельницкий, 1961, с. 91). М.В. Скржинская также была вынуждена согласиться с тем, что в §§ 82–84 IV-й книги «Естественной истории» имеет место смешение известий разного происхождения и что Плиний Старший «скомбинировал данные своего времени со сведениями ионийских географов». Данная комбинация неоднократно воспроизводилась Плиниевыми компиляторами, прежде всего Солином (Скржинская, 1977, с. 45). Действительно, Гай Юлий Солий тоже сообщает, что «Гипаннис... берет начало в земле авхетов» (Солий, 1949, с. 242). Позже, в V в. н.э., сведения Солина об истоках Гипанниса и Борисфена в сжатом виде были пересказаны Капеллой: «В земле невра берет начало река Борисфея» (Капелла, 1949, с. 280). Но Капелла хорошо известна в качестве не добавляющего никаких оригинальных сведений компилятора Геродота, Мелы и того же Плиния, именно у которого, помимо приведенного выше, он позаимствовал и следующий пассаж: «Гипаннис... берет начало в земле авхетов». Итак, относительно локализации невра в позднеримской этногеографической традиции отчетливо прослеживаются две линии: первая представлена в «Хорографии» Мелы, а вторая – в сочинениях Плиния и его компиляторов. На наш взгляд, значение этой второй у М.В. Скржинской, наверное, переоценивается – когда, например, в заслугу автору «Естественной истории» ставится использование, правда, опосредованное, каких-то древнеионийских сочинений, причём в вопросе о локализации невра Геродоту именно альтернативных. Но далее его в качестве источников Плиния указываются только Алкман и Аристей, невра не знающие. М.В. Скржинской было совершенно верно отмечено, что впоследствии у поминания римскими поэтами различных «заскифских варваров», в том числе и невра, какого-либо конкретного содержания вообще лишаются (Скржинская, 1977, с. 52).

Итак, возникшая в римской литературе ещё и третья линия неврской локализации, наверное, более принадлежала уже античной мифологии, чем этногео-

графии. Посмотрим, чем это обусловлено. У римских авторов укоренилось – и это нетрудно заметить – представление о Геродотовых неврах, как о народе, обитающем у истоков какой-нибудь великой скифской реки. А задолго до него в античной традиции стало бытовать другое мнение, согласно которому потоки Скифии рождаются в высоких горах на её севере. Названия этих гор, как и рек, с них текущих, у разных авторов разные. Мела и Плиний с Рипейскими горами связывали истоки Танаиса, Маркиан Гераклеяский с Аланскими – истоки Борисфена. И произошёл неизбежный синтез обоих представлений, которому способствовала Геродотова локализация невра на севере, на краю пустыни. То есть там, где последователями Гекатея Милетского мыслились великие горы с истоками великих рек. Не случайно Аммиан Марцеллин, говоря, что Борисфен начинается в «горах Невриев», описывает климатические условия жизни последних как гиперборейские: «... негры, соседи высоких и обрывистых гор, на которых все коченеет от мороза и порывистых северных ветров» (Аммиан Марцеллин, 1949, с. 303). Пожалуй, пример Марцелиновой «Истории» красноречиво свидетельствует об окончательной мифологизации сюжета о неврах. Там это заведомо не реально существующий народ, вроде гуннов или аланов, с которыми контактировали римляне, а некий фольклорный символ, наподобие, кстати, и гелоннов, почему-то ставших в Риме, вопреки Геродоту, олицетворением «чрезвычайной дикости».

После того, как развитие «милоградцев» и на Южном Буге, и на Днепре давно достигло финала, развитие мифа о неврах продолжалось. Легендарный народ «переселился» к истокам другой великой реки. Так, в «Церковной истории» Филосторгия (IV в. н.э.) записано: «Эти унны (тунны) – вероятно, тот народ, который древние называли неврами, они жили у Рипейских гор, из которых катит свои воды Танаис, изливающийся в Меотийское озеро» (Филосторгий, 1948, с. 281). В общем-то, история неврского сюжета в римской литературе интересна сама по себе – как документированная история возникновения и развития одной из легенд поздней античности, восходящей, в конечном счете, к какому-то реальному факту. Этим фактом, как видим, была, в данном случае, запись Геродотом сведений о современном ему народе, к которой в положительном смысле позднее никто – от Эфора и Мелы до Филосторгия – не добавил ни буквы. Такова наша, противоположная вынесенной О.Н. Мельниковской, оценка значения информации о неврах из сочинений римских авторов. Если говорить об оппозиции известиям Геродотовой «Истории», то ее составляют сведения из Страбоновой «Географии», документирующие полное исчезновение невра с этнокарты днепровского Правобережья к IV до н.э. Что, впрочем, вполне соответствует археологическим данным о судьбах волыньских «милоградцев».

Итак, получается, что какая-то часть единоплеменников «заскифских варваров» была так прочно интегрирована в возглавляемую скифами царскими этно-политическую систему, что воспринималась уже в качестве части «скифов-земледельцев». Но другая их часть сохраняла собственную самобытность даже внутри Скифии: негры, удравшие от «змей» к «пахарям» на Гипаннисе (рис. 14).

ГЛАВА IV.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наши взгляды на этнос милоградской культуры сжато уже опубликованы (Археологія... , 1999, с. 73 – 75). Изложим их теперь подробнее. Моноэтничность «милоградцев» принимается как нечто само собой разумеющееся, и из неё исходили едва ли не все исследователи. Но ведь милоградская культура не является монолитом даже в археологическом отношении. Видимо, нельзя полностью исключить также полиэтничность «милоградцев». Итак, с известной дилеммой, о славянстве или балтийстве «милоградцев», конкурирует ещё одна – об их моно- или полиэтничности. Но посмотрим, возможно ли установить этническую принадлежность милоградской культуры, даже по-прежнему рассматривая её моноэтничность как аксиому.

При обращении к этнической атрибуции той или иной культуры традиционно используются не только археологические, но и антропологические, этнографические, исторические сведения – все те, которые могут иметь какое-либо значение. Посчитаем возможным вовсе не упоминать пока что письменные источники. Ведь нет уверенности, что Геродотов топоним, **Μεγρίδα**, был их самоназванием, а не каким-либо (каким?) иноязычным наименованием. Роль антропологии, из-за господства у большинства «милоградцев» кремации умерших и плохой сохранности немногих костных останков в других случаях, равна, наверное, нулю. Приближается к нему, и значение фактов из области этнографии. Допустим, установлено милоградское происхождение ряда элементов традиционной культуры славян-белорусов, о которых вспоминает О.Н. Мельниковская (Мельниковская, 1967, с. 37, 149 и др.). Но всё равно не удалось бы определить, что это: наследие этнического предка, или же проявление древнего этнического субстрата. Одно от другого в подобных случаях не отличимо, что прекрасно видно на материалах Прикамья. Одна и та же этнографическая особенность, беспорно восходящая к древним финно-уграм «ананьинцам», фиксируются и у удмуртов, также финно-угров, и у тюрков, чувашей и татар (Збруева, 1952, с. 86). Если даже отдельным милоградским этнографическим элементам и удалось пережить века, нельзя исключить, что они присутствуют у славян (или у балтов) в «снятом» виде, наподобие ананьинских у чувашей. Таким образом, возможности применения ретроспективного метода здесь сводятся практически на нет. Отнюдь не

безграничны они, на поверку, и для археологических данных. Отстаивая балтийство «милоградцев», В.В. Седов апеллирует к мнению большинства исследователей (Седов, 1970, с. 36). Им же дано обоснование значения ретроспективного пути, как единственно верного при изучении проблем этногенеза по археологическим материалам (Седов, 1979, с. 43; 2003, с. 594). Получается, балтийство милоградской культуры могут подтвердить «цепочки», которые документировали бы превращение её характерных черт в элементы культуры достоверных балтов. Точно такие же требования ретроспективный археологический метод предъявляет и при предположении о славянстве. Этот подход соответствует методической установке: «непременным условием для заключения о единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой» (Седов, 1979, с. 39). Её придерживаются многие исследователи (Русанова, 1976, с. 6). Однако не только лингвистами, но и археологами уточнялось, что преемственность в материальной культуре отнюдь не обязательно означает преемственность этническую (Филин, 1962, с. 68; Рыбаков, 1981, с. 215). В любом случае, исходные комплексы будут относиться к эпохе, значительно отдалённой от финала милоградской культуры, ко времени не ранее начала средневековья. А первое тысячелетие нашей эры, пожалуй, можно смело назвать самым бурным в этнической истории Восточной Европы, так что успешное наведение «моста непрерывности» от «милоградцев» и к славянам, и к балтам заведомо проблематично. Наверное, поэтому попытка как-то увязать милоградскую культуру с какой-нибудь другой, этническая атрибуция которой бесспорна, была предпринята всего один-единственный раз. В.П. Петров, сравнивая милоградские и корчакские курганные захоронения Житомирщины, смог отметить только несколько признаков взаимного сходства: наличие подкурганных трупосожжений в урнах, прикрытых плитками, в сопровождении камней (Петров, 1963, с. 36–37). Но подобное попарное тождество отдельных элементов разных культур не есть неопровержимое свидетельство их родства. Такие элементы вообще могут иметь разное происхождение. Например, для всех без исключения особенностей пражской культуры, на которые ссылался В.П. Петров, имеются аналоги не только в милоградской, но и в пшеворской погребаль-

ной обрядности (Русанова, 1976, с. 208). Очевидно, основываться на таких случайных совпадениях нельзя, иначе придётся допустить преемственность между милоградской и пшеворской культурами, а это уже явный нонсенс. Приходится констатировать, что решению проблемы этнической атрибуции милоградской культуры по данным археологии применение ретроспективного метода не способствует. С другой стороны, перспективно наследие милоградской культуры более-менее устанавливается только для могильников киевской культуры в Верхнем Поднепровье. Конечно, при желании можно и в колочинской культуре, особенно в её погребальной обрядности, отыскать некоторые черты, сходные с таковыми в милоградской (Побаль, 1969б, с. 82). Нельзя только доказать, что это не случайные совпадения вроде отмеченных общих черт милоградской и пшеворской культур. Невозможно также обосновать, что преемственность некоторых черт милоградской и киевской культур равнозначна этническому родству их носителей. Если учесть достаточно ясный теперь характер связей зарубинецкой культуры с милоградской, то по отношению к носителям киевской «милоградцы» вряд ли могут претендовать на большее, чем роль этнического субстрата. Видимо, сказанного достаточно, чтобы убедиться в нерешаемости, в принципе, вопроса об этносе «милоградцев» обоими археологическими методами, как ретроспективным, так и перспективным.

Скорее всего, нельзя его решить и с добавлением этнической атрибуции отдельных деталей вещевого комплекса милоградской культуры. Такую атрибуцию В.В. Седов попробовал дать посоховидным булавам, ажурным навершиям и круглодонным сосудам (Седов, 1967, с. 129–146; 1970, с. 16). Но с предположением о балтской специфичности этих вещей оказались в состоянии конкурировать и другие варианты интерпретации. Л.Д. Поболь продемонстрировал распространение посоховидных булавок вне ареала балтийской гидронимии (Поболь, 1971, с. 242). Примерно то же в соответствующей главе мы попытались обосновать и относительно ажурных «балтских» наверший, протипы которых происходят с Кавказа. Сказано было также о широком, долговременном распространении круглодонной керамики не только западнобалтийской, но и в финно-угорской, а также в другой этнокультурной среде.

Итак, самостоятельные возможности археологии здесь выглядят практически исчерпанными. Выясним, какую помощь может оказать ей лингвистика. Так как есть основания сомневаться в идеитичности Геродотова наименования невров их самоназванию, то приходится признать, что достоверно о языке «милоградцев» не известно ничего. А ведь именно язык рассматривается иногда в качестве главного этнического признака (Королук, 1976, с. 20; Рыбаков, 1981, с. 215). Как установить их лингвистическую принадлежность, не располагая ни оригинальными, ни вне-

шними свидетельствами о милоградском языке? Археологические материалы вроде милоградских сами по себе, конечно, «немые». Их исследователи пытаются «озвучить», используя результаты лингвогеографии, топонимии, а также сравнительного языкознания. Прежде чем приступить к рассмотрению тех из них, которые потенциально могут пролить свет на этнос интересующей нас культуры, следует, видимо, сделать одно замечание. Раньше археологи, обращаясь к проблеме этноязыковой принадлежности носителей как милоградской, так и зарубинецкой культур, исходили из существования некой дилеммы, ссылаясь на то, что лингвисты не находят здесь каких-либо следов третьего древнего языка, который вклинивался бы между балтским и славянским (Третьяков, 1966, с. 264; Мельниковская, 1967, с. 105). Поиск решения вёлся, соответственно, только в двух направлениях, славянском или балтском. Но допускается, однако, что «зарубинцы» могли быть носителями каких-то диалектов, позднее бесследно исчезнувших (Щукин, 1987, с. 101–105). В отношении «милоградцев» также следует допускать нечто подобное. Однако такой третий вариант атрибуции милоградской культуры, в пользу не славянства и не балтийства, пока лишён какого-либо лингвистического обеспечения. Впрочем, его появление не выглядит вовсе невероятным уже потому, что допускается возможность наличия в гидронимии Припятского Полесья, помимо славянского и балтского, следов ещё одного иидоевропейского языка (Исаенко, 1973, с. 50–51). Но пока приходится ограничиться рассмотрением двух вариантов.

Традиционным аргументом за славянскую принадлежность той или иной археологической культуры служило её территориальное соответствие славянской прародине, согласно Ф.П. Филину (Филин, 1962, с. 122, 147). На этом основании в претеидеиты на славянство попали культуры полесского неолита, восточнотишнецкая, скифская лесостепная, зарубинецкая (Исаенко, 1976, с. 119–120; Березанская, 1972, с. 192; Рыбаков, 1979, с. 196; Третьяков, 1966, с. 195, 220). Но совершенно очевидно, что эти последовательно сменявшие друг друга на севере Украины и юге Белоруссии культуры вовсе не составляют безупречную этногенетическую цепь, ведущую к достоверным славянам. Правда, Б.А. Рыбаков попытался как звенья такой цепи интерпретировать тшинепкокомаровские, пшеворско-зарубинецкие и пражские древности. Согласно М.Б. Щукину, связи между этими культурами оказались слишком слабыми и держались они на априорно принятой автохтонности всех этих культур (Щукин, 1997, с. 110). К тому же Б.А. Рыбаков не смог привести других аргументов, кроме указания на примерное соответствие их относительно совпадающих друг с другом ареалов с территорией славянской прародины по Ф.П. Филину (Рыбаков, 1981, с. 220). Между тем, сам же Ф.П. Филин и возражал против использования в археологии приема на-

ложения ареалов древних культур на реконструируемые в лингвистике территории, так как, по его мнению, этот приём не в состоянии дать надёжные результаты (Филин, 1972, с. 25). Возражение со стороны археологов по этому поводу тоже вполне законно: преемственность между пражской и зарубинецкой культурами проблематична, не говоря уже о возможности указать достоверного предка последней уже в бронзовом веке. С другой стороны, таким же примерным территориальным соответствием гипотетической славянской прародине обладают, помимо названных выше разновременных, также и синхронные культуры. По О.Н. Мельниковской, почти точно вписывается в рамки прародины также и милоградская культура (Мельниковская, 1967, с. 179). Получается, что с одинаковым основанием можно выбрать из двух частично синхронных культур, милоградской и зарубинецкой, одну «славянскую», что и было сделано многими археологами в пользу последней, по замечанию В.В. Седова, совершенно априорно (Седов, 1963, с. 30). Очевидно, произвольным выбор оказался и в другом случае. Два исследователя – Е.А. Петровская и Б.А. Рыбаков – оперировали одним и тем же аргументом: принадлежностью Киевщины к праславянской территории. Но они получили совершенно разные результаты, сочтя наиболее вероятным кандидатом на праславянскую принадлежность местные варианты различных культур, соответственно милоградской и скифской лесостепной (Петровская, 1972, с. 286–288; Рыбаков, 1979, с. 196). Впрочем, претензии на славянство всей этой вереницы культур на юге Беларуси и севере Украины, от неолитических до принадлежавших уже к первым столетиям н. э., как сменявших здесь одна другую, так и соседствовавших между собой, подкреплены одними только лингвистическими аргументами и, возможно, могут быть аннулированы с помощью точно такого же. По замечанию И.П. Русановой, намеченная Ф.П. Филиным на основании лексического анализа локализация славянской прародины в стороне от морей, гор и степей, в умеренной зоне Восточной Европы, очень расплывчата. Критериям Ф.П. Филина, по её мнению, вполне отвечают и земли по Висле (Русанова, 1976, с. 215). Возражая против локализации славянской прародины на Висле и Одере, Ф.П. Филин воспользовался известным «буковым» аргументом. Однако оказалось, что ориентироваться на современную восточную границу распространения бука вплоть до линии Калининград – Одесса невозможно, так как в древности она была иной, достигая только Эльбы (Бернштейн, 1961, с. 55). Позднее для решения лингвогеографических задач использовались названия уже не деревьев, а рыб, а именно проходных, лосося и угря. Согласно В.В. Седову, «... поскольку эти термины восходят к праславянскому языку, нужно допустить, что славянский регион древнейшей поры находился в пределах обитания этих рыб, то есть в бассейнах рек, впадающих в Балтийское море» (Седов, 1979, с. 22).

Обратимся, однако, к некоторым ихтиологическим подробностям. Оказывается, что из наших проходных рыб все породы обитали не только в балтийском, но и в черноморском бассейне. В Днепр заходили черноморские осетровые и лосося, у берегов Крыма водился угорь, отдельные экземпляры которого вылавливали в Днепре близ Киева и даже близ Могилёва. Сейчас в Припяти и в Днепре известна украинская минога, потомок черноморской проходной, которая вымерла только в прошлом веке (Берг, 1948, с. 58; 1949, с. 939; Жуков, 1965, с. 81 сл.). Итак, на самом деле проходные рыбы обитали по обе стороны балтийско-черноморского водораздела. По-видимому, невозможно установить, каким – балтийским или черноморским – миногам, угрям и лососям была первоначально посвящена раннеславянская ихтиотерминология. Она не в состоянии, следовательно, указать на локализацию территории праславян так точно, как это предполагалось В.В. Седовым. Получается, что и «рыбный» аргумент должен быть отвергнут вслед за «буковым». Теперь В.В. Седов ссылается на древнеевропейские названия вод, оформленных, однако, с помощью славянских формантов. Но такие названия распространены на слишком обширной территории от верхнего Одера до среднего Днепра, чтобы по ним можно было маркировать «славянскую прародину» сколько-нибудь точно (Седов, 2003, с. 600). К тому же, неславянские названия вод с помощью славянских окончаний славяне продолжали оформлять и значительно позднее. Так, крепость Верный, впоследствии столица Казахстана, была основана в 1854 г. на реке, русское название которой с тех пор звучит как Алматинка. Вернёмся, однако, в древность. Лексическое взаимодействие языков германцев и праславян игнорировать, конечно, нельзя, но ведь известно, что «германский» аргумент вполне уравнивается «скифским». Лингвисты установили, что праславянская сакральная лексика имеет иранское происхождение, но где произошел контакт праславян с древними иранцами, на Днепре или на Висле, они не определили. В.В. Мартынов приурочил этот контакт к VI в. до н. э. – ко времени скифских походов на земли лужицкой культуры, но убедительных подтверждений именно такой датировки он не привёл (Мартынов, 1978, с. 5). Итак, лингвогеографические данные, среди которых по своему значению для рассматриваемого вопроса первенствуют относящиеся к локализации славянской прародины, неоднозначны и противоречивы. При желании их можно истолковать как угодно. Может быть, этого недостатка лишены результаты изучения топонимики?

Ареалы славянской и балтской гидронимики лингвистам удалось определить точно (Топоров, Трубачёв, 1962, карты 2, 9). Обнаружилось, что балтизмы распространены, помимо Верхнего Поднепровья, также и в других частях милоградского ареала, в Украинском Полесье и на Киевщине вплоть до Роси (Петров, 1972, с. 101 – 106). В.В. Седовым этот факт

интерпретирован вполне однозначно: «В области милоградской культуры дославянская гидронимика оставлена балтами, следовательно, эта культура, наряду с днепродвинской, юхновской и культурой штрихованной керамики, должна быть приписана балтскому населению» (Седов, 1970, с. 270). Это выглядит вполне логичным, особенно если исходить из идеи ранней балтизации территории Беларуси, включая и Полесье. Предполагалось, что балтские названия водным объектам здесь стали давать ещё носители культуры боевых топоров во II, или даже неолитических культур гребенчатой и накольчатой керамики в III тысячелетии до н.э. (Загоруйский, 1977, с. 43; Чернявский, 1973, с. 13). Такие взгляды восходят, очевидно, к гипотезе, изложенной впервые Х.А. Моорой. По существу, он в своё время привёл два основных аргумента в пользу балтийства культуры боевых топоров: совпадение, в общем, её территории с ареалом древнейших балтских гидронимов, а также отсутствие здесь следов какой бы то ни было значительной миграции в конце III–I тысячелетий до н.э., с которой тоже можно было бы связывать балтизацию данной территории (Моора, 1958, с. 19–20). Видимо, доказательства Х.А. Мооры выглядели безупречными, поскольку Э.М. Загоруйский их полностью воспроизвёл спустя двадцатилетие. Настораживает, однако, использование здесь приёма совмещения гидронимического и археологического ареалов, который лингвистами, в принципе, отвергается. Известно, что, помимо прочих трудностей его интерпретации, гидронимический материал пока что практически не поддаётся хронологической атрибуции. По замечанию М.Б. Щукина, хронология – это вообще одно из слабых мест лингвистов (Щукин, 1997, с. 118). Из археологических культур – равноправных претеидеитов на какой-либо древний гидронимический ареал, например, славянский, выстраивается точно такая же весьма ненадёжная цепочка, как и из претеидеитов на славянскую прародину. Впрочем, очевидно, что при отсутствии уверенности в хронологической адекватности лингвистических, включая гидронимические, ареалов с археологическими, их совмещениями заниматься бессмысленно. Допустимо в принципе, что балтизация нынешней Беларуси и сопредельных территорий могла состояться не в эпоху ранней бронзы, а в другую, гораздо более позднюю. Вас. А. Булкин указал на существование так называемые «зеркального» ряда речных названий: Неман < Березина < Исloch < Волма – Волма, > Свисloch > Березина > Днепр. По его мнению, через Минскую возвышенность, где сближаются верховьями обе эти Вулмы, проходил водный торговый путь эпохи Полоцкого княжества (Булкин, 1983, с. 5–3). Ничто не препятствует, однако, отнесению возникновения этого «зеркального» речного ряда, по которым шла трасса реконструированного Вас. А. Булкиным пути, к гораздо более ранней, еще дославянской эпохе, так как названия в его составе издавна признаются всё же за балт-

ские (Жучкевич, 1974, с. 26, 338). Наличие аналогичных парных гидронимов маркирует направления древних миграций (Седов, 1970а, с. 85). Откуда, куда и когда двигались древние балты, создатели данной цепи названий-двойников, стало известно благодаря упоминавшимся уже исследованиям А.А. Егорейченко переселения носителей культуры штрихованной керамики в самом конце I тысячелетия до н.э. из южной Литвы и Гродненщины в бассейн Днепра и Припяти. Это переселение «штриховиков» вполне может претендовать на статус крупной миграции позднее II тысячелетия до н.э., которая была ещё не известна Х.А. Мооре. Вполне вероятно, что тогда, на рубеже эр, носителями культуры штрихованной керамики были даны названия также и множеству других рек, которые составляют ныне основу пласта балтской гидронимии Беларуси. Естественно, что и в милоградском ареале какая-то часть балтских гидронимов тоже может быть связана со «штриховиками». Но, по видимому, невозможно сказать точно, когда именно начался и когда закончился процесс появления балтских гидронимов на милоградской территории. Допускается, что балтские названия вновь возникали здесь даже во времена Великого княжества Литовского (Непокупный, 1976, с. 28). Топо-гидронимика, по утверждению специалистов, не есть прямое отражение языка (Никонов, 1964, с. 124). Балтизмы представлены также и на Полтавщине, однако какие-либо иные следы пребывания древних балтов там отсутствуют (Стрижак, 1963, с. 48, 59, 78). Целостное представление о гидронимике милоградского ареала составить пока невозможно по причине отсутствия полного регистра водных названий соответствующей территории. Кроме речных, мы попробовали привлечь также и соответствующие названия, производные от «болотных» гидронимов: Бель, Подбелье, Белев, Белии, река Белица, Белицкое, Белое Болото (-тце), Обольцы (Рапанович, 1986, с. 18, 29, 80, 159). Эти объекты локализованы на Гомельщине и южной Могилёвщине именно в заболоченных местах, как и, по наблюдениям Е.М. Катоновой, на Витебщине. Ею топонимология «балсопоставляется с балтским апеллятивом 'bala, – «болото» (Катонova, 1973, с. 48). В.А. Жучкевич сравнил такое же 'gizus, – «кислое болото», – с известными там же названиями типа Гижица, Гиженка (Жучкевич, 1974, с. 70). Всего в милоградском ареале известно что-то около двадцати «болотных» балтизм. Это немало, если вспомнить замечание О.Н. Мельниковской о, буквально, единичности балтских названий, выявленных В.Н. Топоровыми О.Н. Трубачёвым в тех частях Верхнего Поднепровья, где наблюдается концентрация милоградских памятников (Мельниковская, 1967, с. 180). Но, с другой стороны, В.А. Жучкевичем справедливо указывалось, что в их работе процент балтских гидронимов непропорционально высок, в том числе и за счёт безусловно славянских названий типа Сосна или Корытница. По его мнению, в Верхнем Поднепровье имеется всего один небольшой

очаг преобладания балтских названий, на Березине, а в бассейне Припяти они вообще единичны (Жучкевич, 1973, с. 149–151).

Не убеждённая гидронимическими доказательствами балтийства милоградской культуры, О.Н. Мельниковская отдала предпочтение славянской её атрибуции, указав, что милоградская территория является одной из тех, где славянская гидронимика представлена наиболее плотно и в относительно чистом виде (Мельниковская, 1967, с. 183). Но оказалось, что это, вообще-то, свидетельствует скорее «против», чем «за». Такие районы с «чисто славянской топонимикой» имеются и яркий пример тому, согласно М.Б. Щукину, – топонимия части бывшей Восточной Пруссии, где все прежние немецкие и балтские наименования в один момент были заменены русскими (Щукин, 1997, с. 117). К тому же, по наблюдению В.В. Седова, в пласте архаических славянских гидронимов, который О.Н. Трубочёвым был выделен в Украине, оказались представленными также и тождественные известным на Балканском полуострове. Это свидетельствует о возможной принадлежности наиболее поздних из них уже к началу средневековья (Седов, 2003, с. 600).

В отличие от гидронимических, результаты сравнительного языкознания обладают более определённой временной атрибуцией. Так, например, судя по данным, полученным Ф.П. Филиным, можно утверждать, что первый и второй периоды развития милоградской культуры приблизительно синхронны начальной стадий праславянского языка, а третий – средней (Филин, 1962, с. 99–110). Но данные сравнительного языкознания, в свою очередь, лишены точной территориальной атрибуции. Где именно обитали носители праславянского в начальной и средней его стадиях, на Днепре в милоградском ареале, или же на Висле? Как видим, непосредственное отождествление археологических и сравнительно-лингвистических результатов также весьма проблематично. Тем более, что последние вовсе не однозначны. Мы имеем в виду, например, известные расхождения между лингвистами во мнениях по вопросу о начале самостоятельного развития языка славян. В отличие от Ф.П. Филина, В.В. Иванов и В.Н. Топоров приурочили это начало ко времени не ранее I тысячелетия н.э. (Иванов, Топоров, 1958, с. 4). По мнению некоторых исследователей, славянский этнос, как таковой, вообще появляется не ранее VI в. н. э., в виде носителей пражской культуры. (Ленсман, 1989, с. 13–17). Если они правы, то произведённые археологами интерпретации в качестве славянских или раннеславянских многих и многих памятников более древнего возраста, включая также и милоградские, по существу, лишаются смысла. Возможно, придётся вернуться к старой идее П.Н. Третьякова, который одно время предлагал считать милоградскую культуру археологическим эквивалентом балтославянской общности (Третьяков, 1960, с. 45–46). Но в кандидатах на экви-

валентность ей фигурировали также и днепро-донецкая культура неолитической, и тшинская бронзовой эпох... (Телегин, 1968, с. 16–20; Gardawski A., 1959, s. 7–189). Перечислять их далее и разбираться с каждой культурой в отдельности, наверное, не стоит. К тому же нельзя исключить, что язык (языки?) «милоградцев» был не балтославянским, не балтоким, не славянским, а являлся другой индоевропейской (доиндоевропейской?) ветвью, иссохшей «без племени и потомства». Имея в виду сказанное, остановимся на мнении Г.С. Лебедева. Он основывался на одной известной лингвистической версии: отделения, в результате контакта с носителями некоего кеитум-языка, праславян от общей массы «прото-балто-славян». По его мнению, археологические эквиваленты здесь были такие: носители кеитум-языка – «зарубинцы», «праславяне» – киевская культура, а прото-балтославянами оставлен «массив археологических культур раннего железного века...: штрихованной керамики, милоградская, юхновская, днепро-двинская, верхнеокская». Интерпретация в качестве неразделившейся ещё балтославянской общности блока названных культур базируется на представлении о большой их близости – в хозяйственном укладе, типах поселений, жилищ, погребений, керамики, орудий труда, украшений (Лебедев, 1989, с. 105–107). Видимо, Г.С. Лебедевым степень межкультурной близости здесь явно преувеличивалась. Как и в других упомянутых случаях, соответствие археологических реалий лингвистическим гипотезам, по-видимому, только поверхностное.

Итак, были испробованы, кажется, все доступные средства, чтобы хоть с минимальной долей надёжности определить этнос милоградской культуры. В итоге приходится солидаризироваться с мнением Е.В. Максимова, что надёжная этническая атрибуция подобных памятников была бы возможна лишь при наличии в письменных источниках сведения об этносе оставившего их населения (Максимов, 1982, с. 162). Но таких сведений для милоградской культуры, к сожалению, нет. Остаётся удивляться, каким образом ярко выраженная ориентация археологической науки на решение проблем этногенеза и этнической атрибуции уживалась (и уживается) с тем, что специалисты в ней в конечном счёте солидаризовались с лингвистами, и отвели своим собственным данным не более, чем подчинённую роль (Филин, 1962, с. 75; Мельниковская, 1967, с. 177). Безусловно, археология восстанавливает, прежде всего, историю материальной культуры древнего населения (Филин, 1972, с. 25). Конечно, ей удаётся фиксировать особенности этой культуры, но это особенности этнографические, а не этнические. Ставить знак равенства между ними нельзя потому, что этнографически единая материальная культура с полным успехом может объединять этнически чуждые друг другу группы. Так же верно и обратное: этнографические особенности могут исчезнуть вовсе, а этнические – сохраниться (Филин,

1962, с. 74; Рыбаков, 1981, с. 215). Другое укоренившееся представление, вполне соответствующее, впрочем, признанию решающей роли лингвистики, это представление о языке, как о главном и основном критерии этнической принадлежности (Иванов, 1991, с. 5). А как тогда быть с определением этноса двуязычных общностей? Скорей всего, милоградское население Киевщины, обитавшее там из столетия в столетие чересполосно со скифами, не могло не быть двуязычным. Значит, определение этнической принадлежности этого населения не может не лежать в сфере выяснения его этнического самосознания. Ведь язык этноса, также как и комплекс специфических черт материальной и духовной культуры может быть схожим вплоть до совпадения с аналогичными характеристиками иноэтничных соседей, а все изменения, обусловившие его появление – связанными только с преобразованном этническом сознании. Наоборот, преобразоваться могут лингвистические и этногра-

фическая характеристики, а в сфере этнического самосознания сохраниться статус-кво. Так произошло с частью юкагиров, переимавших черты своих эвенкийских, чукотских и русских соседей (Туголуков, 1979, с. 30 – 32, 121). Стоит ли говорить о том, что этническое самосознание «бесписьменных» археологических культур обречено оставаться в основном непознанным. Поэтому, строго говоря, мы можем в принципе рассчитывать лишь на лингвистическую, а не на этническую атрибуцию милоградской культуры. Однако нам известно доподлинно, что, согласно Геродоту, «милоградцы» не только на среднем, но и на верхнем Днепре воспринимались уже как часть Геродотовых **ἡγεμυνοὶ Σκίθων**. Это свидетельствует, по-видимому, о значительной трансформации их собственного сознания. Наверное, ими как-то осознавалась принадлежность к тому суперэтносу, который складывался вокруг Большой Скифии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведём некоторые итоги. Оказалось, что с достоверностью о миграции «милоградцев» в эпоху скифской архаики свидетельствует только Геродотов «История». Описанные там события происходили, очевидно, лишь в юго-западной части милоградского ареала. Этническая атрибуция милоградской культуры в настоящее время, в общем-то, невозможна, поскольку мы ещё не в состоянии проникнуть в тайны сознания её носителей. Но часть из них наверняка причисляла себя к суперэтносу, сложившемуся вокруг Большой Скифии, и это пока единственное, что уже ясно в этом смысле. Нами была сделана попытка рассмотреть как систему, во-первых, саму милоградскую культуру и, во-вторых, установить её место в системе следующего порядка. Мы попробовали найти критерии выявления признаков, которые позволяют тот или иной памятник относить к милоградским или, наоборот, исключить из их числа. Милоградский ареал рассматривался нами в динамике, от его сложения на основе лебедовского, до исчезновения последних оставшихся от него «островов». Оказалось, что достаточным динамизмом обладает и такая консервативная, как принято считать, особенность милоградской культуры, как обрядность её могильников. Кроме «предковых», восходящих к лебедовским, в нём представлены также элементы, заимствованные у разных соседей.

Наблюдение за их сочетанием в обряде захоронения ряда милоградских могильников помогает, кажется, выявлению локальной специфики в пространстве и уточнению относительной хронологии во временном аспектах. Видимо, основные положения последней, согласно которым, например, древнейшие милоградские памятники должны локализоваться не на западе Волыни, вне пределов бывшего лебедовского ареала, а внутри его, совпали с результатами разработки хронологии абсолютной. Милоградские комплексы не изобилуют надёжно датированными находками. Поэтому пришлось учитывать каждую их категорию, подробно разбирать основания её хронологической атрибуции. В результате вариант временной классификации вещей, предложенный О.Н. Мельниковской, претерпел существенные изменения. Новая периодизация, впрочем, согласуется с общепринятой для начала восточноевропейского железа. Кроме того, особое внимание нами было уделено милоградско-скифским связям. Взаимодействуя с оседлыми «скифами» Среднего Поднепровья и соседних с ним районов, «милоградцы» оказались причастными к ещё более грандиозной общности, простиравшейся в первой половине эпохи железа от Карпат до Саян. Наконец, милоградская культура, уже в качестве одного из субстратов зарубинецкой или даже киевской, опосредованно, но всё же участвовала в формировании достоверно славянских памятников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Bezuglow S.I., 2003.* Alanen-Tanaiten und Germanen der Maiotis — Fragen der Kontakte in spätrömischer Zeit (3. – 4. Jahrhundert) // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12–16. Februar 1998. Neumünster.
- Bonnel E., 1968.* Beiträge zur Altertumskunde Rußlands (von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach Chr.). Erster Band. Herodot, seine Vorgänger und einige spätere Schriftsteller: Nachdruck der Ausgabe St. Petersburg 1882. Amsterdam.
- Brachmann H.-J., 1983.* Die Funde der Gruppe des Prager Typs in der DDR und ihre Stellung im Rahmen der frühslawischen Besiedlung dieses Gebietes // *Slavia antiqua*.
- Egg M., Pare C., 1995.* Die Metallzeiten in Europa und im Vorderen Orient. Die Abteilung Vorgeschichte im Römisch-germanische Zentralmuseum. Mainz.
- Gardawski A., 1959.* Plemiona kultury trzcinieckiej w Polsce // *Materiały starożytne*. T. V.
- Gedl M., 2003.* Przemiany kulturowe w środkowym okresie epoki brązu na południowo-zachodnich peryferiach zasięgu kultury trzcinieckiej // *Kultura i historia*, № 4. Lublin.
- Gimbutas M., 1983.* Die Balten. Geschichte eines Volkes im Ostseeraum. München, Berlin.
- Głosik J., 1962.* Wolyńsko-podolskie materiały z epoki kamiennej i wczesnej epoki brązu w Państwowym Muzeum Archeologicznym w Warszawie // *Materiały starożytne*. T. VIII.
- Gorska J., 1976.* Badania archeologiczne w Puszczy Białowieskiej // *Archeologia Polski*. T. XXI. Z. 1.
- Heidenreich H., 1990.* Die sibirische Tagar-Kultur. Ein Forschungsbericht. Ein Beitrag zu den Minusinsk-Bronzen. Marburg.
- Herrmann I., 1985.* Volksstämme und «nördlicher Seeweg» in der älteren Eisenzeit // *Zeitschrift für Archäologie*. Bd. 19.
- Kolendo J., 1998.* Świat antyczny i barbarzyńcy: Teksty, zabytki, refleksja nad przeszłością. Seria podręczników. T. 1. Warszawa.
- Kruschelnicka L., 1987.* Zur Frage der Entstehung der Vysocko-Kultur // Die Urnenfeldkulturen Mitteleuropas. Simposium Liblice 21–25.10.1985. Praha.
- Motzenbäcker I., 1996.* Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin.
- Novotna M., 1980.* Die Nadeln in der Slowakai // *Prahistorische Bronzefunde*. München.
- Rassadin S., 1992a.* Zum Problem der Migration der nördlichen Nachbarn der alten Skythen // *Zeitschrift fuer Archäologie*. Bd. 26.
- Rogatko J., 1997.* Topyt rogowy z Grydka nad Bugiem, województwo zamojskie // *Wiadomości archeologiczne*. T. 53.
- Sulimirski T., 1968.* Corded ware and globular amphorae north-east of the Carpatians. London.
- Szczukin M., Valkova T., Shevchenko Yu., 1993.* Neu Finds of the «Kronenhalsringen» of the Chernigov region (Ukraine) and Some Problems of Their Interpretation // *Acta Archaeologica*. Vol. 63.
- Tackenberg K., 1930.* Zu den Wanderungen der Ostgermanen // *Maunus*. Bd. 22.
- Teodor S., 1987.* Cercetrile arheologice de La Ciurea, judetul Iasi // *Arheologia Moldovei*. XI.
- Абаев В.И., 1981.* Геродотовские Skythai georgoi // *Вопросы языкознания*. № 2.
- Алексеев А.Ю., 1996.* Хронография Европейской Скифии (VII – IV вв. до н. э.) Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. 07.00.06. СПб.
- Алексеев Л.В., 1963.* Городище Девичья Гора в Мстиславле // *КСИА*. Вып. 94.
- Алексеева Е.И., 1975.* Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1-12. М., Вып. 1.
- Алихова А.Е., 1962.* Древние городища Курского Посеймья // *МИА*. № 113.
- Амброс А.К., 1959.* Фибулы зарубинецкой культуры // *МИА*. № 70.
- Амброс А.К., 1964.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н.э. // *Советская археология*. № 1.
- Аммиан Марцеллин, 1949.* Сохранившиеся книги «Истории» // *Вестник древней истории*. № 3.
- Андрюченко В.П., 1996.* Булавки с поселения Пожарная Балка // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава.
- Антонович В.Б., 1895.* Археологическая карта Киевской губернии. Киев.
- Антонович В.Б., 1899.* Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян // *Материалы по археологии России*. № 11.
- Антонович В.Б., 1901.* Археологическая карта Вольнской губернии // *Труды II Археологического съезда в Киеве, 1899 г.* Т. 1. М.
- Артамонов М.И., 1946.* Венеды, невры и будины в славянском этногенезе // *ВЛГУ*. № 2.
- Артамонов М.И., 1947.* Археологические исследования в Подолии // *ВЛГУ*. № 12.
- Артёмченко И.И., 1964.* Верхнее Поднепровье в эпоху позднего неолита и бронзы // *КСИА*. Вып. 101.

- Артёменко И.И., 1967.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы // МИА. № 148.
- Артишевская Л.В., 1966.* Северное Долбатовское городище южновосточной культуры // КСИА. Вып. 107.
- Археологія (...), 1971* Української РСР. Т. 2: Скіфо-сарматська та антична археологія. Київ.
- Археологія Беларусі, 1999.* Т. 2. Жалезны век і ранняя сярэднявечча. Мінск.
- Археологія Украинской ССР, 1985.* Т. 1. Киев.
- Археологія Украинской ССР, 1986.* Т. 2. Киев.
- Бандрівський М.С., 1996.* Про час появи найраніших зразків скіфського звірного стилю на заході України // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава.
- Бараш С.И., 1989.* История неурожая и погоды в Европе. Л.
- Батуревич Е.Ю., 1986.* К вопросу о керамическом комплексе городищ скифского времени Киевского Поднепровья // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов 3-й конф. молодых учёных Ин-та археологии АН СССР. М.
- Белецкий С.В., 1979.* К вопросу о возможностях статистического изучения лепной керамики // Новое в применении физико-математических методов в археологии. М.
- Белорусская археология, 1987.* Достижения археологов за годы советской власти. Минск.
- Беляшевский И.Ф., 1905.* Поле погребальных урн эпохи La Tene в Радомысльском уезде Киевской губернии. // Археологическая летопись Южной России. 1904. № 1–6. Киев.
- Берг Л.С., 1948.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 1. М.
- Берг Л.С., 1949.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 2. М.
- Березанская С.С., 1972.* Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев.
- Березанская С.С., 1976.* Лебедевская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Березанская С.С., 1982.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.
- Березанская С.С., 1988.* Об этнической принадлежности чернолесской культуры // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 1. Киев.
- Бернштейн С.Б., 1961.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.
- Бессонова С.С., Скорый С.А., 1987.* Новое городище скифского времени на Киевщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев.
- Бидзиля В. И., Пачкова С.П., 1969.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. № 160.
- Битковский О.В., Потин С.В., 1987.* Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. Киев.
- Блифельд Д.И., 1952.* Древнейшее славянское поселение на Черниговщине // КСИАУ. Вып. 1.
- Борисенков Е. П., Пасецкий В. М., 1983.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л.
- Бородкин Л.И., 1986.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М.
- Бородкин Л.И., Промахина И.М., 1984.* Методы многомерного статистического анализа // Количественные методы в исторических исследованиях. М.
- Браун Ф., 1899.* Разыскания в области гото-славянских отношений // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 64. № 12. СПб.
- Брюсов А.Я., 1952.* Очерки по истории племён европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
- Будько В.Д., Вергей В.С., Кочетков В.И., Шмидт Е.А., 1970.* Археологические исследования на р. Сож // Археологические открытия 1969 г. М.
- Буйнов Ю.В., 1979.* Поселения бондарихинской культуры // Вісник Харківського університету. № 182. Вип. 11. Серія Історія.
- Булкин В.А., 1983.* Некоторые данные об исторической географии центральной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Минск.
- Булычёв И.И., 1899.* Журнал раскопок 1889 г. по берегам Оки. М.
- Быковский С.М., 1930.* Невры Геродота и норманны // Известия АН СССР. 7 серия: Отделение гуманитарных наук. № 10.
- Бычков И.В., 1984.* Поселение эпохи бронзы у д. Заспа // Археологические открытия 1982 г. М.
- Бычков И.В., 1985.* Исследования в Гомельской области // Археологические открытия 1983 г. М.
- Вергей В.С., 1981.* Исследования в Брестской области // Археологические открытия 1980 г. М.
- Вергей В.С., 1982.* Работы в Пинском и Лиозненском районах // Археологические открытия 1981 г. М.
- Вяргей В.С., 1992.* Археалагічная навука ў Беларускай ССР 1919–1941 гг. Мінск.
- Вергей В.С., 1994.* Селище у дер. Лемешевичи // ГАЗ. № 5.
- Вяргей В.С., 1995.* Снядзін // Памяць. Петрыкаўскі раён. Мінск.
- Вергей В.С., 1996.* Западный ареал милоградской культуры // ГАЗ. № 7.
- Вишневский Р.Т., 1952.* Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яті // АПУ. Т. 3.
- Виноградов В.Б., Дударев С.А., 1980.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.
- Вознесенская Г.А., Куза А.В., Соловьева Г.Ф., 1972.* Раскопки славянских памятников на р. Псел // Археологические открытия 1971 г. М.
- Воробей М.И., 1981.* Могильник милоградской культуры возле п. Владимирца Ровенской обл. // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тезисы докладов респ. конф. молодых учёных. Киев.
- Гаврилина Л.М., 1985.* Кочевнические украшения X в. // Советская археология. № 3.
- Галанина Л.К., 1977.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). М.

- Генинг В.Ф., 1973.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. № 1.
- Генинг В.Ф., 1982.* Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.). Киев.
- Герберштейн Сигизмунд, 1888.* Записки о Московии (Regum moscovitarum commentarii). М.
- Геродот, 1886.* История в девяти книгах. Т. 2: кн. V – IX. М.
- Гончаров В.К., 1963.* Лука-Райковецкая // МИА. № 108.
- Гонак В.Д., 1984.* Ковальска справа у мешканців Ходосівського городища на рубежі нашої ери // Археологія. Вип. 84.
- Гонак В.Д., Шовкопляс А.И., 1983.* Чёрный металл зарубинецкого поселения на Оболони в Киеве // Советская археология. № 4.
- Горюнова Е.И., 1950.* Городище Торфель // КСИИМК. Вып. 31
- Горюнова Е.И., 1961.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.
- Граков Б.И., 1977.* Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.
- Граков Б.И., 1977а.* Скифы. М.
- Граков Б.Д., 1949.* Киевская Русь. М.
- Гурин М.Ф., 1981.* Раскопки городища Ленино Минской области // Археологические открытия 1980 г. М.
- Гурин М.Ф., 2000.* Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. № 15.
- Гурьян М.Ф., Лапачкоў М.І., 1984.* Гарадзішча Ліпнякі // ВАН. № 2.
- Данилевич В., 1925.* Археологічна минувшина Київщини. Київ.
- Даниленко В.И., 1953.* Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР // Доклады науч. конф. Ин-та археологии АН УССР. Киев.
- Даниленко В.М., 1956.* Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів на Київщині в 1950 р. // АПУ. Т. 4.
- Даўгяла З.І., 1927.* Новыя раскопкі каля Гомеля // ГАЗ. (№ 1). Менск.
- Даўгяла З.І., 1927а.* Укладанне архэалёгічнай карты Беларусі // Працы 2-га ўсебеларускага краязнаўчага з'езду. Менск.
- Даўнар-Затольскі М.В., 1926.* Краязнаўчая праца ў галіне гісторыі і архэалёгіі // Працы 1-га ўсебеларускага краязнаўчага з'езду. Менск.
- Деген Б.Е., 1940.* О «загадочных» предметах из скифских погребений // КСИИМК. Вып. VIII.
- Дионисий, 1948.* Описание населенной земли // Вестник древней истории. № 1.
- Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И., 1982.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Древности (...), 1992* страны луров. Каталог выставки. СПб.
- Дробушевский А.И., 1986.* Исследования в Нижнем Посожье // Археологические открытия 1984 г. М.
- Дробушевский А.И., 1991.* Городище эпохи раннего железного века в г. п. Уваровичи // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы 2 областной науч. конф. по историческому краеведению. 1991. Гомель.
- Дробушевский А.И., 2000.* Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Краеведческие записки (к 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). Гомель.
- Дробушевский А.И., Лошенко М.И., 1994.* Шепотовичское городище эпохи раннего железа // ГАЗ. № 6.
- Дубинская И.И., 1998.* К характеристике технологии изготовления керамической посуды у племён милоградской культуры (по материалам южнобелорусских городищ) // ГАЗ. № 13.
- Дубицкая И.И., 2003.* Городище раннего железного века у д. Отрубы // Материалы по археологии Беларуси. № 7.
- Дубінскі С.А., 1928.* Досьледы культур жалезнага пэрыяду на Віцебчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне // ЗАН. Кн. 5. Працы кафедры археалогіі. Менск. Т. 1.
- Дубінскі С.А., 1930.* Досьледы культур жалезнага пэрыяду БССР у 1929 г. // ЗАН. Кн. 2. Працы археалагічнай камісіі. Менск, Т.2.
- Дубінскі С.А., 1933.* Бібліяграфія па археалогіі Беларусі і сумежных краін. Менск.
- Дубынин А.Ф., 1974.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
- Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю., 1984.* Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов. Киев.
- Егорейченко А.А., 1980.* Типология городищ Белорусского Полесья в раннем железном веке // КСИИМК. Вып. 162.
- Егорейченко А.А., 1982.* Раскопки городища у д. Холопеничи // Древности Белоруссии и Литвы. Минск.
- Егорейченко А.А., 1982а.* К истории населения Белоруссии в раннем железном веке // Советская археология. № 1.
- Егорейченко А.А., 1982б.* Поселения Белорусского Полесья в раннем железном веке (VI в. до н. э. – II в. н. э.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06.
- Егарэйчанка А.А., 1983.* Аб характары земляробства і земляробчых прылад працы ў насельніцтва Беларускага Полесья ў раннім жалезным веку // ВАН. № 3.
- Егорейченко А.А., 1996.* Древнейшие городища Белорусского Полесья. Минск.
- Ельницкий Л.А., 1961.* Знания древних о северных странах. М.
- Ерёменко В.Е., 1989.* Археологическая карта милоградской культуры // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.
- Ерёменко В.Е., 1997.* «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе. СПб.
- Ерёменко В.Е., Журавлёв В.Г., 1992.* Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии латена и римского времени. СПб.

- Жаров Г.В., 1995.* К вопросу о юго-восточном пограничье милоградской культуры // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів.
- Жаров Г.В., Жарова Т.И., 2002.* Археологическая разведка на Черниговщине // сайт «Археология Чернигова»: (<http://archeology.narod.ru>).
- Жаров Г.В., Жарова Т.И., 2003.* Охранные археологические исследования на Черниговщине // сайт «Археология Чернигова»: (<http://archeology.narod.ru>).
- Жаров Г.В., Шекун А.В., 1991.* К вопросу о юго-восточной границе ареала милоградских памятников (по материалам разведок на Черниговщине) // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы 2 областной науч. конф. по историческому краеведению. 1991. Гомель.
- Жуков П.И., 1965.* Рыбы Белоруссии. Минск.
- Жучкевич В.А., 1973.* Топонимия как источник исследования этногенеза белорусов // Этногенез белорусов. Тезисы докладов науч. конф. Минск.
- Жучкевич В.А., 1974.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск.
- Забелин И.Е., 1908.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1: Доисторическое время Руси. М.
- Загорюльский Э.М., 1977.* Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Минск.
- Залашко Г.М., 1983.* Помінікі ранняга жалезнага веку на Правабярэжжы Прыпяці // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. № 2.
- Залашко Г.М., 1983а.* Изучение древностей в бассейнах Горыни и Ствиги // Археологические открытия 1981 г. М.
- Залашко Г.М., 1985.* Скіфскія помнікі Беларусі // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. Мінск.
- Залашко Г.М., Ерёмченко В.Е., 1984.* Новый зарубинецкий могильник в Полесье // Советская археология. № 2.
- Залашко Г.М., Ерёмченко В.Е., 1996.* Киселёвский клад бронзовых браслетов // ГАЗ. № 9.
- Збор помнікаў (...), 1986.* гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць. Мінск.
- Збруева А.В., 1952.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.
- Зверуго Я.Г., 1981.* Раскопки Гараньского городища // Археологические открытия 1980 г. М.
- Зверуго Я.Г., 1992.* Исследования Гораньского городища // Lietuvos archeologija. Т. IX.
- Зеленецька І.Б., 1980.* Нове поселення зарубинецького типу в Подесенні // Археологія. Вып. 33.
- Златковская Т.Д., 1974.* Элементы фракийской культуры в традиционном изобразительном искусстве и фольклоре молдаван // Советская этнография. № 6.
- Иванов В.В., Топоров В.И. 1958.* К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М.
- Иванов С.А., 1991.* Откуда начинать этническую историю славян? // Советское славяноведение. № 5.
- Иессен А.А., 1961.* Так называемый «Майкопский пояс» // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 2.
- Ильинська В.А., 1952.* Верхньосульська експедиція 1947 р. // АПУ. Т. 4.
- Ильинська В.А., 1961.* Скіфські сокири // Археологія. Т. 12.
- Ильинська В.А., 1961а.* Скіфська вузда VI ст. до н. э. (за матеріалами Посулля) // Археологія. Т. 13.
- Ильинская В.А., 1968.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев.
- Ильинская В.А., 1975.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев.
- Ильинская В.А., 1977.* Может ли Бельское городище быть городом Гелоном? // Скифы и сарматы. Киев.
- Ильинская В.Д., Тереножкин А.И., 1983.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев.
- Ильюттик А.В., 1994.* Пряслица и грузики из городищ раннего железного века бассейна Березины // ГАЗ. № 5.
- Ильюцік А.У., 1985.* Гарадзішча Янава // ВАН. № 3.
- Ильюттик А.В., 1998.* Керамика городищ железного века бассейна Березины // ГАЗ. № 13.
- Ильюттик А.В., Лошенко М.И., 2003.* Сорочи – поселение на р. Орессе // Материалы по археологии Беларуси. № 7.
- Исаенко В.Ф., 1968.* Археологическая карта Белоруссии. Минск, Вып. 1.
- Исаенко В.Ф., 1973.* Проблема этногенеза древнейшего населения Полесья // Этногенез белорусов. Тезисы докладов науч. конф. Минск.
- Исаенко В.Ф., 1976.* Неолит Припятского Полесья. Минск.
- Исаенко В.Ф., 1984.* Работы в Полесье // Археологические открытия 1982 г. М.
- Исаенко В.Ф., Коробушкина Т.И., 1966.* Дискуссии по докладам и сообщениям // Древности Белоруссии. Минск.
- Исаенко В.Ф., Чернявский М.М., 1967.* Новые данные по спорным вопросам бронзового века Белоруссии // Белорусские древности. Минск.
- Каваленя А.З., 1930.* Археологічныя разведкі ў Магілёўскай, Бабруйскай і Менскай акругах // ЗАН. Кн. 2. Працы археалагічнай камісіі. Менск, Т. 2.
- Каваленя А.Д., 1936.* Дневник за 1936 г. р.Сож. // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. № 457.
- Каваленя А.З., Шутаў С.С., 1930.* Матар’ялы з дагісторыі Тураўшчыны. Разведкі краязнаўчай экспедыцыі Беларускага Дзяржаўнага універсітэта ў 1927 г. // ЗАН. Кн.2. Працы археалагічнай камісіі. Менск, Т. 2.
- Калечиц Е.Г., 1987.* Памятники каменного и бронзового веков восточной Белоруссии. Мінск.
- Канивец В.И., 1955.* Вопросы хронологии высочкой культуры // КСИАУ. Вып. 4.
- Канивец В.И., 1953.* Звіт про археологічну розвідку в Західній Україні в 1952 р. // НАУ. № 1952/16, ф. экс. 2087.

- Канівець В.І., 1953а.* Звіт про розвідкові раскопки біля с. Погребні, Броварського району, Київської області в 1952 р. // НАУ. № 1952/15, ф. экс. 1995 (а).
- Капелла Мартин Минней Феликс, 1949.* О браке филологии и Меркурия // Вестник древней истории. №4.
- Каспарова К.В., 1972.* Зарубинецкий могильник Велемичи-II // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 14.
- Каспарова К.В., 1977.* О фибулах зарубинецкого типа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 18.
- Каспарова К.В., 1981.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология. № 2.
- Катонова Е.М., 1973.* Некоторые балтийские гидронимы бассейна Западной Двины // Балтийские языки и их взаимосвязи со славянскими, финно-угрскими и германскими языками. Тезисы докладов науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. акад. Я.Эидзелина. Рига.
- Кашкин А.В., 1975.* Разведки на Брянщине // Археологические открытия 1974 г. М.
- Кеттен Ф.П., 1896.* К истории тарпана в России // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 303.
- Кобычев В.П., 1973.* В поисках прародины славян. М.
- Коваль'ова Л.Г., 1979.* Матеріали ранньозалізної доби з поселення Гришівка на Чернігівщині // Археологія. Вип. 30.
- Ковпаненко Г.Т., 1962.* Погребение VIII–VII вв. до н.э. в бассейне р. Врсклы // КСИАУ. Вып. 12.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989.* Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев.
- Козенкова В.П., 1989.* Кобанская культура. Западный вариант. М.
- Козловська В.Є., 1927.* Бронзові прикраси з с. Підгірців на Київщині // Український музей. Т. 1. Київ.
- Козловська В.Є., 1930.* Новіші археологічні досліді на Білоцерківщині // Хроніка археології та мистецтва. Ч. 2. Київ.
- Колесников А.В., 1988.* Алгоритм автоматической классификации биологических объектов. Минск.
- Колосовская Ю.К., 1984.* К вопросу об агафирсах // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Котилев Ф.В., Одицова С.П., Шапошникова О.Г., 1952.* Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни // АПУ. Т. 3.
- Корольок В.Д., 1976.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.
- Коршак К.Ю., 1930.* З праці семінару при археологічному відділі Всеукраїнського історичного музею ім. Шевченка у Києві // Хроніка археології та мистецтва. Ч. 2. Київ.
- Костенко Ю.В., 1983.* Пам'ятки зарубинецької культури на Трубежі // Археологія. Вип. 42.
- Костров П.А., 1884.* Очерки быта минусинских татар // Труды IV-го Археологического съезда. Т. 1. Казань.
- Кривальцевич П.П., 1987.* Новые данные к вопросу культурной принадлежности памятников бронзового века в Припятском Полесье Белоруссии // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов IV-й респ. конф. молодых археологов. Киев.
- Крупнов Е.П., 1960.* Древняя история Северного Кавказа. М.
- Крушельницька Л.І., 1968.* Поселення поморської культури у Ровенській області // Археологія. Т. 21.
- Крушельницька Л.І., 1972.* Про зв'язки лужицької та висоцької культур // Археологія. Вип. 6.
- Крушельницька Л.І., 1973.* Поселення висоцької культури // Археологія. Вип. 11.
- Крушельницька Л.І., 1974.* Пам'ятки могильнянського типу // Археологія. Вип. 13.
- Крушельницька Л.І., 1974а.* Племена поморської культури. Доба первіснообщинного ладу // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ.
- Крушельницька Л.І., 1976.* Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. Київ.
- Крушельницькая Л.П., 1990.* Высоцкая культура // Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья. Киев.
- Кривальцевіч М.М., 1999.* Азернае-ЗАН.1 – паселішча эпохі бронзы на поўначы Палесся // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 2.
- Кривальцевіч М.М., 2003.* З даследаванняў позняга перыяду эпохі бронзы на поўдні Беларусі // Kultura i Historia. Lublin. № 4.
- Кривальцевіч М.М., Бычкоў М.У., 1996.* Прыбарскія курганныя могільнікі эпохі бронзы // ГАЗ. № 9.
- Куликов В.П., Пронин Г.П., Смирнов Ю.А., 1974.* Разведки в бассейне р. Судость // Археологические открытия 1973 г. М.
- Кухаренко Ю.В., 1952.* Отчёт о работе Днепровского отряда Славянской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, 1951 г. // Архив Ин-та истории НАН Беларуси. Ед. хр. № 208.
- Кухаренко Ю.В., 1953.* Отчёт об археологических исследованиях, произведённых Славянской экспедицией ИИМК АН СССР в Гомельской, Могилёвской и Полесской областях Белорусской ССР в 1952 г. // Архив Ин-та истории НАН Беларуси. Ед. хр. № 209.
- Кухаренко Ю.В., 1959.* Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // Советская археология. № 1.
- Кухаренко Ю.В., 1961.* Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Д1–29. М.
- Кухаренко Ю.В., 1963.* Курганы у с. Селец // МИА. № 108.
- Кухаренко Ю.В., 1964.* Зарубинецкая культура. САИ. Д1–19. М.
- Кухаренко Ю.В., 1965.* Древнее Полесье (по материалам археологических исследований). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.06. М.
- Кухаренко Ю.В., 1966.* Из разведок в Полесье // КСИА. Вып. 107.
- Кухаренко Ю.В., 1969.* Археология Польши. М.
- Кухарская Е.П., 1987.* Сравнительный анализ домостроительства у племён милоградской и зарубинецкой культур // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов VI респ. конф. молодых археологов. Киев.

- Кучера М.П., 1976.* Городища милоградської культури в Київському Поліссі // Археологія. Вип. 2.
- Лагодовська О.Ф., Висъев Р.І., Котлов Ф.В., 1956.* Кургани скіфського часу в с. Курливиці // Археол. пам'ятки Української РСР. Т. 6.
- Лапушнян В.Л., 1969.* Новые находки раннего железного века из села Матеуцы // Далёкое прошлое Молдавии. Кишинёв.
- Лашанкоў М.І., 1982.* Бронзавыя лостэркі // Поміікі гісторыі і культуры Беларусі. № 2.
- Лашанкоў М.І., 1983.* Раскопкі лявескі Ястрабкі // Поміікі гісторыі і культуры Беларусі. № 4.
- Лошенко М.И., 1985.* Работы в Речицком районе Гомельской области // Археологические открытия 1983 г. М.
- Лашанкоў М.І., 1989.* Тыпалогія гліняных грузікаў з усходнепалескіх гарадзішчаў мілаградскай культуры // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. № 5.
- Лошенко М.И., 1990.* Городища милоградской культуры восточной части Белорусского Полесья. Автореф. дисс. ... кайд. ист. наук: 07.00.06. Киев.
- Лошенко М.И., 1991.* Городище милоградской культуры Старое Красное // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы 2 Гомельской областной науч. конф. по историческому краеведению. Гомель.
- Лошенко М.И., 1993.* Ястребка – городище милоградской культуры // ГАЗ. № 3.
- Лашанкоў М.І., 1993.* Аб сувязях насельніцтва мілаградскай культуры і культуры штрыхаванай керамікі // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў. Тэзісы дакладаў міжн. каіф. Менск.
- Лашанкоў М.І., 1994.* Даследванні гарадзішча Пятровічы // Весці АН БССР. Серыя грамадск. навук. 1994. № 1.
- Лашанкоў М.І., 1997.* Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» паўднёва-ўсходняй Беларусі // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян.
- Лошенко М.И., 2001.* Поселение культуры штрихованной керамики на юге Беларуси // Lietuvos Archeologija. Т. 21.
- Лошенко М.И., 2002.* Культурная принадлежность городища Городец в Кричеве // ГАЗ. № 17.
- Лошенко М.И., 2003.* Булавки милоградской культуры // ГАЗ. № 18.
- Лошенко М.И., Барцева Т.Б., 1995.* К вопросу о бронзолитейном ремесле милоградской культуры // ГАЗ. № 6.
- Лашанкоў М.І., Сычоў В.І., 1993.* Раскопкі гарадзішча Любны // ГАЗ. № 2.
- Лебедев Г.С., 1986.* Вернёмся к началу // Знание - сила. № 10.
- Лебедев Г.С., 1989.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.
- Левенок В.П., 1957.* Городища юхновской культуры // КСИАУ. Вип. 7.
- Левенок В.П., 1963.* Юхновская культура (её происхождение и развитие) // Советская археология. № 3.
- Левіцький І.Ф., 1925.* Археологічні досліди в районі: Народици – ст. Шарпо-Уманці-Булев-Селець // Науковий архів Інституту археології Національної Академії Наук України. № № 4, ф. экс. 100.
- Левіцький І.Ф., 1931.* Стація в ур. Пищаному біля Народици // Антропология. № 4.
- Ленсман Ю.М., 1989.* К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.
- Либеров П.Д., 1965.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.
- Линка И.В., 1947.* Работы экспедиции «Великий» Київ за 1947 р. // Археол. пам'ятки Української РСР. Т. 3.
- Лобай Б.І., 1977.* Кургані скіфського часу на Вінничині // Археологія. Вип. 21.
- Лопатин И.В., 2003.* О керамике с расчёсами в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Материалы по археологии Беларуси. № 8.
- Ляўданскі А.И., 1929.* Археолёгічныя поміікі Беларусі // Наш край. № 2 (41).
- Ляўданскі А.И., 1930.* Археолёгічныя досьледы ў вадазборах Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні // ЗАН. Ки. 2. Працы археалагічнай камісіі. Т.2. Менск.
- Ляўданскі А.И., 1932.* Археолёгічныя досьледы ў БССР пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі // Працы сэкцыі археалогіі. Т. 3. Менск.
- Ляўданскі А.И., 1932а.* Папярэднія вынікі работы археолёгічнай брыгады Палесскай экспедыцыі // Савецкая краіна. № 9 (23).
- Ляўданскі А.И., 1932б.* Кароткае паведамленне аб досьледах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930–1931 гг. // ЗАН. Працы сэкцыі археалогіі. Т. 3. Менск.
- Ляўданскі А.И., 1932в.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. № 7/8.
- Максимов Е.В., 1972.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев.
- Максимов С.В., 1978.* Взаемовідносінні зарубінецкіх та стэповіх племён Подніпров'я // Археологія. Вип. 28.
- Максимов Е.В., 1982.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев.
- Мартынов В.В., 1978.* Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск.
- Массон В.М., 1976.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Матвеева Г.И., 1981.* О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Махно С.В., 1949.* Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева // АПУ. Т.2.
- Махортых С.В., 1996.* Скарби VIII – VII ст. до н. е на півдні Східної Європи // Археологія. Вип. 4.

- Мачинский Д.А., 1971.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 13.
- Медведев А.М., 1996.* Белорусское Понеманье в раннем железном веке. Минск.
- Медведев А.П., 1989.* К предьстории среднедонской культуры скифского времени // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов науч. конф. Запорожье.
- Мела Помпоний, 1949.* Хорография // Вестник древней истории. № 1.
- Мельниковская О.Н., 1956.* Клад браслетов в д. Горошков (южная Белоруссия) // Вестник древней истории. № 1.
- Мельниковская О.Н., 1957.* Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск.
- Мельниковская О.Н., 1963.* О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур // Советская археология. № 3.
- Мельниковская О.Н., 1963а.* Памятники раннего железного века юго-восточной Белоруссии (милоградская культура) // КСИА. Вып. 94.
- Мельниковська О.М., 1965.* Поселення і могильник зарубинецької культури в Південній Білорусії // Археологія. Т.18.
- Мельниковская О.Н., 1967.* Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М.
- Мельниковская О.Н., 1968.* Работы юхновского отряда // Археологические открытия 1967 г. М.
- Мельниковская О.Н., 1970.* Первые сведения о погребальном обряде юхновской культуры // МИА. № 176.
- Мельниковская О.Н., 1971.* Шебелиновское городище // КСИА. Вып. 142.
- Мельниковська О.М., 1977.* Могильник юхнівської культури та ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині // Археологія. Вып. 24.
- Мелюкова А.Н., 1964.* Вооружение скифов. САИ. Д1–4. М.
- Мелюкова А.Н., 1975.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.
- Мелюкова А.Н., 1984.* Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тысячелетии до н. э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
- Мишлер Г.Ф., 1937.* История Сибири. Т. 1. М., Л.
- Митрофанов А.Г., 1969.* Территория распространения и проблема происхождения культуры штрихованной керамики // Тезисы докладов конф. по археологии Белоруссии. Минск.
- Митрофанов А.Г., 1978.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск.
- Митрофанов А.Г., 1986.* Рец.: Поболь Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск. 1983. // Советская археология. № 1.
- Мікіцінскі І., Паўрвіч Р., Ажэўскі П., 1928.* Падарож па Слуцчыне // Наш край. № 3 (30).
- Млекоттающие (...), 1961* Советского Союза. М. Т. 1: Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Парнокопытные и непарнокопытные.
- Моора Х.А., 1958.* О древней территории расселения балтийских племен // Советская археология. № 2.
- Моруженко А.А., 1985.* Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII – III вв. до н.э. // Советская археология. № 1.
- Мурзин В.Ю., 1990.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
- Мяцельскі А.А., 2003.* Старадаўні Крычаў. Гістарычна-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск.
- Нейхардт А.А., 1982.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.
- Непокупный А.П., 1976.* Балто-северославянские языковые связи. Киев.
- Нефёдова Е.С., 1988.* «Маленький клад» украшений с Горошковского городища // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тезисы докладов IV-й конф. молодых учёных Ин-та археологии АН СССР. М.
- Нидерле Л., 1956.* Славянские древности. М.
- Никитин Н.Н., 1990.* Освоение Сибири в XVII веке. М.
- Никитина В.Б., 1964.* Вновь открытые памятники поморской культуры // КСИА. Вып. 102.
- Нікіціна В.Б., 1964.* Помікі паморской культуры на тэрыторыі БССР // ВАН. № 2.
- Никитина В.Б., 1965.* Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // Советская археология. № 1.
- Никитина Г.Ф., 1974.* Погребальный обряд культуры полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.
- Никольская Т.Н., 1959.* Культура племён бассейна Верхней Оки в I тыс. н.э. // МИА. № 72.
- Никольская Т.Н., 1964.* Археологические раскопки в 1961–1962 гг. в Калужской области // КСИА. Вып. 102.
- Никонов В.А., 1963.* Рец. на кн.: Топоров В.Н., Трубочёв О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. // Известия АН СССР. Серия географич. 1963. № 6.
- Обломский А.М., 1981.* О хронологическом соотношении милоградской и зарубинецкой культур // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов респ. конф. молодых учёных. 1981. Киев.
- Обломский А.М., 1983.* О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // Советская археология. № 1.
- Обломский А.М., 1983а.* Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. 07.00.06. М.
- Обломский А.М., 1985.* Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Советская археология. № 1.
- Обломский А.М., 1986.* Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным шитком на ножке // КСИА. Вып. 186.

- Островерхов А.С., 1996.* Торговля стеклянными бусами на юге Восточной Европы в скифо-античное время // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава.
- Очерки (...), 1970* по археологии Белоруссии. Минск. Ч. I
- Падин В.А., 1966.* Юхновские поселения Средней Десны // Советская археология. № 2.
- Падин В.А., 2004.* Среднее Подесенье (Трубчевская округа) в VI–V вв. до н.э. – X–XII вв. н.э. по материалам археологических исследований. Очерки по истории археологии Брянской области. Вып. 2. Брянск.
- Паликартовіч К.М., 1928.* Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга і Ніжняга Сажа // ЗАН. Кн. 5. Працы кафедры археалогіі. Т. 1. Менск.
- Паликартовіч К.М., 1930.* Дагістарычныя стаянкі Сярэдняга Сажа // ЗАН. Кн. 2. Працы археалагічнай камісіі. Т. 2. Мінск.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982.* Волжские апаньинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.
- Пелецишин М.А., Позіховський О.Л., 1986.* Охоронні розкопки поселення VI–VII ст. до н.е. поблизу с. Хорів на Горині // Археологія. Вип. 53.
- Петренко В.Г., 1962.* Могильник скифского времени у с. Гришенцы // МИА. № 113.
- Петренко В.Г., 1967.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. САИ. Д1–14. М.
- Петренко В.Г., 1978.* Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. САИ. Д 4–5. М.
- Петров В.П., 1959.* Зарубинецкий могильник // МИА. № 70.
- Петров В.П., 1963.* Памятники Корчакского типа (по материалам раскопок С.С. Гамченко) // МИА. № 108.
- Петров В.П., 1972.* Етногенез слов'ян. Київ.
- Петровская Е.А., 1971.* Находки скифского времени у с. Казаровичи Киевской обл. // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев.
- Петровская Е.А., 1972.* К вопросу об этнической принадлежности подгорцевских племен // Тезисы доповідей 15-й наук. конф. АН УРСР. Одесса.
- Петровська Є.О., 1964.* Пам'ятка пізньоскіфського часу на Стутні // Археологія. Т. 16.
- Петровська Є.О., 1970.* Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва // Археологія. Вип. 24.
- Петровська Є.О., 1971.* Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. Вип. 2.
- Петровська Є.О., 1971а.* Стародавні знахідки з с. Ораго на Київщині // Археологія. Вип. 3.
- Плетнёва С.А., 1990.* Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М.
- Плиний Секунд Гай, 1949.* Естественная история // Вестник древней истории. № 2.
- Поболь Л.Д., 1958.* К вопросу о позднеархаическом обществе в южной части БССР // Материалы конф. молодых ученых АН БССР. Минск.
- Поболь Л.Д., 1966.* Першы міжнародны кангрэс славянскай археалогіі ў Варшаве // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. № 2.
- Поболь Л.Д., 1967.* Поселения железного века около д. Щатково Бобруйского района // Белорусские древности. Минск.
- Поболь Л.Д., 1969.* Древности Туровщины. Минск.
- Поболь Л.Д., 1969а.* Городище в Кистенях // Тезисы докладов конф. по археологии Белоруссии. Минск.
- Поболь Л.Д., 1971.* Посоховидные булавки (о времени их появления, территории распространения и этнической принадлежности) // Acta archaeologica Carpathica. Т. 12.
- Поболь Л.Д., 1971а.* Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск.
- Поболь Л.Д., 1974.* Спорныя пытанні лакалізацыі плямён паўночнай часткі Верхняга Падняпроўя ў БССР у раннім жалезным веку // ВАН. № 2.
- Поболь Л.Д., 1974.* Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры – с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.). Минск.
- Поболь Л.Д., 1974а.* Древности середины и третьей четверти I тыс. н. э. в Белорусском Поднепровье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.
- Поболь Л.Д., 1983.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Минск.
- Поболь Л.Д., Ильюттик А.В., 2003.* Могильник Абыдня в Верхнем Поднепровье // Материалы по археологии Беларуси. № 8.
- Погодин А.К., 1902.* К вопросу о геродотовских неврах // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 7. Кн. 4. СПб.
- Погрєбова М.И., 1974.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Покровська Є.Ф., 1952.* Хотівське городище // АПУ. Т. 4.
- Покровська Є.Ф., 1957.* Кургани IV ст. до н. э. біля Холодного Яру поблизу Сміли // Археологія. Т. 10.
- Попін С.В., 1987.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Вип. 59.
- Попин С.В., 1992.* От Скифии к Сарматии. Киев.
- Попко О.О., 1965.* Знахідки бронзових латенських короноподібних прикрас в Менському районі, Чернігівської області // Археологія. Т. 19.
- Присциан, 1949.* Грамматическое руководство // Вестник древней истории. 1949.
- Пряхин А.Д., 1986.* История советской археологии (1917 - середина 30-х гг.). Воронеж.
- Псевдо-Скимн Хиосский, 1947.* Землеописание // Вестник древней истории. № 3.
- Пузикова А.И., 1981.* Марицкое городище в Посеймье. М.
- Рапановіч Я.И., 1986.* Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці. Мінск.

- Раппопорт Е.А., 1965.* К вопросу о Плеснеске // Советская археология. № 4.
- Рассадин С.Е., 1984.* Работы в Гомельской области // Археологические открытия 1982 г. М.
- Рассадин С.Е., 1984а.* Отчёт за 1983 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 857.
- Рассадин С.Е., 1985.* Гарадзішча-сховішча Залатаміно ў Беларускім Пасожжы // ВАН. № 2.
- Рассадин С.Е., 1986.* Неизданная книга (Евдоким Романович Романов. «Археологическая карта Могилёвской губернии») // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. Минск.
- Рассадин С.Е., 1987.* О новых основах хронологии милоградской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов IV республиканской конф. молодых археологов. Киев.
- Рассадин С.Е., 1987а.* К вопросу о религиозных верованиях жителей Белорусского Посожья в скифское время // Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов конф. М.
- Рассадин С.Е., 1988.* Раскопки Волчасского городища // Археологические открытия 1986 г. М.
- Рассадин С.Е., 1990.* Отчёт за 1989 год о раскопках в Дубое // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 1149.
- Рассадин С.Е., 1989а.* Милоградская культура (актуальные проблемы исследования). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. 07.00.06. Киев.
- Рассадин С.Е., 1990.* Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоёв Лабенщины? // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989. Тезисы докладов научно-практ. конф. Псков.
- Рассадин С.Е., 1991.* Хронология Горошковского археологического комплекса скифо-сарматской эпохи из южной Белоруссии // Древнейшие общества земледельцев и скотоводов Северного Причноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Материалы межд. конф. Киев.
- Рассадин С.Е., 1992.* Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII–III стст. да н. э. // ВАН. № 2.
- Рассадин С.Е., 1992а.* Герадотавы андрафагі // ВАН. № 2.
- Рассадин С.Е., 1992б.* Будзіны, неўры ці скіфы? Праблема дачынення Герадотавых плямёнаў да тэрыторыі Беларусі // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да н.э. Мінск.
- Рассадин С.Е., 1994.* Аб неўрах і «змеях» у Герадотавай «Гісторыі» // ВАН. № 2.
- Рассадин С.Е., 1994а.* Ажурные украшения подгорцевского стиля // ГАЗ. № 5.
- Рассадин С.Е., 1994б.* Венеты и бастарны // Barbaricum. Т. III.
- Рассадин С.Е., 1997а.* Змяны культ у славянскім асяроддзі // ГАЗ. № 11.
- Рассадин С.Е., 1997.* Западнобалтские курганы и милоградская культура // Vakarų baltai: etnogenezė ir etninė istorija. Vilnius.
- Рассадин С.Е., 1999.* Племена и народы «заскифского» Севера и Северо-Востока. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. 07.00.03. Минск.
- Рассадин С.Е., 2000.* Значение древнегреческих бус для проблемы хронологии древней истории Беларуси // Беларуская-грэчаскія ўзаема сувязі: ад старажытнасці да сучаснасці. Матэрыялы міжнар. навук. канф. Мінск.
- Рассадин С.Е., 2002.* Между Альпами и Океаном: венеты – «другие германцы»? // ГАЗ. № 17.
- Рассадин С.Е., Скоры С.А., 1991.* Інвентар мілаградскага пахавання каля в. Прыборск у Кіеўскім Палессі // ВАН. № 6.
- Розенфельд Р.Л., 1963.* Селище Певкин Бугор // Советская археология. № 3.
- Романов Е.Р., 1889.* Раскопки в Могилёвской губернии в 1888 году // Труды Московского Императорского археологического общества. Т. XIII. Вып. 1. М.
- Романов Е.Р., 1908.* Старина доисторическая Северо-Западного края // Виленский календарь на 1908 г. Вильна.
- Романов Е.Р., 1910.* Археологический очерк Гомельского уезда // Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества. Кн. 1. Вильна.
- Русанова И. П., 1976.* Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М.
- Рыбаков Б.А., 1960.* Раскопки в Любече в 1957 году // КСИИМК. Вып. 31.
- Рыбаков Б.А., 1979.* Геродотова Скифия. М.
- Рыбаков Б.А., 1981.* Язычество древних славян. М.
- Рыбаков Б.А., 1988.* Язычество Древней Руси. М.
- Рыбалова В.Д., 1961.* О связях правобережной лесостепной Украины в эпоху бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Л.
- Рынейскі А., 1932.* Археологічныя разведкі на р. Пціч // ЗАН. Працы секцыі археалогіі. Т. 3. Менск.
- Савчук А.П., 1952.* Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине // КСИАНУ. Вып. 1.
- Савчук А.П., 1978.* Пам'ятки лебедівського типу // Археологія. Вип. 25.
- Савчук А. П., Костенко Ю.В., 1977.* Дослідження археологічних пам'яток у Барішевському районі Київської області // Археологія. Вип. 22.
- Сага (...), 1934* о Волсунгах. Л.
- Самойловский И.М., 1959.* Корчеватовский могильник // МИА. № 70.
- Сведения 1873 года* о городищах и курганах. Могилёвская губерния, 1903. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 5.
- Сведения 1873 года* о городищах и курганах. Подольская губерния, 1896. // Записки Русского археологического общества. Т. 8. Вып. 1–2.

- Сведения 1873 года* огородах и курганах. *Черниговская губерния*, 1903а. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 5.
- Свешников И.К.*, 1971. Пам'ятки милоградської культури в басейні р. Горинь // Археологія. Вып. 2.
- Свешников И.К.*, 1973. Работы Ровенской экспедиции // Археологические открытия 1972 г. М.
- Седов В.В.*, 1963. Гидронимика и археология средней полосы Восточной Европы // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований. 1962 г. М.
- Седов В.В.*, 1964. Городище Церковище // КСИА. Вып. 102.
- Седов В.В.*, 1965. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье // Советская археология. № 4.
- Седов В.В.*, 1967. Булавки восточных балтов в эпоху раннеего железа // Acta Baltica-Slavica. Т. V.
- Седов В.В.*, 1969. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тыс. до н. э. // Советская археология. № 2.
- Седов В.В.*, 1970. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163.
- Седов В.В.*, 1970а. Рец. на кн.: Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967. // Советская археология. № 2.
- Седов В.В.*, 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.
- Седов В.В.*, 2003. Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. Т. 73. № 7.
- Сербай И.А.*, 1926. Вынікі археолёгічных дасьледванняў каля Нова-Быхаву і на Сярэднім Сажы // Працы 1 з'езду дасьледчыкаў беларускае археалёгіі і архэаграфіі. Менск.
- Сикорський М.І., Савчук А.П.*, 1971. Знахідки в с. Козинці Переяслав-Хмельницького району // Археологія. Вып. 4.
- Симоненко А.В.*, 1981. Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев.
- Скорый С.А.*, 1981. Скифські довгі мечі // Археологія. Вып. 36.
- Скорый С.А.*, 1990. Курган Переп'ятиха. Київ.
- Скржинская М.В.*, 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
- Смирнов К.Ф.*, 1961. Вооружение савроматов. М.
- Смирнов К.Ф.*, 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Смишко М.Ю.*, 1957. Погребения раннежелезного века в с. Могилыны Ровенской области // КСИАУ. Вып. 7.
- Солин Гай Юлий*, 1949. Коллекция достопримечательностей // Вестник древней истории. № 3.
- Соловьёва Г.Ф.*, 1970. Памятники конца I тыс. н.э. в Верхнем Поднепровье // МИА. № 176.
- Стицкий А.А.*, 1918. Курганы скифов-пахарей // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 65.
- Стети Евразии (...)*, 1981 в эпоху средневековья. М.
- Стети европейской (...)*, 1989 части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Страбон*, 1964. География в 17 книгах. Л.
- Стрижак О.С.*, 1963. Назви річок Полтавщини. Київ.
- Стрижак О.С.*, 1988. Етнонімія Геродотової Скифії. Київ.
- Сымонович Э.А.*, 1957. Отчёт о работах на городище Колочин-1, Речицкого р-на Гомельской обл. // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 27.
- Сымонович Э.А.*, 1963. Городище Колочин-1 на Гомельщине // МИА. № 103.
- Тарасенко В.Р.*, 1932. Археалагічная праца на Магілёўшчыне ў 1930 г. // ЗАН. Працы секцыі археалёгіі. Мінск, Т. 3.
- Тацит*, 1949. Германия. // Вестник древней истории. № 3.
- Телегин Д.Я.*, 1968. Дніпро-Донецькая культура. Київ.
- Тереножкин А.И.*, 1955. К вопросу о этнической принадлежности лесостепных племён Северного Причерноморья в скифское время // Советская археология. Т. 24.
- Тереножкин А.И.*, 1960. Отчёт о работе Волынской археологической экспедиции АН УССР в 1959 г. // НАУ. № 1959/13, ф. экс. 6623.
- Тереножкин А.И.*, 1961. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев.
- Тереножкин О.І.*, 1965. Пам'ятки скифів-орачів в Південному Поліссі // Археологія. Т. 19.
- Тереножкин А.И.*, 1976. Киммерийцы. Киев.
- Тереножкин А.И.*, 1987. Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья. Киев.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.И.*, 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Терецук К.І., Терецук Л.К.*, 1985. Богатошарове поселення в Хмельницькій області // Археологія. Вып. 49.
- Техов Б.В.*, 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.
- Техов Б.В.*, 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М.
- Ткачёв М.А.*, 1974. Работы отряда по изучению военного зодчества Белоруссии // Археологические открытия 1973 г. М.
- Ткачёв М.А.*, 1975. Отчёт о полевых исследованиях за 1974 г. // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 470.
- Ткачёв М.А.*, 1976. Работа в Белорусском Посожье // Археологические открытия 1975 г. М.
- Ткачоў М.А.*, 1976а. Справаздача аб палявых археалагічных дасьледваннях за 1975 г. Пасожскага атрада // Архив Института истории НАН Беларуси. Ед. хр. 514.
- Ткачёв М.А.*, 1977. Работы Посожского отряда // Археологические открытия 1976 г. М.
- Токарев С.А.*, 1964. Ранние формы религии и их развитие. М.
- Томсон Дж.О., 1953. История древней географии. М.
- Топоров В.И., Трубачёв О.И.*, 1962. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.
- Третьяков П.И.*, 1941. К истории племён Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. № 5.

- Третьяков П.Н., 1959.* Чаплинское городище // МИА. № 70.
- Третьяков П.Н., 1960.* Локальные группы верхне-днепровских городищ и зарубинецкая культура // Советская археология. № 1.
- Третьяков П.Н., 1960а.* Моховское второе городище // КСИА. Вып. 81.
- Третьяков П.Н., 1962.* Этногенетический процесс и археология // Советская археология. № 4.
- Третьяков П.Н., 1966.* Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М., Л.
- Третьяков П.Н., 1970.* О некоторых бронзовых изделиях раннего железного века из Верхнего Поднепровья // Studia archaeologica memoriae Harri Moora. Tallin.
- Третьяков П.Н., 1970а.* У истоков древнерусской народности. Л.
- Третьяков П.Н., 1982.* По следам древних славянских племён. Л.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А., 1963.* Древние городища Смоленщины. М., Л.
- Трубникова Н.В., 1938.* К вопросу о южновском городище // Труды Государственного исторического музея. Вып. 8.
- Труды (...), 1874.* III Археологического съезда в России. Т. 1. Киев.
- Туголуков В.А., 1979.* Кто вы, юкагиры? М.
- Удальцов А.Д., 1947.* Основные вопросы этногенеза славян // Советская этнография. Сб. VI/VII.
- Фабрициус И.В., 1952.* Тясминська експедиція 1947 р. // АПУТ. 4.
- Филин Ф.П., 1962.* Образование языка восточных славян. М., Л.
- Филин Ф.П., 1972.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.
- Филосторгий, 1948.* Церковная история // Вестник древней истории. № 3.
- Финно-угры (...), 1987* и балты в эпоху средневековья. М.
- Формозов А.А., 1961.* Очерки истории русской археологии. М.
- Формозов А.А., 1986.* Страницы истории русской археологии. М.
- Хазанов А.М., 1963.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. № 4.
- Халиков А.Х., 1969.* Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Ханенко Б.Н., Ханенко В. Н., 1901.* Древности Приднепровья эпохи великого переселения народов. Вып. 4. Киев.
- Ханенко Б.Н., Ханенко В. Н., 1907.* Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Киев, 1907.
- Циглис Я., 2003.* Железные клиновидные топоры в Латвии // Archeologia Litwana. № 4.
- Черненко Е.Е., 1987.* О топографии курганных могильников Посулья // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов всесоюзного семинара, посв. памяти А.И. Тереножкина. Кировоград. Ч. 2.
- Чернявский Н.М., 1983.* Исследования памятников средневековой гражданской архитектуры // Археологические открытия 1982 г. М.
- Чернявский М.М., 1973.* К вопросу об этническом составе неолитического населения Белоруссии // Этногенез белорусов. Тезисы докладов науч. конф. Минск.
- Членова Н.Л., 1967.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Шадыро В.Н., 1985.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск.
- Шадыра В.И., 1998.* Аб паўднёвай мяжы днепра-дзвінскай культуры на Беларусі // ГАЗ. № 13.
- Шафарик П.Н., 1948.* Славянские древности. Т. 2. Кн. 2. М.
- Шекун А.В., 1995.* Могильник милоградской культуры у с. Деснянка близ Чернигова // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів.
- Шмидт Е.А., 1968.* Исследования в Смоленском Поднепровье // Археологические открытия 1967 г. М.
- Шмидт Е.А., 1976.* Археологические памятники Смоленской области: с древнейших времен до VIII в. н.э. Смоленск.
- Шнитников А.В., 1973.* Многовековой ритм развития ландшафтной оболочки // Хронология плейстоцена и климатическая стратиграфия. Л.
- Шовкопляс И.Г., 1969.* Розвіток радянської археології на Україні (1917-1966) Библиографія. Київ.
- Шпилевский П., 1853.* Исследование о вовколаках на основании белорусских поверий // Москвитянин. Т. 2. № 5, март, кн. 1.
- Шрамко Б.А., 1987.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
- Штыхов Г.В., 1969.* Разведочные раскопки в Славгороде в 1967 г. // Тезисы докладов XII конф. молодых учёных Белорусской ССР. Минск.
- Шут К. П., 1966.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск.
- Шут К.П., 1969.* Городище Заговалино Ушачского района // Тезисы докладов XII конф. молодых учёных Белорусской ССР. Минск.
- Шут К.П., 1969а.* Городище Кубличи Ушачского района // Древности Белоруссии. Минск.
- Щукин М.Б., 1987.* О трёх путях археологического поиска предков раннеисторических славян: перспектива третьего пути // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 28.
- Щукин М.Б., 1989.* Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне. Этногенез и этническая история. Л.
- Щукин М.Б., 1993.* Проблема бастарнов и этнического

определения поянешти-лукашевской и зарубинецкой культур // Петербургский археологический вестник. № 6.

Щукин М.Б., 1997. Рождение славян // Stratum plus Петербургский археологический вестник. № 3.

Энгельс Ф., 1976. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.

Эпоха бронзы (...), 1987 лесной полосы СССР. М.

Эфор, 1947. Отрывки из «Историй» // Вестник древней истории. № 2.

Юшчанка I.X., 1930. Археалагічныя досьледы ў Гомельскай акрузе // ЗАН. Кн. 2. Працы археалагічнай камісіі. Т. 2. Менск.

Юшчанка I.X., 1930a. Археалагічнае абсьледаванне р. Брагінкі (вадазбор ніжняй Прыпяці) // ЗАН. Кн. 2. Працы археалагічнай камісіі. Т. 2. Менск.

Якимович М.К., 1904. Дюнные стоянки неолитической эпохи в Радомысльском уезде Киевской губернии // Археологическая летопись южной России. № 3/4.

Яковенко Э.В., 1987. Энциклопедия современного скифоведения // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов всесоюзного семинара, посв. памяти А.И. Тереножкина. Кировоград.

Яніцкая М.М., 1980. Вытокі шкларобства Беларусі. Мінск.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

ГАЗ - Гістарычна-археалагічны зборнік

КСИА - Краткие сообщения института археологии АН СССР

САИ - Свод археологических источников

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

ВЛГУ - Вестник Ленинградского Государственного университета

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

ЗАН - Запіскі адззела гуманітарных навук Беларускай Акадэміі навук

КСИАУ - Краткие сообщения института археологии АН УССР

НАУ - Науковий архів Інституту археології Національної Академії Наук України

АПУ - Археологічні пам'ятки Української РСР

ВАН - Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Карта милоградских памятников

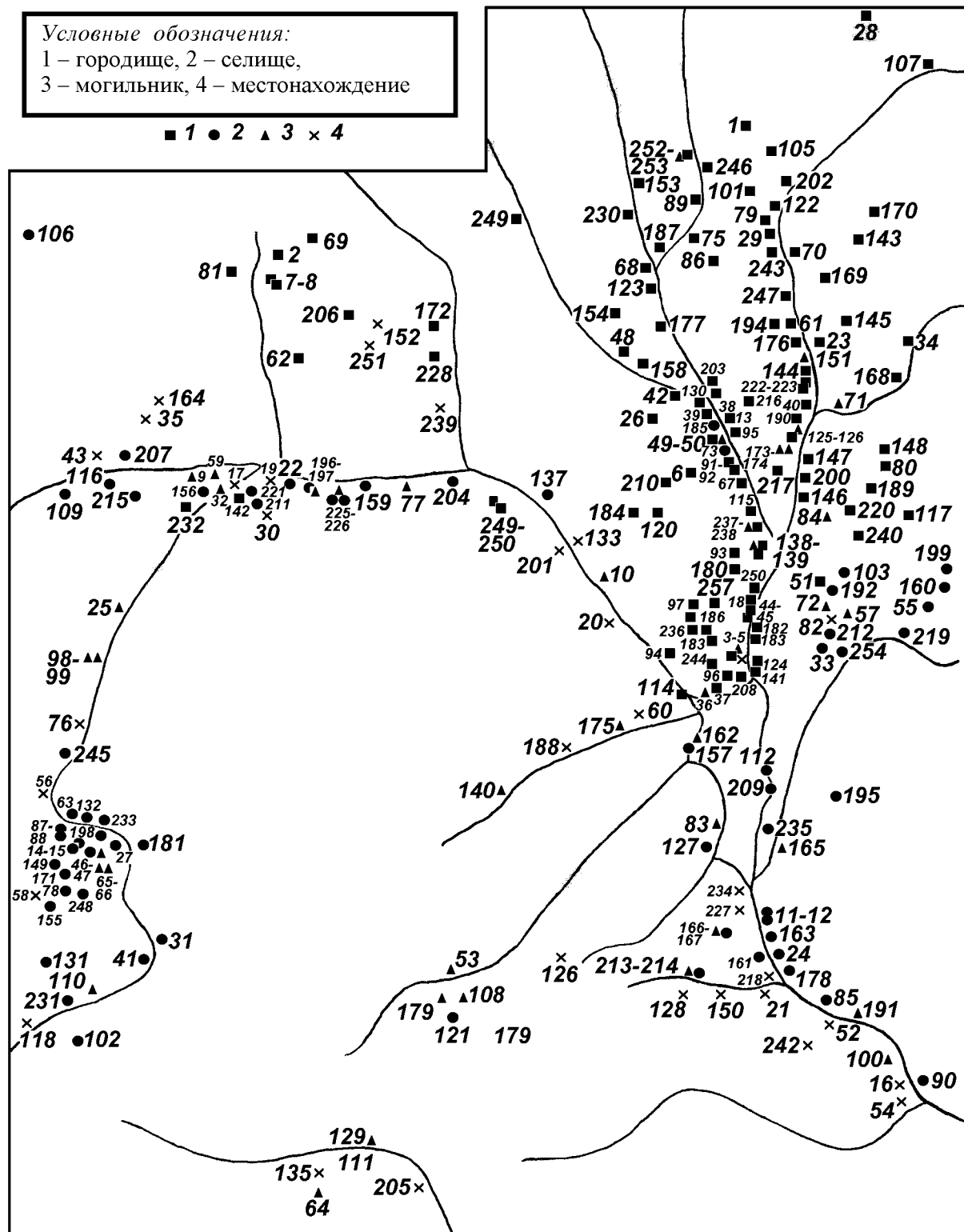

Рис. 1. Карта милоградских памятников

1 Азаричи	69 Заградье	134 Млынок	198 Сергеевка
2–4 Асаревичи	70 Залесье	135 Мнихов	199 Синичина Гора
5 Амговичи	71 Заляжье	136 Моисеевка	200 Скиток
6 Безуев	72 Замглай	137 Моисеевичи	201 Скрыгалово
7–8 Слива	73 Заспа	138–139 Мохов	202 Славгород
9 Бор	74 Зарванщина	140 Народичи	203 Смыгчѣк
Дубенецкий	75 Зборов	141 Неданчичи	204 Снядин
10 Боровики	76 Збуж	142 Нечатово	205 Сороки
11–12 Бортнич	77 Знаменка	143 Нисимковичи	206 Сорочи
13 Борхов	78 Зозив	144 Новосѣлки	207 Сошно
14–15 Бронное	79 Зятковичи	145 Новоивановка	208 Старая Ёлча
16 Букрин	80 Иваки	146 Н. Терешковичи	209 Староселье
17 Бухличский	81 Ивань	147 Н. Чѣнки	210 Старое Красное
Хутор	82 Ивашовка	148 Н. Крупец	211 Струга
18 Бывальки	83 Казаровичи	149 Обаров	212 Табеевка
19 Велемичи	84 Казары	150 Обухов	213–214 Тапценки
20 Вербовичи	85 Кайлов	151 Однополье	215 Терebenь
21 Веремья	86 Каменка	152 Озерное	216 Уваровичи
22 Вересница	87–88 Караевичи	153 Озераны	217 Уза
23 Ветка	89 Кистени	154 Октябрь	218 Украинка
24 Вишенки	90 Козицы	155 Олексин	219 Ульяновка I
25 Владимирец	91–92 Колочин	156 Остров	220 Уть
26 Володарск	93 Колпень	157 Ораное	221 Федоры
27 Волошки	94 Кольбань	158 Отрубы	222–223 Хальч
28 Волчас	95 Копань	159 Переров.	224 Харалуг
29 Ворновка	96 Копоренка	160 Пещеры	225–226 Хильчицы
30 Воронино	97 Короватичи	161 Пирогов	227 Ходосовка
31 Воскодавы	98–99 Корост	162 Плитовище	228 Холопеничи
32 Вулька Орея	100 Корчеватое	163 Плоты	229 Хмеленец
33 Выгоры	101 Кос. Прудок	164 Погост	230 Хомичи
34 Вылево	102 Коськов	165 Погребы	231 Хоров
35 Вяз	103 Кошевка	166–167 Подгорцы	232 Хоромск
36 Гапоновичи	104 Кр. Горка	168 Подгорье	233 Хотин
37 Гдень	105 Кр. Слобода	169 Покать	234 Хотов
38 Гиров	106 Криница	170 Полесье	235 Хотяновка
39 Глыбов	107 Кричев	171 Понебель	236 Храковичи
40 Гомель	108 Крошино	172 Поречье	237–238 Чаплин
41 Горбаков	109 Курадово	173–174 Прибор	239 Червоное Поле
42 Горваль	110 Курганы	175 Приборск	240 Черетянка
43 Городище	111 Куриловка	176 Присно	241 Чернобыль
44–45 Городок	112 Лебеди	177 Проскурни	242 Черняхов
46–47 Городок	113 Левановщина	178 Процев	243 Чечерск
48 Городок	114 Лелев	179 Псище	244 Чикаловичи
49–50 Горошков	115 Леваши	180 Пустая Града	245 Чудны
51 Грабов	116 Лемешевичи	181 Пухова	246 Шапчицы
52 Гребени	117 Ленино	182 Радуль	247 Шепотовичи
53 Гремячее	118 Лепесовка	183 Редьковка	248 Шпанов
54 Гришенцы	119 Липняки	184 Рассвет	249 Щатково
55 Дамба I	120 Лиски	185 Речица	250 Щитцы
56 Деражное	121 Л-Райковецкая	186 Ровенская	251 Юрковичи
57 Деснянка	122 Луначарск	Слобода	252–253 Яново
58 Диков	123 Лучин	187 Рогачѣв	254 Яновка
59 Дубой	124 Любеч	188 Розважев	255–256 Ясенец
60 Дуброва	125–126 Любны	189 Рудня Прибытк.	257 Ястребка
61 Дудичи	127 Лютеж	190 Рудня Телешов.	
62 Дьяковичи	128 М. Салтановка	191 Рудяки	
63 Дюксин	129 Мизяков	192 Рябцы	
64 Жемельницы	130 Милоград	193 Саничи	
65–66 Забороль	131 Мирогоща	194 Себровичи	
67 Завужель	132 Митков	195 Селище	
68 Задрутье	133 Михновичи	196–197 Семурадцы	

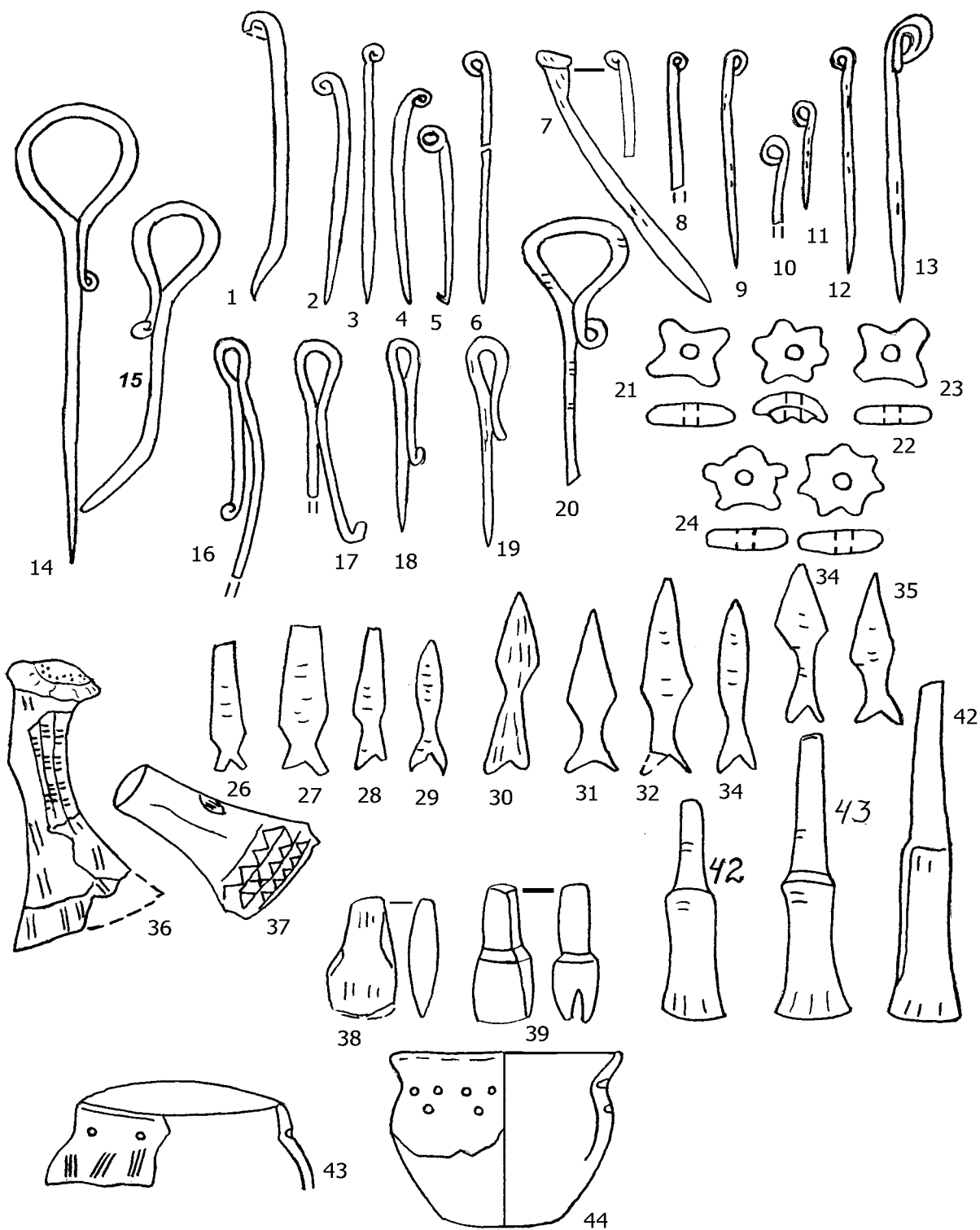

Рис. 2. Древности типа нижнего горизонта Лабенщины и их аналоги

1 – Погребы, 2 – Козинцы, 3 – Леплявское городище, 4 – Жаботин, поселение, 5 – Каменское городище, 6 – Кирово, 7 – 9 – Петровичи, 10, 36, 40, 44 – Лабенщина, 11 – Язно, 12, 29, 43 – Кубличи, 13, 41 – Капеличи, 14 – Деревянное, 15 – Корост, 16 – Щатково, 17 – Палицкое, 18, 19, 27 – Чижыха, 20 – Бураково, 21 – La Ciuga, 22 – Малышки, 23, 26 – Дмитровичи, 24 – Лысуха, 25 – Кострица, 29 – Любны, 30 – Холмец, 31, 33 – Демидово, 32 – Федотково, 34 – 35 – Кузина Гора, 37 – Мстиславль, 38 – Замощье, 39 – Горани, 42 – Девички, (26, 38 – камень, 30, 36 – 37, 39 – кость, 21 – 25, 43 – 44 – керамика, 1 – 4, 9, 14 – 18 – бронза, остальное – железо). Масштаб 1 : 2.

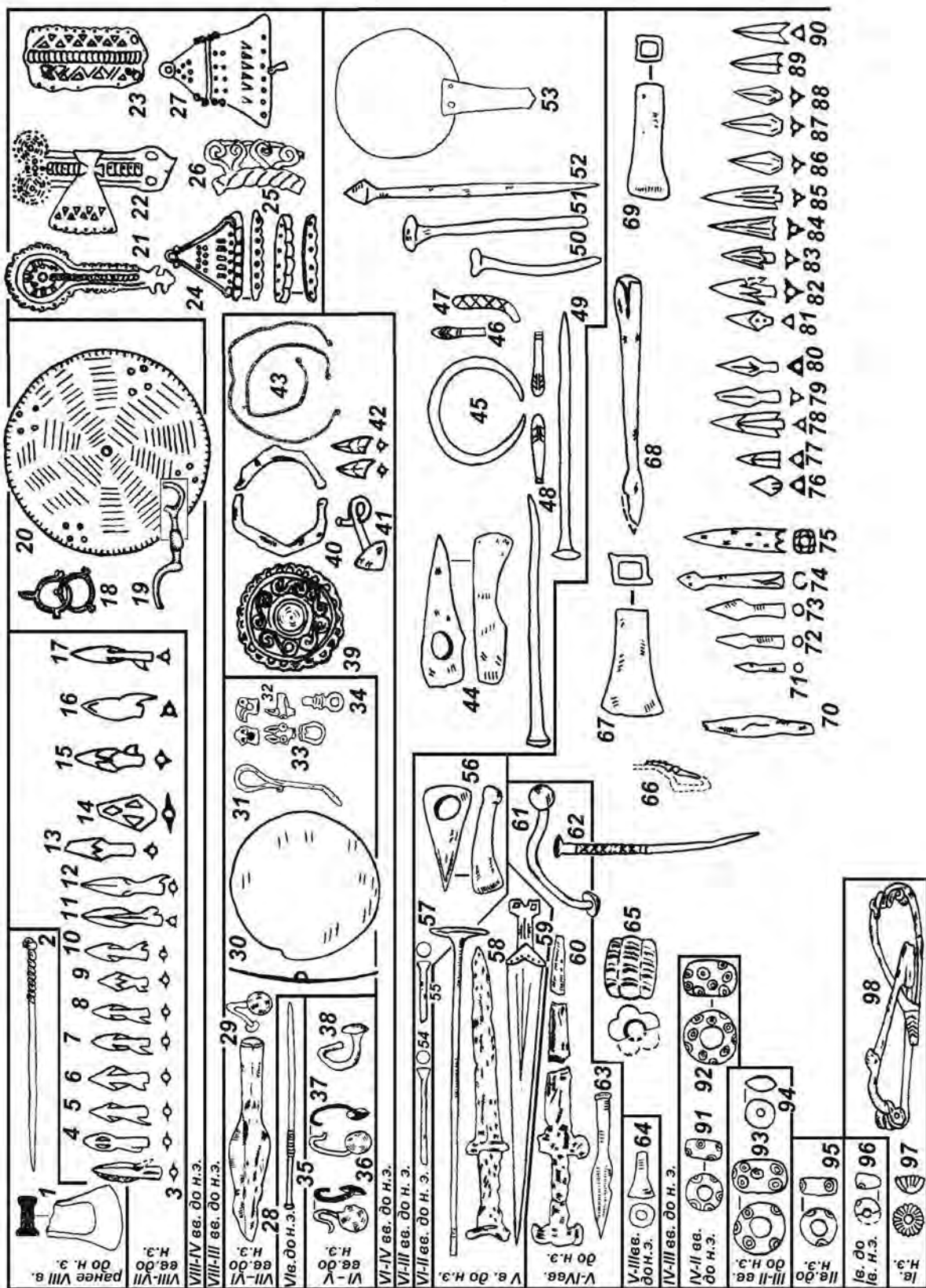

Рис. 3. Хронологическая таблица по датирующим находкам милоградской культуры

1 – Народичи, 2 – Гремячее, 3, 5 – 10 – Хильчицы, 4 – Ясенец I, 11 – 17, 31, 48 – Козинцы, 18, 19, 39, 43 – Приборск, 20, 22, 39, 40, 42, 44, 46 – Подгорцы, 21 – Букрин, 23 – Салтановка, 24, 45, 62 – Мизяков, 25, 31, 34 – Корост, 26, 72 – Уза, 27 – Рудяки, 28 – 29 – Дубой, 30 – Лиски, 32 – 33 – Замздай, 35, 76 – 80 – Козинцы, 36, 49, 51, 56, 57, 66, 68, 91 – 95 – Горошков, 37 – Бортниччи, 38, 41, 58 – Казаровичи, 47 – Мохов I, 50, 63, 64, 67, 73, 74, 84, 85, 52 – Присно, 53 – Деснянка, 54 – Ястребка, 55, 65, 82, 83 – Лемешевичи, 59 – Ораное, 60, 70 – Куриловка, 61 – Щатково, 64, 86 – 90 – Асаревичи, 69 – Таченки, 81 – Табеевка, 97 – 98 – Милоград

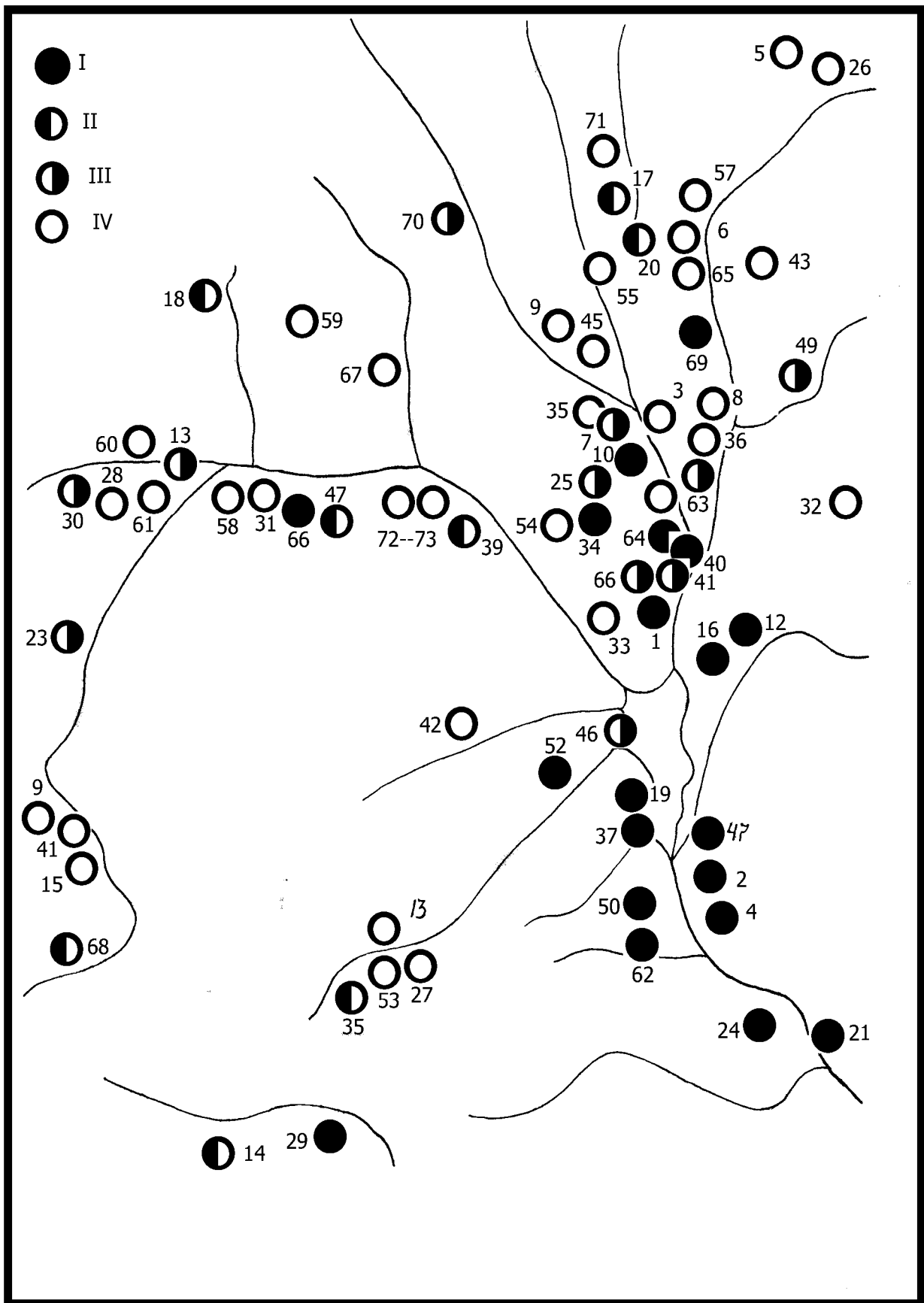

Рис. 4. Взаимовстречаемость «жемчужин» (*) и вещей скифских типов (с)

Рис. 4. Взаимовстречаемость «жемчужин» (*) и вещей скифских типов (с)

1	Асаревичи	*	с	38	Милоград		
2	Бортничихи	*	с	39	Моисеевка	*	
3	Борхов			40	Мохов I	*	с
4	Вишенки	*	с	41	Мохов II		
5	Владимирец			42	Народичи		
6	Волчас			43	Нисимковичи		
7	Ворновка			44	Олексин Вел.		
8	Глыбов			45	Отрубы	*	
9	Гомель			46	Плиговице		с
10	Городок			47	Погост	*	с
11	Горошков	*	с	48	Погребы	*	с
12	Гремячее			49	Подгорье		с
13	Деснянка	*	с	50	Прибор		
14	Жемельницы	*		51	Приборск	*	с
15	Забороль			52	Пище		
16	Замплай	*	с	53	Рассвет		
17	Збаров	*	с	54	Рогачёв		
18	Иваиь	*		55	Семурадцы		
19	Казаровичи	*	с	56	Славгород		
20	Кистени	*		57	Снядин	с	
21	Козинцы	*	с	58	Сорочи		
22	Колочин I			59	Сошно		
23	Корост		с	60	Струга		
24	Корчеватое	*	с	61	Таценки	*	с
25	Красное Ст.		с	62	Уза		с
26	Кричев			63	Чапин	*	с
27	Кропшно			64	Чечерск		
28	Курадово			65	Хильчицы	*	с
29	Куриловка	*	с	66	Холопеничи		
30	Лемешевичи	*	с	67	Хоров		
31	Левановщина			68	Шепотовичи	*	с
32	Ленино			69	Щатково		с
33	Липняки			70	Яново		
34	Лиски		с	71	Ясенец I	*	с
35	Л-Райковецкая	*		72	Ясенец II	*	
36	Любны			73	Ястребка		с

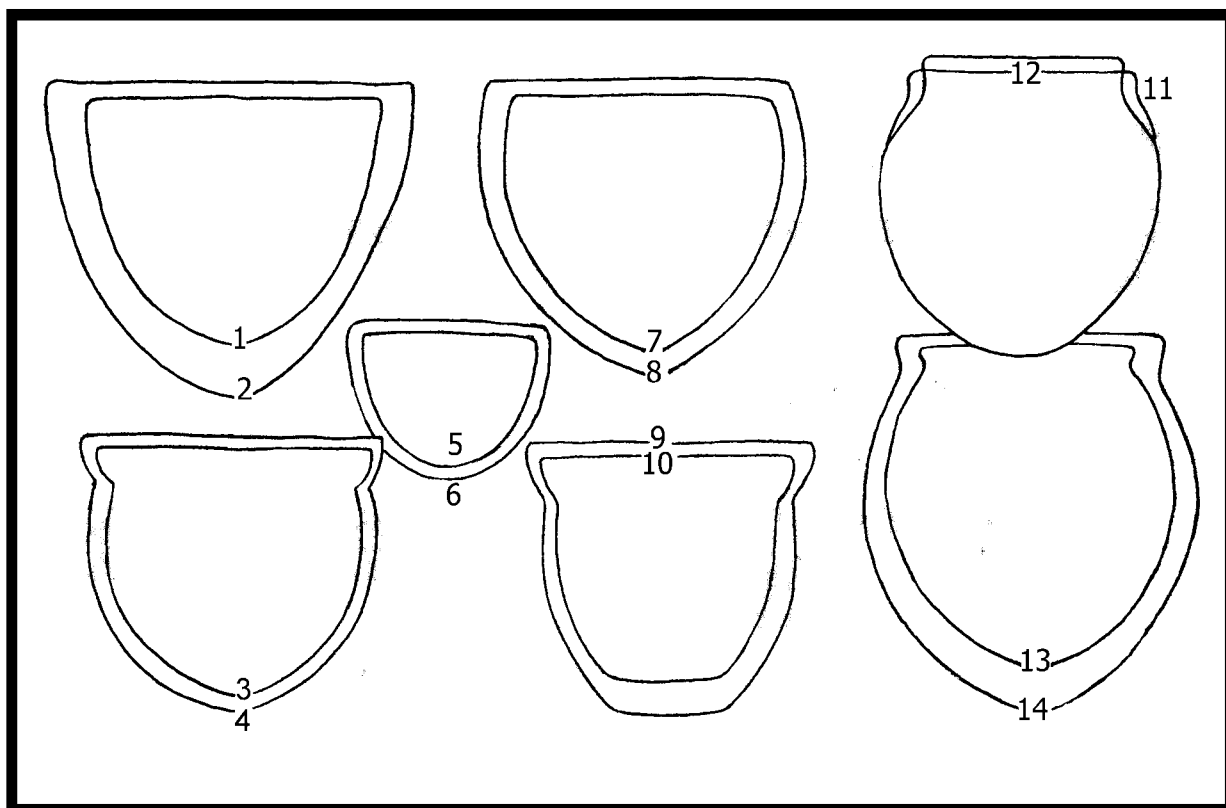

Рис. 5. Милоградские и «милогроидные» сосуды

1, 3, 5, 7, 9, 11, 3 – милоградская культура, 2 – гаринскоборская, 4 – абашевская, 6, 8, 10 – ананьинская, 12, 14 – караякуповская

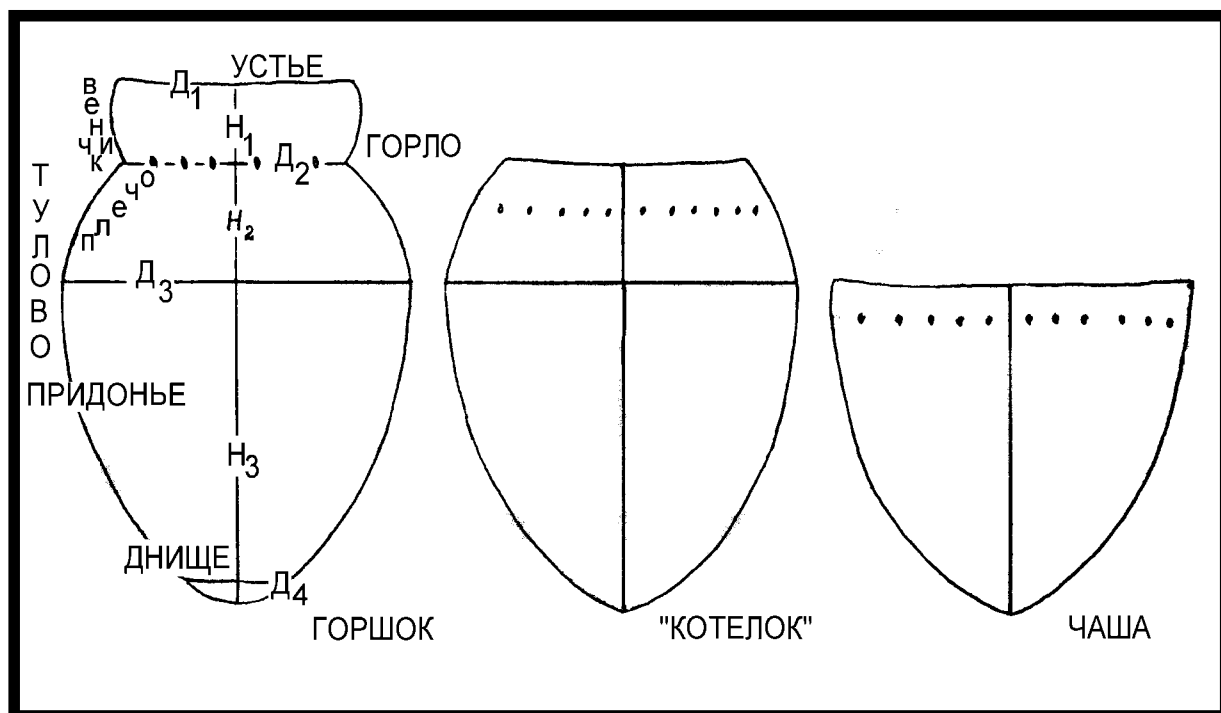

Рис. 6. Категории милоградских сосудов, наименования частей, места замеров

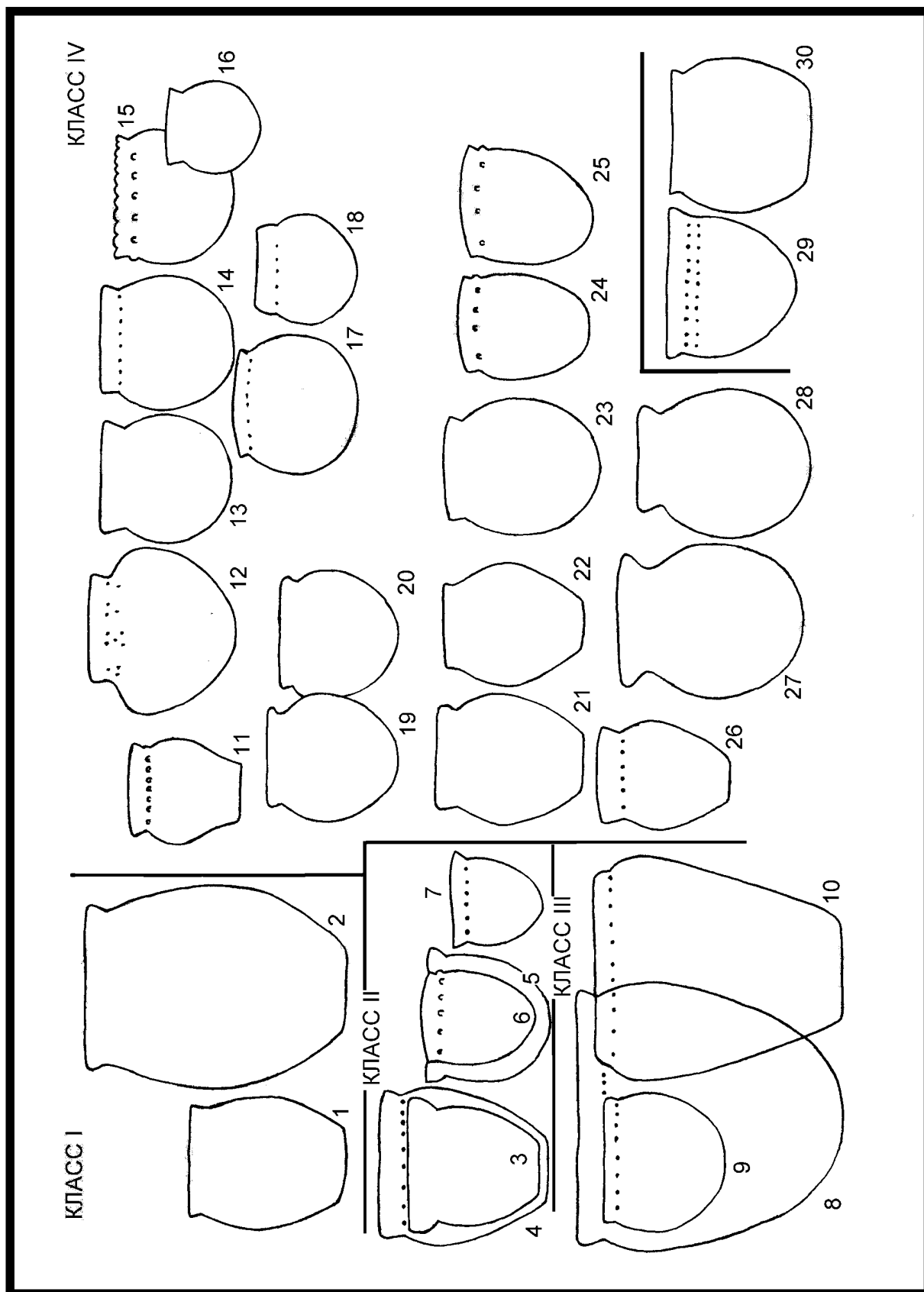

Рис. 7. Результаты автоматической классификации целых милоградских горшков

1, 2, 4, 22, 30 – Дубой, 3, 18 – Асаревичи, 5, 8, 9, 12, 14, 26, 27, 29 – Горшков, 6, 24 – Мохов I, 7 – Лука Райковецкая, 10 – Подгорье, 11 – Казаровичи, 13 – Погребы, 15 – Корчеватое, 16, 19 – Милоград, 17 – Ленино, 20 – Уза, 21 – Забороль, 23 – Левановщина, 25 – Куриловка, 28 – Корост.

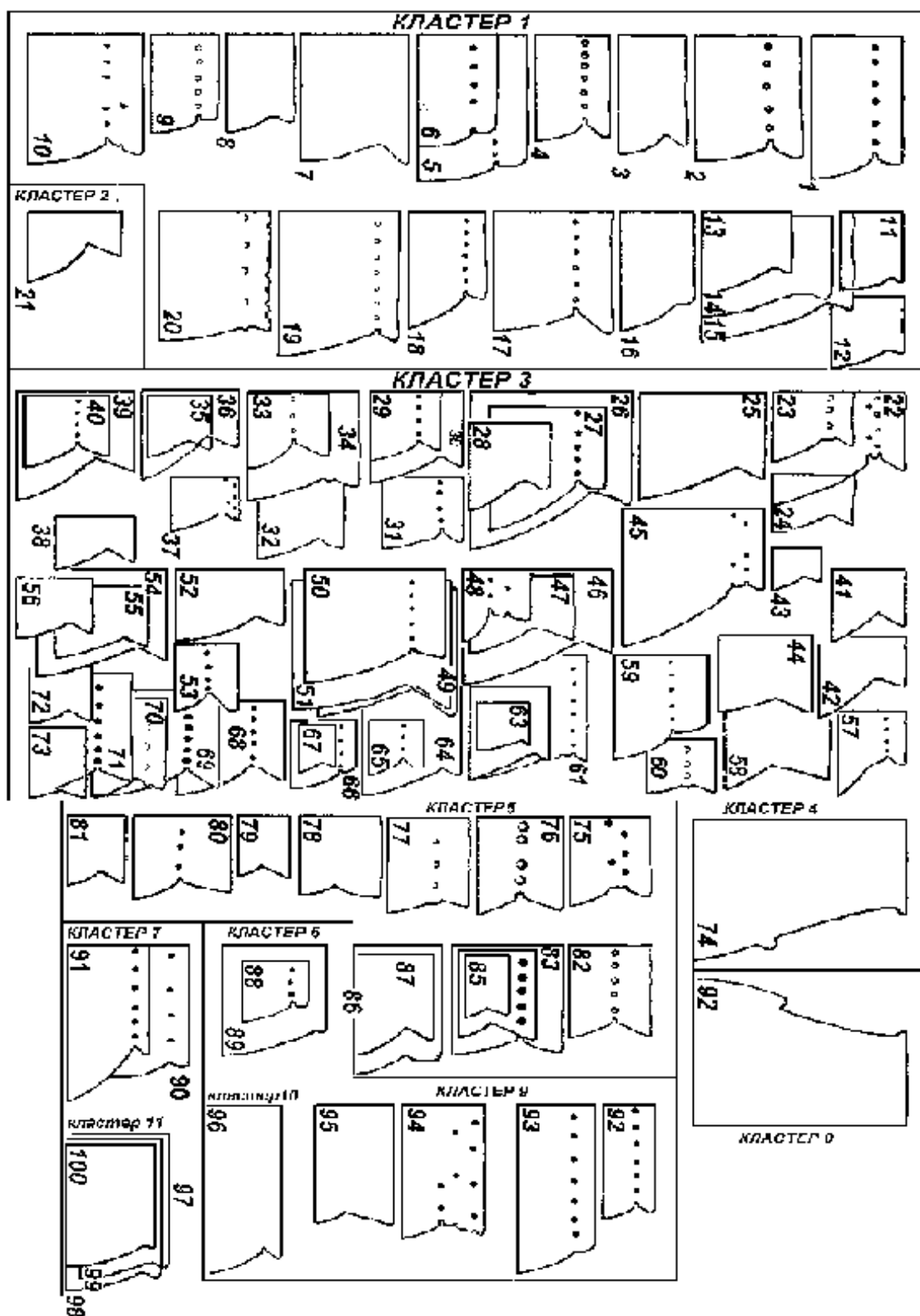

Рис. 8 Результаты автоматической классификации верхних частей
миллеградских горшков

1 – 2, 4 – 5, 17, 22 – 23, 25, 29, 31, 33, 36, 38 – 39, 43 – 45, 47 – 48, 51, 54 – 55, 57, 66, 68 – 69, 75 – 76, 79, 82 – 83, 86 – 87, 95 – 96 – Горохов, 3, 16, 89, 100 – Ленино, 6 – 7, 10, 26, 40, 49 – 50, 58, 64 – Миллеград, 8, 32, 41 – Лемешевичи, 9 – Борхов, 11, 19, 63 – Уза, 12 – 15, 24, 30, 46, 67, 74, 81, 84, 92 – Дубой, 18 – Плыбов, 20 – Корчеватов, 21, 71 – Куржловка, 27, 37, 59 – Асаревичи, 28, 35 – Чаплин, 34, 77, 80 – Мухов I, 42 – Корост, 52, 65 – Левановщина, 53 – Боровки, 56 – Забороль, 60 – Погребы, 61 – Хильчицы, 62, 93 – 94 – Лубны, 70 – Казаровичи, 73 – Шелотовичи, 78 – Лука Райвшевская, 85, 88, 91, 97 – 98 – Подгорье, 90, 99 – Присно.

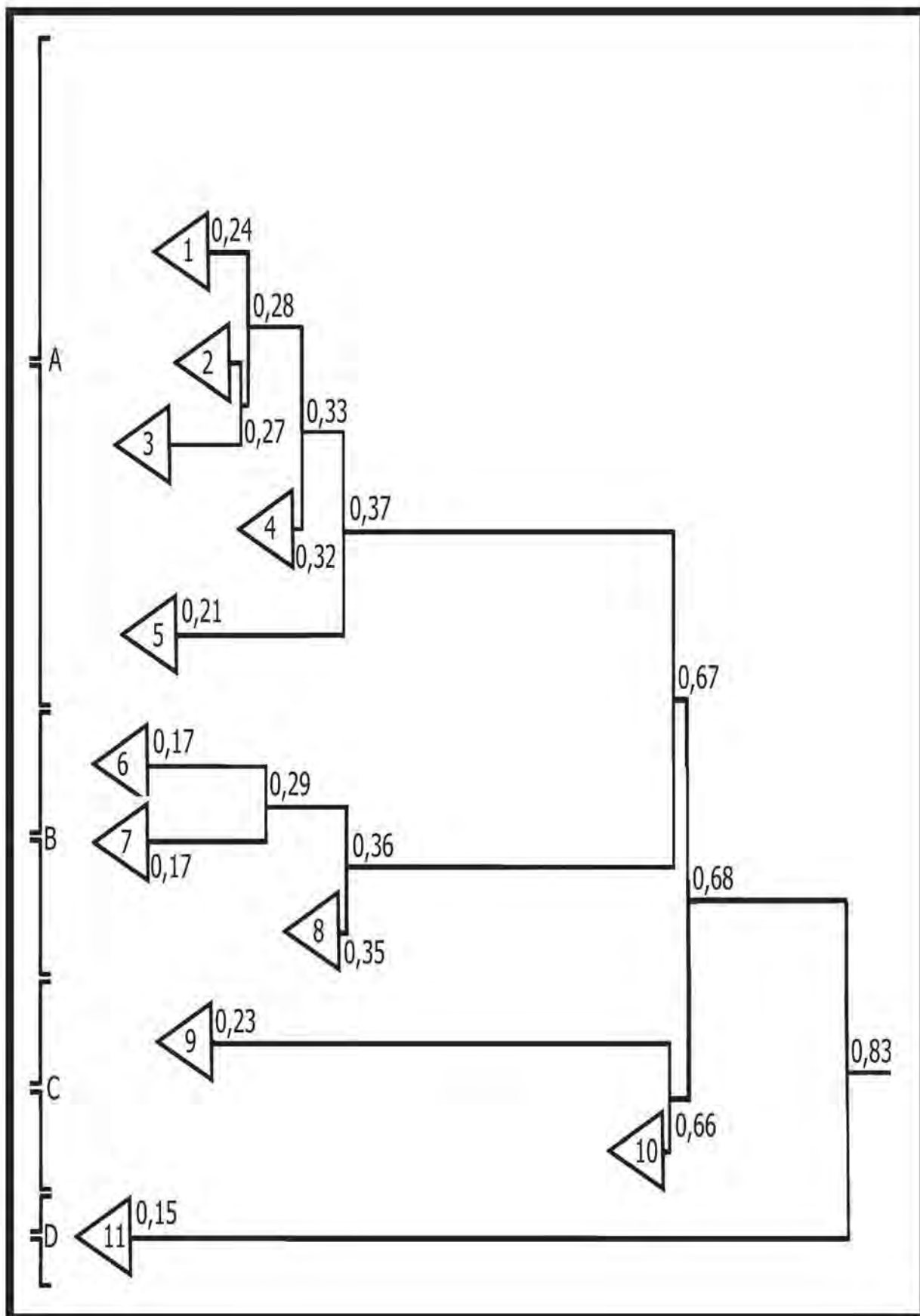

Рис. 9. Дендрограмма-типология верхних частей милоградских горшков

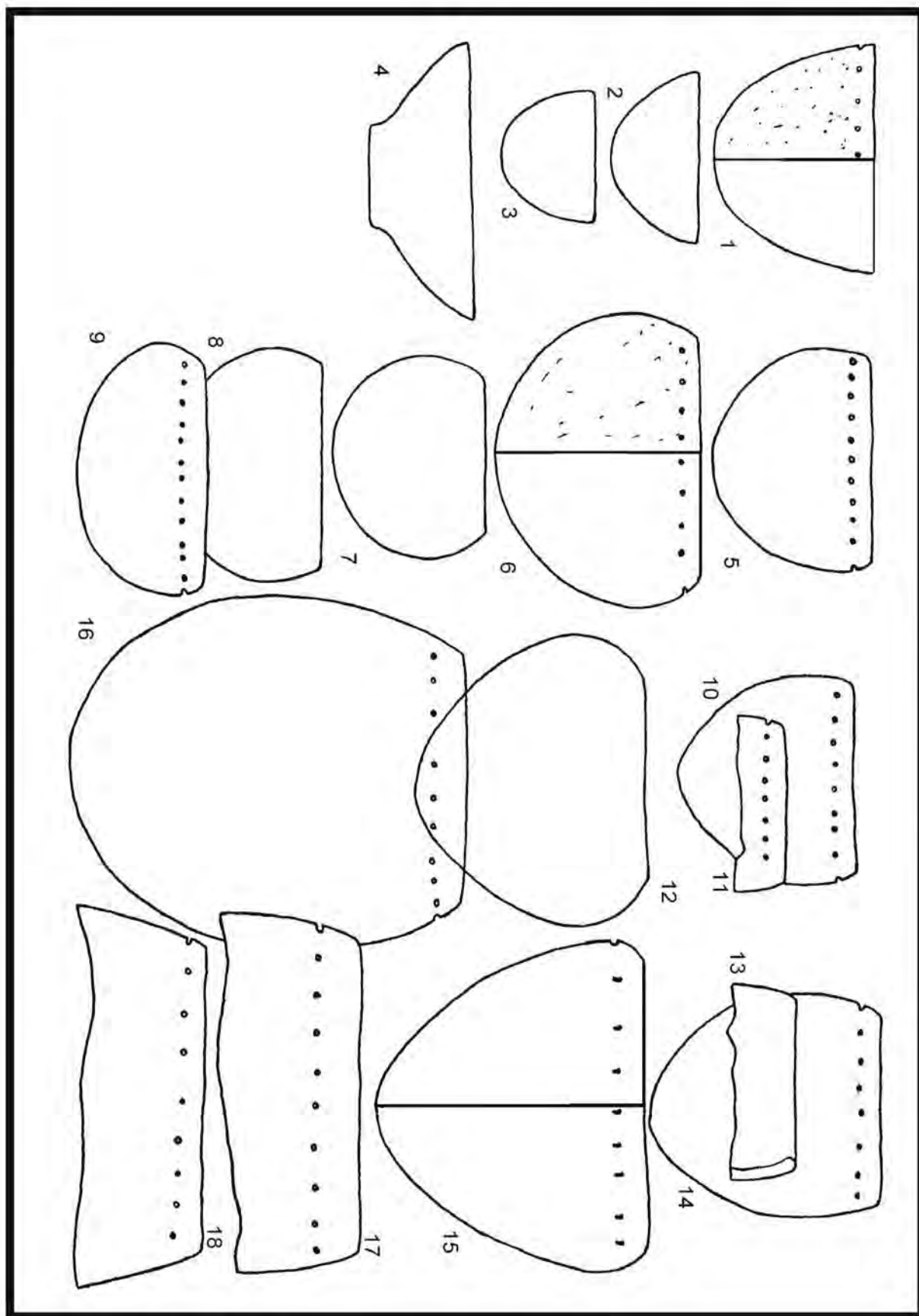
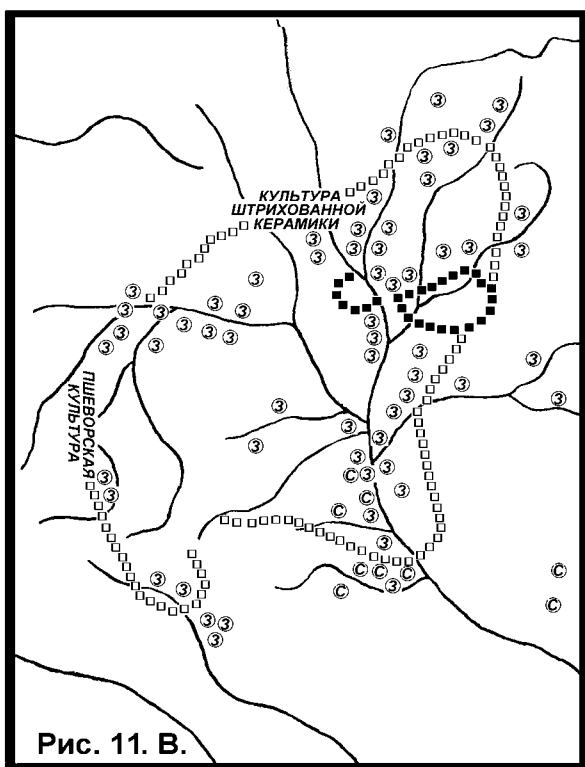
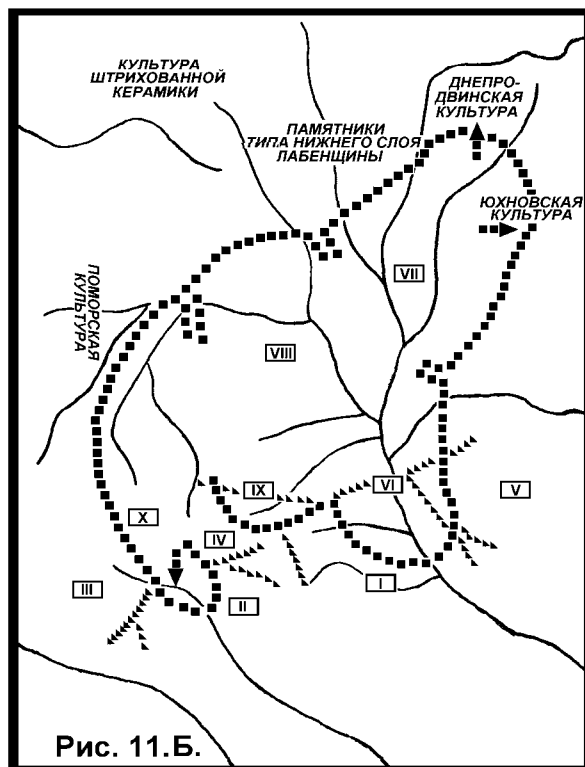
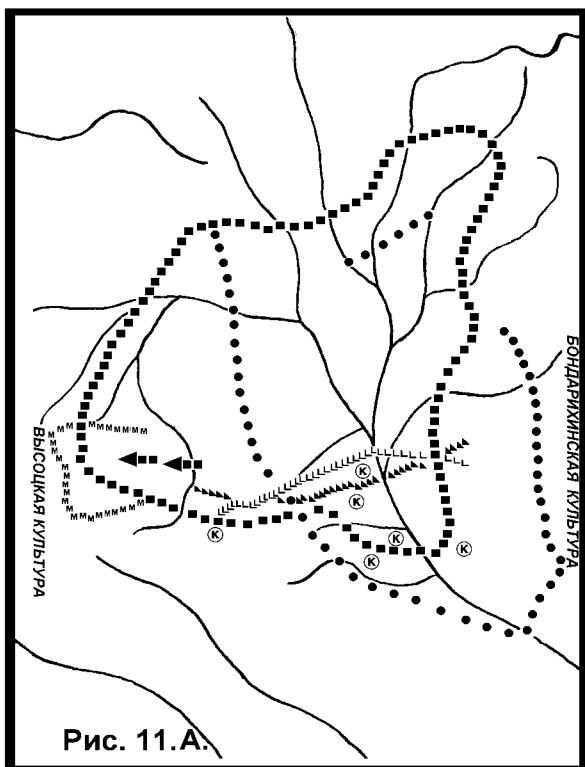

Рис. 10. Чаше- и котлообразные милоградские сосуды

1 – 3, 5 – 6, 11 – 13, 16 – Горшков, 4 – Подгорье, 7 – 9 – Милоград, 10 – Борхов, 14, 17 – 18 – Борхов, 16 – Нисимковичи.

Условные обозначения:

- 1 — ареал лебедовских памятников,
- 2 — ареал милоградских памятников,
- 3 — бывший милоградский ареал,
- 4 — передвижения «милоградцев»,
- 5 — северная граница позднего чернолесья,
- 6 — ареал памятников лесостепных «скифов»,
- 7 — район концентрации могильных памятников,
- 8 — киммерийские вещи в лебедовском ареале,
- 9 — сарматские памятники,
- 10 — зарубинецкие памятники,

Рис. 11. Эволюция милоградского ареала: предскифская (А), скифская (Б) и послескифская (В) эпохи

Локальные варианты: I – киевский лесостепной скифской культуры, II – восточноподольский, III – западноподольский, IV – волинский, V – посульский, VI – подгорцевский милоградской, VII – верхнеднепровский, VIII – полесский, IX – восточноволинский, X – западноволинский.

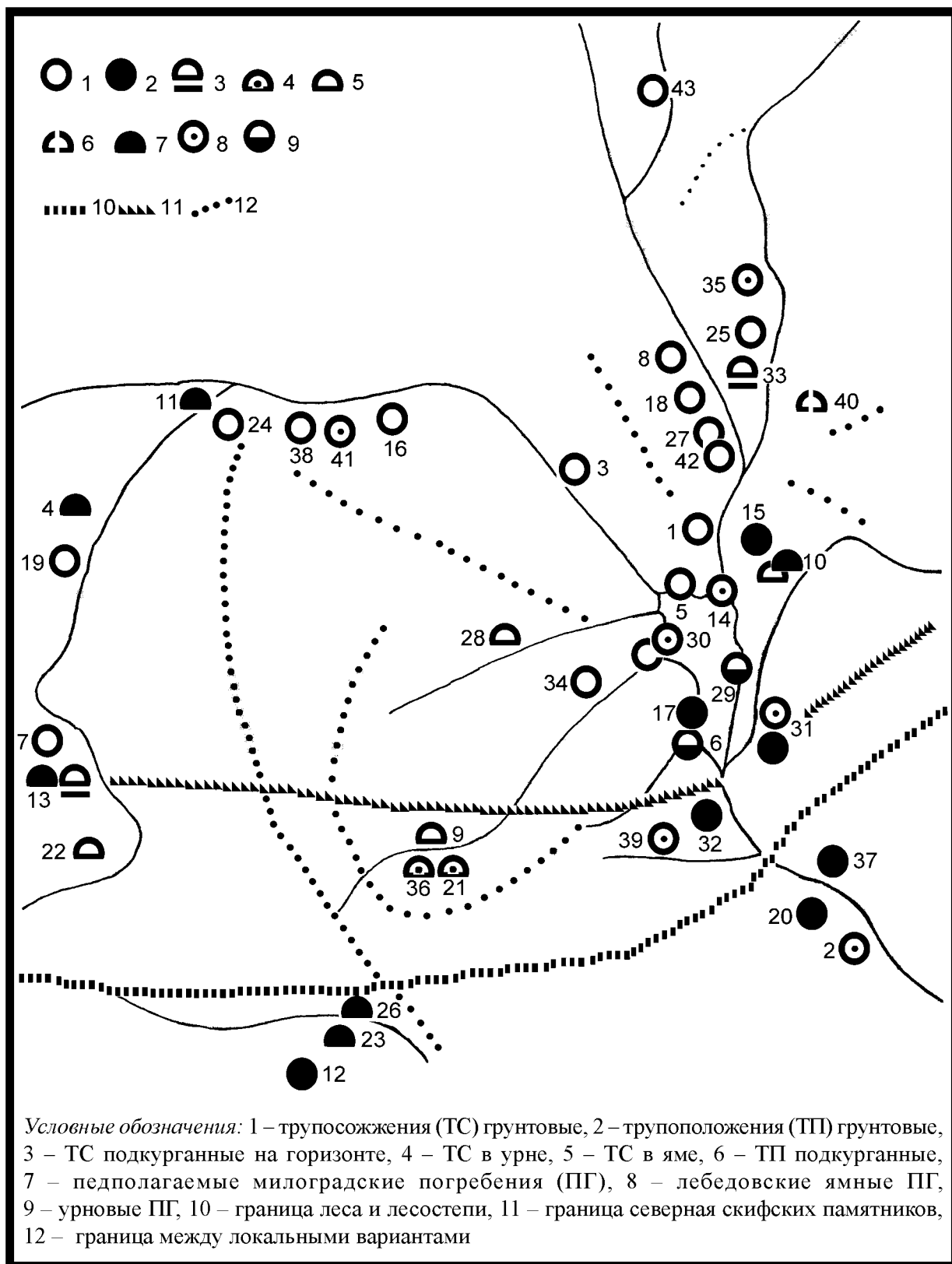

Рис. 12. Ареалы лебедовских и милоградских могильников

1 – Асаревичи, 2 – Бобрица, 3 – Боровики, 4 – Владимирец, 5 – Гапоновичи, 6 – Гастомель, 7 – Городок, 8 – Горопков, 9 – Гремячее, 10 – Деснянка, 11 – Дубой, 12 – Жемельницы, 13 – Забороль, 14 – Залесье, 15 – Замглай, 16 – Знасенка, 17 – Казаровичи, 18 – Колочин II, 19 – Корост, 20 – Корчеватое, 21 – Кропино, 22 – Курганы, 23 – Куриловка, 24 – Левановщина, 25 – Любны, 26 – Мизяков, 27 – Мохов II, 28 – Народичи, 29 – Новосёлки, 30 – Плитовище, 31 – Погребы, 32 – Подгорцы, 33 – Прибор, 34 – Приборск, 35 – Присно, 36 – Псище, 37 – Рудяки, 38 – Семурадцы, 39 – Таценки, 40 – Терюха, 41 – Хильчицы, 42 – Чаплин, 43 – Яново.

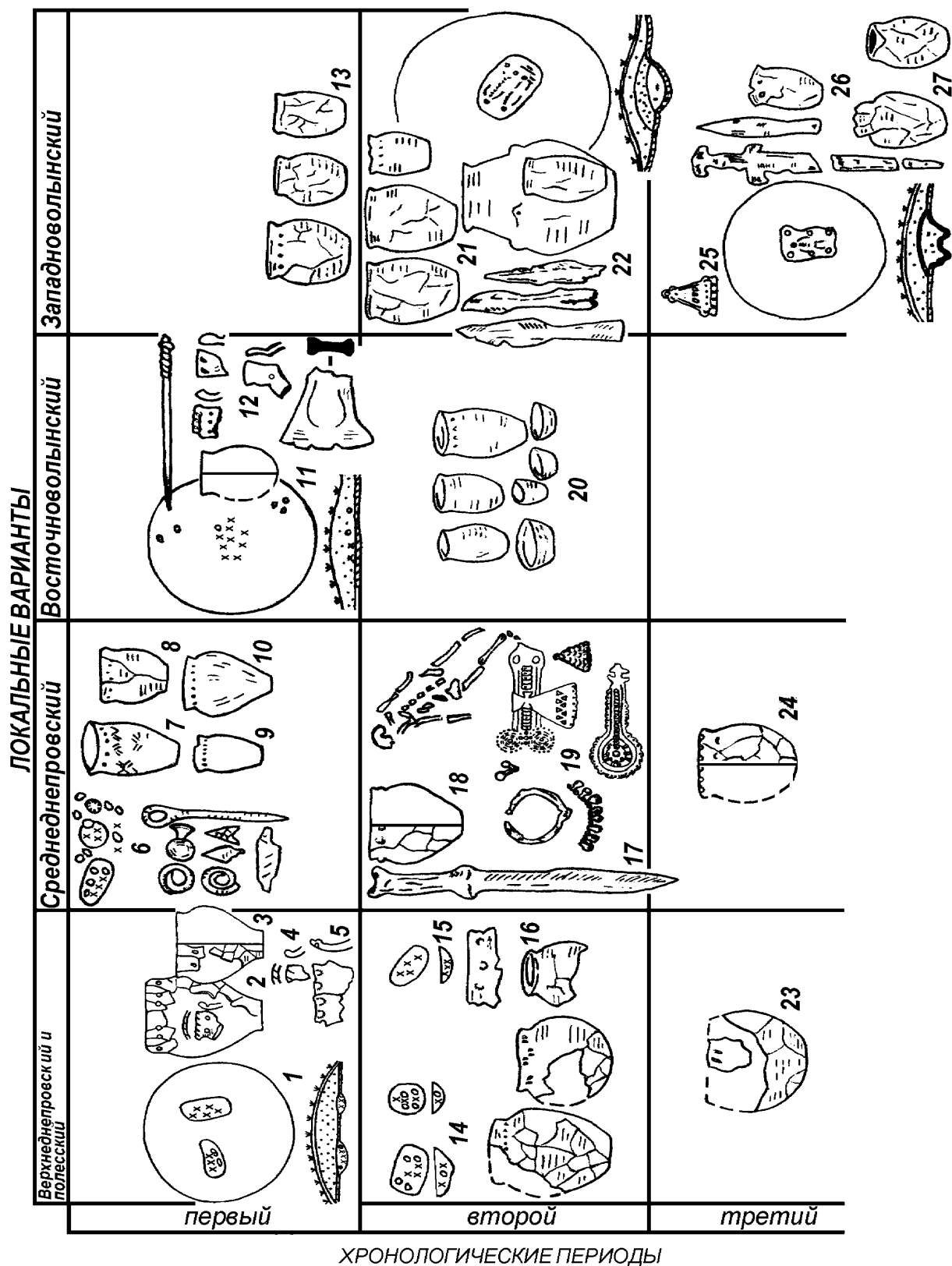

Рис. 13. Сравнительно-хронологическая таблица милоградских могильников по их локальным вариантам

1 – 3 – Прибор, 4 – Однополье, 5 – Хильницы, 6, 8, 9 – Погребы, 7, 10 – Новосёлки, 11 – Гремяче, 12 – Народичи, 13 – Заборол, 14 – Горошков, 15 – Знаменка, 16 – Плитовище, 17, 18 – Казаровичи, 19 – Подгорцы, 20 – Псище и Крошино, 21 – Городок, 22 – Дубой, 23 – Чаплин, 24 – Корчеватое, 25 – Мизяков, 26 – Куриловка, 27 – Левановщина.

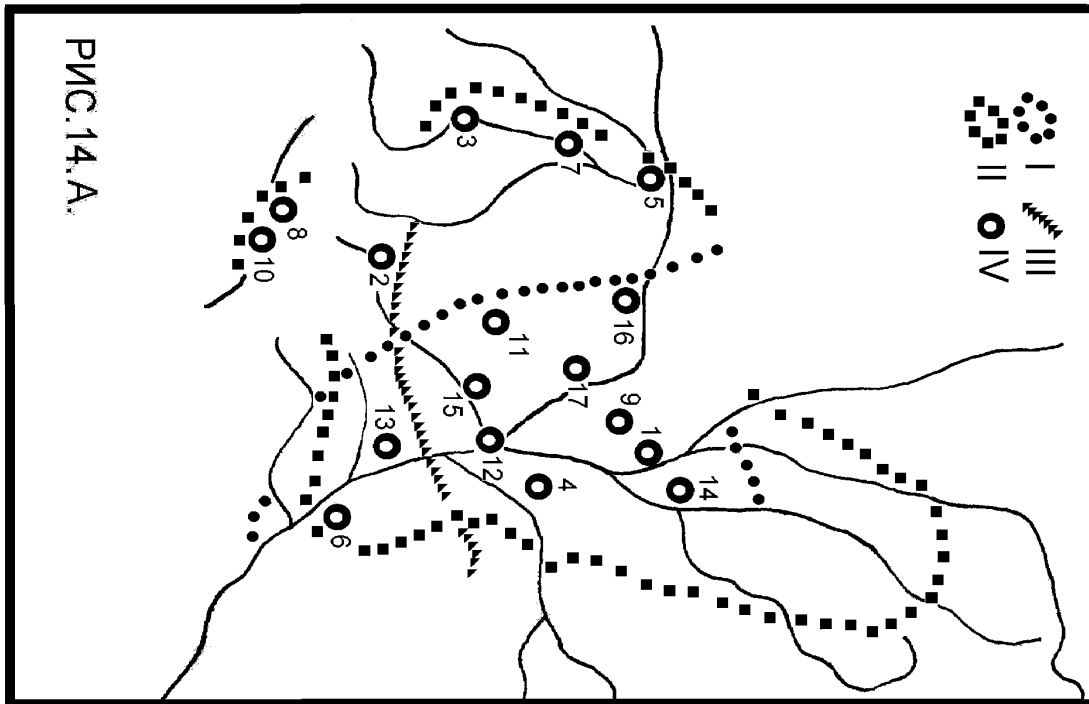

Рис. 14. А.

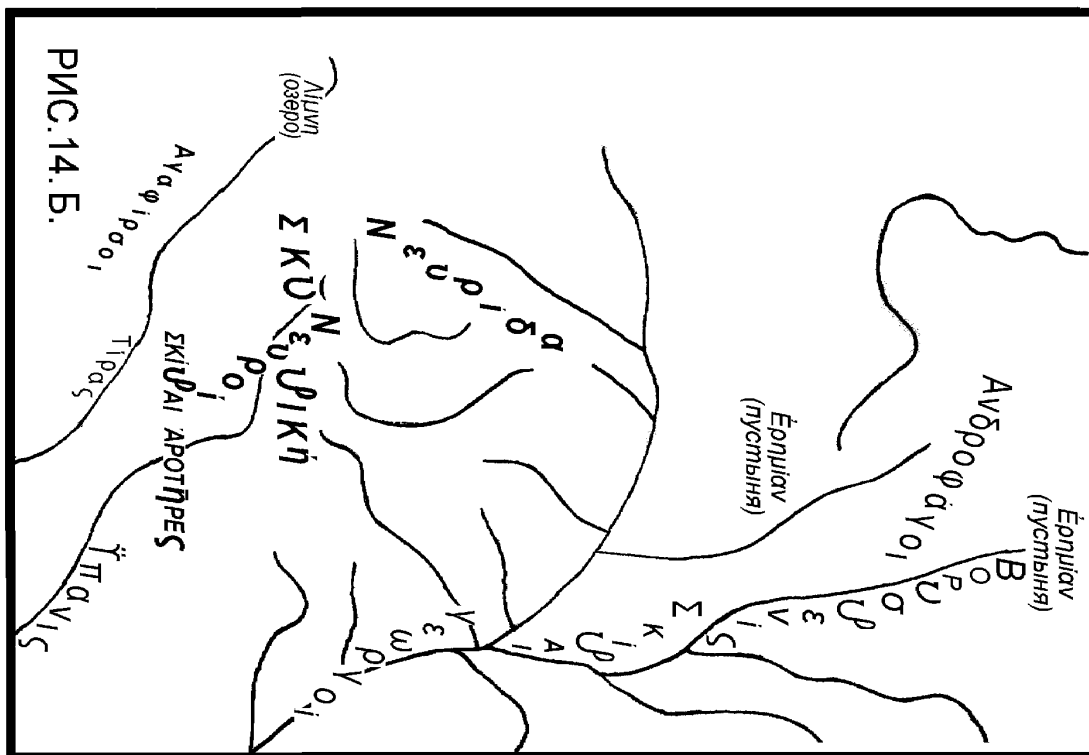

Рис. 14. Б.

Условные обозначения: I – лебедовский ареал, II милоградский, III – северная граница распространения скифских памятников, IV – милоградские комплексы с датирующими вещами предскифского и архаического времени.

**Рис. 14. Милоградская культура скифского времени (А).
Северо-запад Скифии и смежные земли (Б)**

1 – Горошков, 2 – Гремячее, 3 – Забороль, 4 – Замглай, 5 – Дубой, 6 – Козицы, 7 – Корост, 8 – Куриловка, 9 – Лиски, 10 – Мизяков, 11 – Народичи, 12 – Плятовище, 13 – Подгорцы, 14 – Прибор, 15 – Приборск, 16 – Хильчицы, 17 – Ясеиц II.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ...	3
ГЛАВА I. ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРЫ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КРИТЕРИЕВ МИЛОГРАДСКОЙ АТТРИБУЦИИ.....	11
ГЛАВА II. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ	25
1. Абсолютная и относительная хронология милоградской культуры (по металлу скифских и латенских образцов и античным бусам).	25
2. О хронологических признаках милоградской керамики.	39
ГЛАВА III. АРЕАЛ И ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	46
1. Границы и эволюция милоградского ареала.	46
2. Локальные различия (по данным погребальной обрядности).	55
3. Проблема милоградских миграций.	61
ГЛАВА IV. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНИЧЕСКОЙ АТТРИБУЦИИ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ	71
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	77
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	78
ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ.....	89
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	90

ZUSAMMENFASSUNG

Die Monographie befindet sich die Angaben der vieljaerigen Forschungen der Milograd-kultur. Sie traegt der Name des Burgwalls bei dem Dorf *Miligrady*, jetzt Bezirk Rečica, Gebiet Gomel, Weissrussland (Belarus). Areal der Milograd-kultur erfasst heutige suedliches Weissrussland und der Nordukraine auch-traurig beraemmte Černobyl-Zone, im Praxis.

Nach dem Vorworts es gilt ueber der Geschichte der Forschungen der milograder Denkmalem (von der Anfang des XX Jh. bis heute). Dann sind die aktuellen Forschungsaufgaben. Erstes Kapitel - «Paleoethnographischen Kennzeichen der Kultur». Hier befindet sich die Erfahrung der Benutzung der milogradischen Attribution. Zweites ist das Kapitel «Die Fragen der Chronologie». Die Rahmen der Chronologie der Milograd-Kultur sind von X Jh. vor Chr. Bis I Jh. nach Chr. Die Grundlagen unserer Chronologie sind die bedeutenden Daten der Funden aus Metall, Glass und Keramik auch. Drittes Kapitel ist «Der Areal und lokalen Unterschieden der Milograd-Kultur». Es gilt ueber Entstehung, Entwicklung und Degradation der allen milogradischen lokalen Varianten. Endlich, viertes Kapitel, «Die Moeglichkeit und Perspektive der ethnische Attribution der Milograd-Kultur». Der Antwort schneller negativ ist...

Научное издание

Рассадин Сергей Евгеньевич

Милоградская культура: ареал, хронология, этнос

На русском языке

Издательский редактор: *С.П. Витязь*

Технический редактор: *Н.П. Жогло*

Компьютерная верстка: *Н.П. Жогло*

Дизайн обложки: *З.С. Мантуш*

Сдано в набор 14.06.2004 г. Подписано в печать 01.08.2005 г.
Формат 60X84 1/8. Бумага офисная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. лист. 15,3. Усл.-печ. лист. 12,3.
Тираж 100 экземпляров. Заказ № 23.

ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»
Лицензия ЛВ № 02330 / 0133318 от 09.06.2004 г.
220072, г. Минск, ул. Академическая, 1.

Напечатано в ГНУ «Институт истории НАН Беларуси»
220072, г. Минск, ул. Академическая, 1.